

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVI.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1894.

Дозволено Цензурою Кієвъ 2 Августа 1894 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСЬКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVII.

Устройство карниза на домъ гимназіи. — Ардаліонъ Калистратовъ. — Директоръ Кулжинскій; его распоряженія и отношенія къ чиновникамъ гимназіи. — Ученическіе спектакли. — Ревизія Ребиндера. — Моя отставка отъ службы. — Переводъ Кулжинскаго въ Полтаву.

Вступивъ въ исправленіе должности директора, я долженъ былъ произвести ремонтировку наружной стороны дома гимназіи, на которомъ алебастровый карнизъ началъ обваливаться и угрожалъ опасностью ходившимъ близъ стѣны. Разрѣшено было отбить карнизъ вокругъ всего дома и сдѣлать новый опять изъ алебастра. Принимая во вниманіе, что новый алебастровый карнизъ будетъ дорого стоить и недолго продержится на старомъ кирпичѣ и что выгоднѣе и прочнѣе будетъ, отбивши алебастровый карнизъ, подбить его досками и покрасить масляною краскою, я сообщилъ мое мнѣніе Попечителю Округа, и оно удостоилось утвержденія. Сдѣланный такимъ образомъ деревянный карнизъ вверху дома гимназіи держится на немъ и доселѣ.

Довольно долгое время я исправлялъ должность директора въ ожиданіи назначенія преемника Науменку. Въ это время высшее начальство опять стало опредѣлять директорами въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію людей, не приготовленныхъ къ учеб-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 7.

ной службѣ. Изъ газетъ я узналъ, что директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи назначенъ какой-то Ардаліонъ Каллистратовъ. Прежде нежели я получилъ предписаніе о томъ отъ попечителя Кіевского учебнаго Округа, Каллистратовъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ и занялъ въ домѣ гимназіи директорскую квартиру. Когда я явился къ нему, онъ вручилъ мнѣ предписаніе министерства о его назначеніи и считалъ себя начальникомъ гимназіи, хотя я не сдавалъ ему должности. На первой недѣлѣ великаго поста онъ говѣлъ съ нами и предъ началомъ ученія велѣлъ мнѣ собрать учениковъ въ залѣ для слушанія молебна, чего прежде никогда не бывало; по окончаніи молебна онъ произнесъ предъ учениками грозную рѣчь, въ которой говорилъ имъ, что будетъ строго взыскивать съ нихъ за лѣность и худое поведеніе. Такой поступокъ Каллистратова всѣхъ насъ удивилъ своимъ на первыхъ-же порахъ неблагоразуміемъ. Послѣ такой рѣчи онъ пошелъ въ свою квартиру, а я въ канцелярію, гдѣ нашель два присланные на мое имя пакета, въ одномъ изъ нихъ мнѣ предписывалось, не сдавая должности Каллистратову, продолжать по прежнему исправленіе директорской должности, а другой пакетъ вручить Каллистратову, когда онъ прибудеть въ Новгородъ-Сѣверскъ. Когда я вручилъ Каллистратову означенный пакетъ, онъ, прочитавъ присланную ему бумагу, заплакалъ: въ предписаніи ему было сказано, что вмѣсто директорской должности въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи онъ назначается чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Кіевского учебнаго округа. Онъ тогда же написалъ отъ себя представленіе попечителю и далъ мнѣ прочитавъ его; найдя его безграмотнымъ, я совѣтовалъ Каллистратову исправить написанное, но онъ меня не послушался и послалъ въ томъ видѣ, какъ было написано; эта бумага убѣдила всѣхъ въ округѣ въ его неспособности служить по учебному вѣдомству. Говорили, что когда Государь Императоръ былъ въ Кіевѣ, Каллистратовъ хотѣлъ ему жаловаться за удаленіе отъ директорской должности, назначенной ему по Высочайшему приказу, но его удержали отъ такой жалобы; онъ оставался въ Кіевѣ все тѣмъ же чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ, который не поручалъ ему ника-

кихъ дѣлъ. Впослѣдствіи времени объяснилось, почему въ Петербургѣ его назначили директоромъ. Онъ служилъ прежде по Министерству Государственныхъ Имуществъ на какой-то должности, отъ которой былъ удаленъ по неспособности; онъ былъ женатъ на незаконной дочери какого-то генерала, имѣвшаго связи съ высокопоставленными лицами; вотъ эти-то лица и упростили министра народнаго просвѣщенія Норова дать Каллистратову отрывшшееся въ Новгородъ-Сѣверскѣ директорское мѣсто. Въ это время въ Петербургѣ находился попечитель Кіевскаго учебнаго округа Ребиндеръ, который, узнавъ о назначеніи Каллистратова и объ его удаленіи отъ прежней должности, лично объяснилъ Норову неспособность Каллистратова быть директоромъ гимназіи и убѣдилъ министра назначить Каллистратова для опыта сперва чиновникомъ особыхъ порученій, а находившагося тогда при Ребиндерѣ чиновника особыхъ при немъ порученій Кулжинскаго опредѣлить директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

Кулжинскій долгое время не пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, находясь въ Кіевѣ, откуда писалъ мнѣ, чтобы я производилъ внутреннія перестройки въ домѣ гимназіи, но не получивъ формальнаго на то предписанія отъ попечителя, и притомъ самъ будучи невѣдущъ въ строительномъ дѣлѣ, я не рѣшился исполнить приказанія Кулжинскаго. Въ то время предположено было верхнюю залу гимназіи передѣлать въ классы, при чемъ надлежало поставить въ ней печи непременно на желѣзныхъ кронштейнахъ, между тѣмъ Кулжинскій распорядился сдѣлать эти кронштейны изъ дерева; прибывшій для освидѣтельствованія этой постройки чиновникъ изъ черниговской строительной комиссіи привязался было къ такому устройству кронштейновъ, но былъ упрощенъ не доносить о томъ въ строительную комиссію.

Въ ожиданіи прибытія Кулжинскаго всѣ мы находились въ недоумѣніи, какъ онъ будетъ управлять гимназіей, потому что изъ Кіева доходили до насъ неблагопріятные слухи о его характерѣ. Учитель Варжанскій, знавшій Кулжинскаго и, кажется, обучавшійся вмѣстѣ съ нимъ въ университетѣ, прямо объявилъ намъ, что онъ считаетъ униженнымъ служить подъ его на-

чальствомъ, и вскорѣ вышелъ въ отставку. Засѣдая въ канцеляріи гимназіи, Кулжинскій былъ на своемъ мѣстѣ, какъ компетентный по такой службѣ дѣятель: служа въ канцеляріи попечителя въ должности чиновника особыхъ порученій, онъ хорошо изучилъ порядокъ веденія дѣлъ въ гимназіяхъ и, будучи знакомъ со всѣми близкими къ попечителю лицами, черезъ частныя свои съ ними сношенія, зналъ напередъ, когда и въ какомъ смыслѣ представленія его въ округѣ будутъ имѣть свою силу. Первымъ его распоряженіемъ по гимназіи было учрежденіе правильнаго порядка чтенія получаемыхъ для гимназіи журналовъ и газетъ, для чего онъ составилъ очередной списокъ читающихъ лицъ съ обозначеніемъ, сколько времени означенныя ежемѣсячныя изданія должны находиться на рукахъ каждаго изъ читающихъ. Этимъ порядкомъ всѣ мы остались довольны. Дѣятельность же Кулжинскаго по учебнымъ занятіямъ гимназіи ограничивалась только тѣмъ, что онъ ежедневно при началѣ уроковъ въ гимназіи приходилъ изъ своей квартиры повѣрять, всѣ ли преподаватели въ свое время приходили на уроки. Въ самое преподаваніе уроковъ въ классѣ онъ не вникалъ, да и не могъ судить о немъ, потому что самъ никогда ничего не преподавалъ и въ университетѣ, какъ говорили, проходилъ курсъ кое-какъ, почему и поступилъ не на учебную службу, а въ канцелярію попечителя, въ которой ему посчастливилось сдѣлать себѣ незаслуженную карьеру. Труды и занятія преподавателей онъ оцѣнивалъ не по ихъ достоинству, а по своему произвольному взгляду и пристрастію.

Особенное благоволеніе свое Кулжинскій оказывалъ почему-то младшему учителю русскаго языка Мануйловичу, который хорошо зналъ свой предметъ и могъ бы преподаваніемъ его приносить надлежащую пользу учащимся, но по нетрезвому образу своей жизни часто пропускалъ уроки, или приходилъ на нихъ слишкомъ поздно и въ классѣ иногда засыпалъ, или читалъ газеты. По обязанности моей, я записывалъ преподавателей, опоздавшихъ на уроки на полчаса. Мануйловичъ, не смотря на свою постоянную неисправность, жаловался на меня Кулжинскому, будто я неправильно записываю его опаздыванія на

уроки, и когда послѣдній передалъ мнѣ эту жалобу, я отказался записывать пропускаемые Мануйловичемъ уроки, предоставляя Кулжинскому о томъ вѣдать. По особенному благоволенію своему къ Мануйловичу, Кулжинскому хотѣлось сдѣлать его старшимъ учителемъ латинскаго языка на мѣсто учителя этого предмета Глобенка, который хорошо зналъ и преподавалъ его, но котораго Кулжинскій не взлюбилъ и притѣснялъ: онъ безъ всякой причины лишилъ его должности надзирателя въ общей квартирѣ, даже вмѣшался въ частныя его отношенія къ семейству учителя Носачевскаго, котораго дочь считалась уже невѣстою Глобенка, но по совѣту Кулжинскаго вышла замужъ за другого учителя. Огорченный такими непріязненными поступками Кулжинскаго Глобенко подалъ прошеніе о переводѣ его въ Пятигорское училище, гдѣ послѣ онъ былъ смотрителемъ¹⁾. Законоучителю протоіерею Павлу Крыловскому Кулжинскій ока-

¹⁾ Алексѣй Карповичъ Глобенко принадлежалъ къ числу лучшихъ и наиболѣе уважаемыхъ учителей гимназіи. Вѣчно спокойный и скромный до застѣнчивости, онъ въ то же время былъ неумолимо строгъ къ ученикамъ во всемъ, что касалось уроковъ. За все время пребыванія А. К. въ Новгородсѣверской гимназіи никто, вѣроятно, никогда не слышалъ, чтобы онъ возвысилъ голосъ, а между тѣмъ мало-мальски лѣнныя ученики боялись его страшно. Онъ никогда не вызывалъ ученика къ каѳедрѣ, а всегда самъ подходилъ къ ученику и стоя предлагалъ вопросы или заставлялъ дѣлать переводы съ латинскаго языка на русскій и съ русскаго на латинскій, причемъ, если ученикъ ошибался, А. К. не поправлялъ его, а только повторялъ ошибку, и ученикъ самъ долженъ былъ поправиться. Помнится, наиримѣръ, таковой случай. Обращается А. К. къ ученику и спрашиваетъ: «Скажите, г. Яценко, какъ будетъ сравнительная степень отъ слова *magnum*?» — Мажоръ, — отвѣчаетъ, незадумываясь, Яценко. «Гм... Мажоръ!» повторяетъ А. К. — Маіоръ! — поправляется ученикъ. «Гм... полковникъ! съ усмѣшкою замѣчаетъ учитель. — Мајор! — наконецъ догадывается Яценко. «Такъ бы и сказали сначала, — садитесь». Съ учениками онъ былъ всегда одинаково серьезенъ и никогда не позволялъ себѣ никакой шутки. Таковы же, вѣроятно, были его отношенія и ко всѣмъ другимъ; но крайней мѣрѣ во все время завѣдыванія его общею ученическою квартирою А. К. былъ одина-

зываетъ почему-то свое нерасположеніе. Личныя отношенія Кулжинскаго ко мнѣ, если не были явно непріязненны, то всегда оказывались двуличными, даже и тогда, когда онъ хотѣлъ показать мнѣ свое доброжелательство. Когда онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ представить меня къ ордену 3-ей степени Станислава, я, угадывая его недобрый умыселъ, просилъ вмѣсто ордена представить меня къ денежной награждѣ, въ которой я нуждался и которую за долговременную мою службу могъ бы навѣрное получить, такъ какъ деньгами чиновниковъ гимназіи высшее начальство тогда награждало, а орденовъ имъ не давало; но Кулжинскій не уважилъ моей просьбы и представилъ меня къ ордену, котораго я не получилъ и не могъ получить. Онъ не давалъ мнѣ дровъ, которыя я получалъ отъ Науменка, а представилъ попечителю о назначеніи мнѣ квартирныхъ денегъ, на что, какъ и ожидать надлежало, послѣдовалъ отказъ по той причинѣ, что въ гимназіи инспекторская квартира была въ натурѣ. На что Кулжинскій расходовалъ 100 руб., ассигнованные на квартиру директору, я не знаю. Когда я въ отставкѣ жилъ уже въ Кіевѣ, Кулжинскій притѣсненіями своими хотѣлъ выжить изъ гимназіи

ково серьезенъ и требователенъ какъ съ учениками, такъ и съ надзирателями и съ прислугою. Требуя отъ другихъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, онъ наиболѣе строго относился къ самому себѣ. Только болѣзнь могла помѣшать А. К. пропустить урокъ, не явиться во время обѣда учениковъ въ столовую и не попробовать пищи или незайти въ спальныя комнаты, когда ученики ложатся спать. Нельзя сказать, чтобъ ученики любили его такъ, какъ, на примѣръ, они любили учителя исторіи Федора Лукьяновича Метлинскаго, но уважали его ничуть не менѣе и занимались его предметомъ съ большою охотою и успѣхомъ. Къ Ф. Л. Метлинскому каждый ученикъ шелъ смѣло за разрѣшеніемъ какого бы то ни было интересующаго его вопроса, къ А. К.-чу—ни у кого не хватило бы для этого храбрости, хотя несомнѣнно, что А. К. точно такъ же отнесся бы къ вопрошающему: и снисходительно и добросердечно. Ф. Л. Метлинскій весь былъ наружу и что думалъ, всегда говорилъ прямо, А. К. Глобенко всегда былъ замкнутъ въ самомъ себѣ. Интересно, что Ф. Л. и А. К. были большими друзьями.

ничѣмъ неповиннаго предъ нимъ, усерднѣйшаго по службѣ надзирателя Киселевича, притѣсня его по несправедливому своему подозрѣнію, будто онъ сообщалъ мнѣ въ Кіевъ невыгодныя о немъ свѣдѣнія, тогда какъ Киселевичъ по дружбѣ своей ко мнѣ только жаловался на его преслѣдованія. Когда я не имѣлъ уже никакихъ отношеній къ Кіевскому окружному начальству, то стороною слышалъ, что бывшій въ это время послѣ Ребиндера попечителемъ Широковъ худо отзывался о Кулжинскомъ, называя его пустымъ человекомъ.

Произвольно распоряжаясь по гимназіи, Кулжинскій нашла полезнымъ завести въ ней ученическіе спектакли. Ученики занялись устройствомъ ихъ въ нижней залѣ, приготовленіемъ и раскрашиваніемъ декорацій и частыми репетиціями; въ спектакляхъ участвовали и учителя: извѣстный хохломанъ, учитель исторіи Метлинскій, мой меньшій сынъ Михайлъ; *volens-nolens* и я принужденъ былъ принимать участіе въ этихъ спектакляхъ, przygotowляя на нотахъ канты и пѣсни, которыя гимназическій хоръ подъ моимъ управленіемъ исполнялъ при своей музыкѣ во время антрактовъ ¹⁾. Ученики, игравшіе женскія роли, наряжаемы были къ спектаклю въ женскія платья женою Кулжинскаго. Долго

¹⁾ Михайлъ Осиповичъ Самчевскій прибылъ въ 1855 году въ качествѣ учителя Географіи, которую преподавалъ умершій въ томъ же году Георгій Андреевичъ Носачевскій, получившій воспитаніе, кажется, въ семинаріи. Г. А. особенными способностями и познаніями педагога не отличался; преподаваніе географіи заключалось въ томъ, что онъ бралъ учебникъ Ободовскаго и читалъ все то, что надо было приготовить къ слѣдующему уроку, подчеркивая прочитанное карандашомъ. Черченіе картъ было обязательно и играло главную роль въ изученіи предмета. Ученикъ долженъ былъ не только начертить и разрисовать красками географическую карту въ ученическомъ атласѣ, но и знать эту карту самымъ подробнымъ образомъ. Г. А. требовалъ, чтобы ученикъ, отвѣчая урокъ, начертилъ карту на доскѣ, означивъ подробно горы, рѣки, озера, города и провинціи. Всѣ невѣрности чертежа исправлялись слѣдующимъ вызваннымъ къ доскѣ ученикомъ. Благодаря Г. А., мы, по прошествіи 40 лѣтъ, можемъ свободно начертить весь земной шаръ, можетъ быть, съ нѣкоторыми

продолжались эти спектакли, доставляя не мало удовольствія ученикамъ и ихъ родителямъ, но наука отъ этого страдала: не

неточностями. Г. А. доброты былъ необычайной; случая не было, чтобы чрезъ него ученикъ понесъ какое-либо наказаніе. Георгій Андреевичъ имѣлъ двухъ дочерей; старшая изъ нихъ Клавдія была предметомъ обожанія и тайной любви почти всѣхъ учениковъ, перешедшихъ въ юношескій возрастъ; каждый изъ нихъ, встрѣтивъ хорошенькую К. Г. на улицѣ, обѣгалъ скорѣе слѣдующій кварталъ, чтобы еще разъ мелькомъ полюбоваться красотой ея.—Въ то время, кромѣ К. Г., красавицей считалась и Ольга Петровна Зимина.—Клавдія Егоровна любила музыку и хорошо играла на роялѣ. Ноты въ то время были и рѣдки и дороже, чѣмъ теперь. Замѣтивъ по рисункамъ картъ, способнаго къ черченію ученика, Егоръ Андреевичъ просилъ его «написать листочекъ нотъ для дочери». Такая просьба была величайшимъ счастіемъ для всѣхъ: для этого надо было послѣ уроковъ идти въ домъ къ Е. А., гдѣ Клавдія Егоровна и передавала ноты для переписки; избранный счастливецъ могъ не только видѣть красавицу, говорить съ нею, но даже пріобрѣталъ право кланяться при встрѣчѣ на улицѣ, что вызывало величайшую зависть у неимѣвшихъ этого права юношей. Многіе сами предлагали Е. А. свои услуги по части переписки нотъ, но онъ ими не пользовался, а когда являлась надобность въ перепискѣ, самъ всегда избиралъ для этого ученика.—Глубоко сожалья и скорбя, въ 1855 году, ученики проводили милый и дорогой имъ прахъ Егора Андреевича на мѣсто вѣчнаго упокоенія. Клавдія Егоровна въ 1857, или въ первой половинѣ 1858 года, вышла замужъ за учителя естественныхъ наукъ Худзинскаго, хотя всѣ предполагали, что она будетъ женой мнительнаго и нерѣшительнаго Алексѣя Карповича Глобенка, влюбленнаго въ К. Е., но слетѣвшій тогда только что съ университетской скамьи Худзинскій, изъ-подъ носа, такъ сказать, Глобенка, вырвалъ красавицу Клавдію Егоровну.

Ольга Петровна Зимина нѣсколько раньше вышла замужъ за пожилаго Маіора Ломовцова, давно ужъ умершаго.—Воскресенская церковь, гдѣ она вѣнчалась, была переполнена взрослыми гимназистами; ея свадьба была дѣльнымъ событіемъ въ жизни многихъ юношей, ея поклонниковъ; не одинъ изъ нихъ проходилъ многіе часы по противоположному съ домомъ Зимина тротуару, во время празднованія свадьбы, удивляясь, какъ такая красавица могла выбрать себѣ въ

только участвовавшіе въ представленіи ученики не занимались своими уроками, но и другіе на квартирахъ своихъ вмѣсто при-

мужья, кромѣ того, что военнаго, да еще съ полнолуніемъ на за-
тылкѣ ¹⁾).

Михаилъ Осиповичъ Самчевскій по своей добротѣ и кротости былъ достойнымъ преемникомъ Носачевскаго и пользовался также всеобщей любовью. При немъ успѣхи учениковъ по географіи пришли нѣсколько въ упадокъ; черченія картъ не требовалось, признано было достаточнымъ, если ученикъ, по нѣмой картѣ, расскажетъ свой урокъ, при чемъ рука ученика могла показывать совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ языкъ, указаніе не тѣхъ рѣкъ, городовъ и проч. особенно важнаго значенія не имѣло, да къ тому же М. О. былъ очень близорукъ, почему съ кафедры и не могъ замѣтить, насколько правильно показываетъ ученикъ по нѣмой картѣ.

Федоръ Лукьяновичъ Метлинскій былъ чрезвычайно похожъ на Пушкина. Онъ уроженецъ Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, села Сарь; окончилъ Харьковскій университетъ. Явился въ Новгородсѣверскъ въ 1853 году, въ качествѣ учителя исторіи, вмѣсто мрачнаго и грубаго Подиружникава, и сразу завоевалъ всѣ симпатіи учениковъ. Это былъ невиданный перлъ между педагогами того времени. Обладая характеромъ спокойнымъ, кроткимъ, любезнымъ, обя-

¹⁾ Намъ недавно попался Евгеній Овѣгинъ, переписанный въ 1857 году однимъ изъ учениковъ гимназіи того времени; въ немъ карандашомъ между строкъ въ 7 части, строфѣ X, имѣются указанія, относящіяся къ свадьбѣ О. П. Зимной вышедшей замужъ, послѣ смерти своего жениха Чуйкова, за Ломовцова.

Мой бѣдный Чуйковъ! Измывая
Не долго плакала она!.....
Маіоръ успѣлъ ея волненье
Любовной лестью усмирить
Маіоръ умѣлъ ее цѣлнить,
Маіоръ терпимъ ея душою ...

Несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ юношей, видѣвшій обрядъ вѣнчанія въ Воскресенской и церкви оставившій слѣдъ въ своей книгѣ.

готовленія къ урокамъ занимались воспроизведеніемъ того, что видѣли на сценѣ. Спектакли эти не обошлись для меня безъ

зательнымъ, Федоръ Лульяновичъ сдѣлался идоломъ, которому всѣ поклонялись. вмѣсто «отсюда и досюда» Ф. Л. началъ намъ читать нѣсколько сокращенныя университетскія лекціи, объясняя и освѣщая надлежащимъ свѣтомъ историческія событія, только намѣченныя въ учебникѣъ Смарагдова. Обладая хорошей дикціей и даромъ слова, Ф. Л. поражалъ насъ своими знаніями и своей начитанностью; такого слова до него ученики не слышали. Съ перваго урока Ф. Л. объявилъ, что онъ всегда будетъ спрашивать все пройденное и будетъ требовать такихъ знаній, которыя указывали бы, что трудъ учителя не прошелъ безслѣдно. Случалось, что ученикъ, вовсе незнавшій послѣднихъ уроковъ, получалъ пять за основательное знаніе ранѣе пройденнаго. При Ф. Л. исторія была любимѣйшимъ предметомъ; ее знали всѣ, да и совѣстно было предъ такимъ учителемъ не знать; кротость и доброта Ф. Л. самаго лѣниваго заставляли заниматься исторіей. Будучи всю жизнь холостымъ человѣкомъ, Ф. Л. всѣ свои силы направилъ исключительно на умственное развитіе учениковъ и на приобрѣтеніе ими возможно большей суммы знаній. Его квартира была доступна всѣмъ, къ нему ходили ученики за совѣтами по другимъ предметамъ; онъ занимался съ желающими иностранными языками и искренно радовался, видя успѣхи своихъ учениковъ. Когда директоръ Кулжинскій пожелалъ устроить въ гимназіи любительскіе спектакли, Ф. Л. первый принялъ въ этомъ самое горячее участіе и съ большей энергіей содѣйствовалъ развитію учениковъ въ сценическомъ направленіи: онъ читалъ съ ними образцовыя драматическія произведенія, пріучалъ ихъ критически относиться къ дѣйствующимъ лицамъ и вообще къ сценѣ, самъ принималъ въ спектакляхъ непосредственное участіе, почти въ каждой пьесѣ; умѣлъ находить признаки талантивности между учениками, и благодаря ему, нѣкоторые изъ гимназистовъ своей игрой навсегда оставили между товарищами самыя пріятныя воспоминанія, какъ напримѣръ — Андрей Прокофьевичъ Сендаровскій въ роли Добчинскаго, Дублянскій въ роли Наталки Полтавки, И. З. Сазонецъ въ роли Николая. Василій Демьяновичъ Кнселевичъ въ роли Терпелихи вызывалъ всеобщій восторгъ; такой Терпелихи вѣроятно никто никогда не видалъ. Замѣчательный сценическій талантъ проявилъ Иванъ Петровичъ Когляровъ, учитель мѣстнаго уѣзднаго училища; его игра

непріятности: Кулжинскій, дозволившій лицамъ, участвовавшимъ въ представленіяхъ, и вообще всѣмъ гимназистамъ приглашать

Городничаго въ «Ревизорѣ», Расплюева—въ «Свадьбѣ Кречинскаго» и Вознаго, по мнѣнію всего города, была верхъ совершенства, всѣ были имъ очарованы. Метлинскій игралъ въ «Ревизорѣ» Хлестакова, въ «Наталкѣ Полтавкѣ» Выборнаго. Принимали участіе въ спектакляхъ учителя Худзинскій и М. О. Самчевскій.—Въ то время Осипъ Акимовичъ не считалъ спектакли зломъ для усѣховъ учащихся, не находилъ ихъ помѣхой занятіямъ, къ нимъ онъ относился также съ сочувствіемъ; онъ организовалъ прекрасный хоръ, пѣвшій разныя пѣсни во время антрактовъ подъ акомпаниментъ гимназическаго же оркестра. Въ запискахъ О. А. измѣнилъ свой взглядъ на значеніе ученическихъ спектаклей; вѣроятно, впоследствии, много лѣтъ спустя, явились какія либо основательныя причины, заставившія О. А. измѣнить свое мнѣніе, извѣстное всѣмъ ученикамъ выпуска 1858 года, относительно умѣреннаго допущенія въ гимназіяхъ ученическихъ спектаклей.

Въ гимназіи практиковалось, что учителя, имѣвшіе у себя на квартирѣ учениковъ, поручали имъ приготовить къ экзамену карточки для билетовъ и надписать ихъ. Такія порученія задолго до экзамена были извѣстны; ученики собирались въ какой либо квартирѣ, рѣзали карточки изъ двухъ сортовъ бумаги, на бѣлой надписывались легкіе номера, а на сѣровой, т. е. болѣе темной, трудные, при чемъ самыя трудныя были на печатяхъ бумажной фабрики. Подойдя къ экзаменаціонному столу, каждый ученикъ отлично видѣлъ и зналъ, изъ какой части ему надо взять билетъ, и, не ошибаясь, доставалъ билетъ изъ желаннаго отдѣла. Метлинскій всегда просилъ учениковъ нарѣзать ему карточки для билетовъ, но не надписывать; тоже было и въ маѣ 1858 года. Жилъ тогда Ф. Л. въ саду Боровика, во флигелѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатокъ. Ученики 7 класса принесли ему билеты для древней, средней и новой исторіи, отгнѣнивъ цвѣтомъ бумаги всѣ три исторіи. Ф. Л. пригласилъ пришедшихъ садиться и, разговаривая съ ними, началъ, какъ карты, тасовать билеты, тасовалъ онъ долго, говоря, что надо смѣшать Зуева съ Смарагдовымъ, а затѣмъ надписалъ номера и положилъ на столъ. Пригласивъ желающихъ идти съ нимъ купаться къ Деснѣ, Ф. Л. замкнулъ своей флигелекъ и ушелъ. Не прошло послѣ сего и десяти минутъ, какъ билеты были уже въ рукахъ учениковъ,

на эти спектакли своихъ родственниковъ, не смотря на желаніе ихъ достали чрезъ незапертое окно, при посредствѣ мальчика Петра, служившаго у Метлинскаго; тотчасъ были приготовлены новые билеты, при чемъ средняя исторія Зуева, которую, благодаря автору, всѣ знали плохо, была отмѣчена темной бумагой. Написать цифры подъ руку Метлинскаго особенныхъ трудностей не представило, его почеркъ былъ самый простой, крупный. На экзаменѣ каждый ученикъ долженъ былъ отвѣчать на два билета, и какъ ни тасовалъ Ф. Л. билеты, видя, что средней исторіи никто не вынимаетъ за исключеніемъ близорукаго В. Ѳ. Фененка, ничто не помогло—вся средняя исторія осталась на столѣ. Чрезъ мѣсяць, прощаясь съ нами, Ф. Л. вспомнилъ Зуева и очень просилъ рассказать, какъ это случилось, что вся средняя исторія прошла мимо, «точно фокусъ какой-то». Мы, понятно, уклонились отъ разъясненія, обѣщая рассказать при слѣдующемъ свиданіи; намъ не хотѣлось выдавать главное виновное лицо, хотя оно творя не вѣдало сути дѣла, и кромѣ того, зная голубиную чистоту души Метлинскаго, всѣмъ намъ совѣстно было сознаться въ своемъ поступкѣ, въ которомъ хотя и была чистота, но много свойства; впрочемъ, родная сестрица ея въ настоящее время народилась въ видѣ покупки темъ сочиненій и письменныхъ отвѣтовъ.

Много вышло изъ гимназій честныхъ дѣятелей и развитыхъ умственно молодыхъ людей, благодаря тому вліянію, какое имѣлъ на нихъ Ф. Л. въ теченіе курса. Онъ находился въ постоянномъ общеніи съ учениками; его увлекательныя бесѣды обо всемъ, его знанія, его умѣнье передать самымъ популярнымъ способомъ серьезный вопросъ, касающійся той, или другой науки, все запечатлѣть въ умахъ молодыхъ слушателей—все это не могло не оказать сильнаго вліянія на слушателей, а въ особенности на поклонниковъ его, послѣдними же были почти всѣ болѣе или менѣе взрослые ученики. Ф. Л. по городу и за городомъ всегда ходилъ, окруженный учениками, ловившими каждое его слово.

Въ 1873 году въ Январѣ я былъ, по дѣламъ службы, въ первый разъ въ г. Гадячѣ; пріѣхавши вечеромъ, я тотчасъ разузналъ, гдѣ село Сары и живетъ-ли въ немъ Метлинскій. На другой день въ 8 часовъ утра я былъ уже въ крестьянской усадьбѣ, гдѣ рубившій дро-

мое и сына моего, не позволилъ давать билетовъ родственнику

ва крестьянинъ указаль мнѣ плохенькую хату, въ которой мнѣ суждено было увидѣть незабвеннаго Федора Лукьяновича. Войдя въ хату, мы (насъ было двое, выпуска 1858 г.) были крайне изумлены; по хатѣ ходилъ старикъ, одѣтый въ крестьянскую простую свиту, въ рубахѣ и штанахъ толстаго крестьянскаго холста и въ смазныхъ сапогахъ, но все еще имѣющій большое сходство съ Пушкинымъ. Мы объяснили Ф. Л., кто мы и для чего явились нарушить его покой. Ф. Л., видимо, очень обрадовался нашему посѣщенію; онъ сѣлъ на скамью, на которой въ углу, гдѣ образа, лежалъ кожанъ, свернутый такъ, что, видимо, онъ служилъ Ф. Л. изголовьемъ вмѣсто подушки, другой постели въ хатѣ не было; на палатахъ лежало рядно; печь была такъ нагрѣта и воздухъ въ хатѣ былъ такъ тяжелъ для насъ, что мы часто выходили въ сѣни подышать морознымъ воздухомъ. Вся обстановка жилья дорогаго учителя указывала на бѣдность, даже въ крестьянскомъ смыслѣ. Худоба и блѣдность лица съ удушливымъ, непрерывнымъ кашлемъ указывали, что у Ф. Л. чахотка въ послѣднихъ градусахъ; грудь у него была обнажена, и онъ часто повторялъ, задыхаясь отъ капля: «воздуха мало, дышать трудно». До самаго вечера мы съ наслажденіемъ провели время въ обществѣ Ф. Л. Его, по прежнему, увлекательный языкъ и масса общихъ воспоминаній такъ сократили время, что мы и не замѣтили, какъ наступили сумерки.— Ф. Л. предложилъ намъ закусить «что Богъ его на старость послалъ». Онъ досталъ изъ печи (очевидно прислуги у него не было никакой) горшочекъ съ горячей водой, бросилъ туда нѣсколько щепотокъ чаю, который съ нѣсколькими кусочками сахара досталъ изъ-подъ кожуха, лежавшаго въ углу на лавкѣ. Потомъ онъ досталъ изъ той-же печи что-то вродѣ супа, невозможнаго на вкусъ; оказавшимися двумя деревянными ложками мы по очереди черпали изъ горшка. Въ черепочкѣ было нѣсколько черныхъ разорванныхъ кусочковъ говядины, которую мы ѣли при помощи рукъ и одной поломанной вилки. Курилъ Ф. Л. простой табакъ (махорку) изъ крестьянской деревянной трубочки. Изъ разговоровъ Ф. Л. мы узнали, что, по переводѣ изъ Новгородсѣверской гимназій въ Симферопольскую, онъ въ послѣдней былъ не долго и долженъ былъ оставить службу, вслѣдствіе невозможныхъ отношеній къ нему директора, не выслуживъ никакой пенсіи. Прощаясь съ нами, Ф. Л. очень благодарилъ за посѣщеніе и сказалъ: «эти 7 часовъ я никогда забуду; за 7 лѣтъ я не испыталъ здѣсь того, что

жены моей, генералу Быковскому, на котораго за что-то сер-

испыталъ благодаря вамъ за нѣсколько часовъ; спасибо за то, что бы мнѣ доставили». Возвратясь въ Полтаву, мы приготовили Ф. Л. относительно спокойную и волюмъ удобную жизнь: въ одно богатое семейство онъ могъ поступить для того, чтобы быть только руководителемъ въ воспитаніи и развитіи дѣтей. Но посланное въ Февраль объ этомъ письмо Ф. Л. было прислано обратно, и на конвертѣ значилось: «за смертью Метлинскаго возвращается».

Страсть І. А. Самчевскаго къ хорошему пѣнію доходила до крайнихъ предѣловъ. Когда хоръ исполнялъ какой-либо концертъ, І. А. забывалъ, что онъ въ церкви и что онъ не 15-лѣтній солистъ армейской семинаріи, а почтенный инспекторъ гимназіи, 60-лѣтній старикъ. Не проходило, кажется, ни одного праздника безъ того, чтобы І. А., увлекшись, не выполнилъ фистулой партію перваго дисканта. Когда пѣніе шло ровно, правильно, І. А. спокойно дирижировалъ съ камертономъ въ рукѣ и съ закрытыми глазами, но стоило какому-нибудь дисканту или альту сфальшивить—и камертонъ І. А.—ча тотчасъ же напоминалъ провинившемуся объ ошибкахъ. Доставалось при этомъ и регенту Киселевичу, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно начиналъ бить поклонъ до тѣхъ поръ, пока І. А. успокаивался и переставалъ браниться. И дѣйствительно, гимназическій хоръ при І. А. былъ замѣчательно хорошъ и доходилъ до 60 человѣкъ. Въ пѣвчіе ученики поступали охотно, такъ какъ они пользовались, во 1-хъ, нѣкоторыми льготами относительно уроковъ (чаще всего почему-то спѣвки приходились во время уроковъ нѣмецкаго языка), а во 2-хъ, пользовались особеннымъ покровительствомъ І. А. во время экзаменовъ.

Вспоминая всѣхъ учителей Новгородсѣверской гимназіи, бывшихъ въ теченіе 1850-хъ гг., нельзя не остановиться на преподаваніи въ то время въ гимназіи новѣйшихъ языковъ. — Французскій и нѣмецкій языки были въ полнѣйшемъ загонѣ; никто на нихъ не обращалъ вниманія, и, кажется, не было случая, чтобы за абсолютное незнаніе языковъ ученикъ былъ оставленъ въ классѣ на второй годъ;

дился и который долго былъ недоводенъ мною и сыномъ моимъ

обыкновенно на экзаменѣ ставилась переводная отиѣтка, а если и ставились единицы, то только такимъ ученикамъ, которые уже имѣли единицы по другимъ предметамъ и считался безнадежными.—Въ описываемое время учителемъ нѣмецкаго языка былъ рыцарь чести—Эдуардъ Андреевичъ Штранге, уважаемый и любимый всѣми своими товарищами и учениками; онъ жилъ въ собственномъ домѣ на углу Глуховской улицы и площади, и хотя принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, но не съ той цѣлью, какъ это дѣлалъ напримѣръ Терновскій,—это была обыкновенная ученическая квартира безъ всякихъ надеждъ на протекцію. Преподаваніе Эдуарда Андреевича ограничивалось задаваніемъ уроковъ по учебнику; но этихъ уроковъ, за исключеніемъ двухъ трехъ учениковъ въ классѣ, никто не училъ. Спрашивалъ же Штранге, сидя на каедрѣ, только тѣхъ, которые ему смотрѣли въ глаза; тѣхъ же, которые сидѣли на скамьяхъ, опустивъ глаза внизъ, въ книгу, онъ никогда не вызывалъ. Всѣ это очень хорошо знали и изъ 20 учениковъ класса непременно 16 или 17 сидѣли «уткнувши носъ въ книгу». Зная отношеніе начальства къ преподаванію иностранныхъ языковъ, Штранге и дѣйствовалъ въ требуемомъ направленіи; никакихъ принужденій къ изученію языка съ его стороны не было, но какъ скоро онъ видѣлъ въ ученикѣ желаніе заниматься его предметомъ, Э. А. каждый урокъ спрашивалъ этого ученика и самымъ добросовѣстнымъ образомъ постоянно объяснялъ ему тѣ, или другія правила. Для большинства же учениковъ было, такъ сказать, модой, не только ничего не знать, но даже и не имѣть учебника.

Преподавателемъ французскаго языка въ это время былъ Юсифъ Антоновичъ Гронтковскій, маленькаго роста, презлющій человекъ, по происхожденію полякъ; у него кое что знали ученики, но только въ низшихъ классахъ, и то потому только, что за незнаніе урока онъ прибѣгалъ къ собственноручной расправѣ: билъ линейкой по рукамъ, таскалъ учениковъ за волосы и за уши съ искреннимъ желаніемъ, какъ можно болѣе доставить наказываемому страданій. Въ высшихъ же классахъ Гронтковскаго ставили ни во что; на экзаменахъ ему приказывалъ директоръ или инспекторъ ставить переводныя отиѣтки.—Кажется, въ 1855 году Гронтковскаго, переведеннаго въ Орель, замѣнилъ Яковъ Ивановичъ Боричко, крайне лѣнивый и неряшливый толстый старикъ; при немъ французскій языкъ былъ въ край-

за то, что мы не могли доставлять ему билетовъ на спектакли.

Во время директорства Кулжинскаго ревизоромъ нашей гимназіи былъ самъ попечитель Ребиндеръ¹⁾. Испытанія онъ

немъ пренебреженіи и въ низшихъ классахъ; даже и тѣ, которые поступали въ гимназію съ достаточными знаніями языка, считали какъ бы своимъ долгомъ скорѣе забыть то, что приобрѣтено было ими дома.

Былъ еще одинъ учитель—это чистописанія и рисованія, Намумъ Филиновичъ Воробинскій; жилъ онъ на Воздвиженской улицѣ, называвшейся учениками Андалузіей, въ крайней бѣдности; онъ такимъ всегда казался жалкимъ, что при одномъ видѣ его и задорные шалуны класса усмирялись. Это былъ вполне лежащій человекъ, убитый тѣломъ и духомъ; всего и всѣхъ онъ боялся и былъ настолько безличенъ, что едва-ли у кого либо о немъ осталось какое-либо воспоминаніе; помнится только, что онъ самъ вмѣсто буквъ писалъ какія-то каракули и не отличался грамотностью. Гораздо большее Воробинскаго и Борички имѣлъ значеніе въ гимназіи бравый гвардеецъ Никита, преподаватель «шагистикъ» во всѣхъ ея видахъ. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Императора Николая I приказано было учить воспитанниковъ гимназій разнаго рода пѣхотнымъ приемамъ безъ оружія; для этой цѣли и присланъ былъ къ намъ упомянутый Никита, высокаго роста, красивый унтеръ-офицеръ. Обыкновенно, въ назначенное раньше время, выстраивали всѣхъ учениковъ на гимназическомъ дворѣ и начиналась громкая команда Никиты: стой! равняйся! лѣвое плечо впередъ! и проч. Никита былъ строгъ, часто жаловался Самчевскому на невниманіе къ строю и командѣ его того или другаго ученика, и послѣдніе получали головнойку съ увѣщаніемъ исполнять велѣнія Никиты отчетливо и аккуратно и такимъ образомъ исполнять волю и пославшаго его. Не рѣдко Самчевскій принималъ и непосредственное участіе въ шагистикѣ, становился на правомъ флангѣ, выравнивался съ шеренгой и за Никитой громко повторялъ: разъ, два, три, разъ, два, три.....

¹⁾ Въ началѣ учебнаго 1857—58 года уже начали носиться тревожные слухи о ревизіи гимназіи попечителемъ Ребиндеромъ, о которомъ говорили, какъ о чрезвычайно строгомъ начальникѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда І. А. Самчевскій уже ходилъ въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ, говорилъ дрожащимъ голосомъ,

производилъ обыкновеннымъ порядкомъ, посѣщая классы, спрашивая учениковъ по предметамъ преподаванія и слушая лекціи преподавателей. Намъ извѣстно было, какъ Кулжинскій рекомендовалъ каждого изъ насъ по службѣ Ребиндеру, но самого

училъ классы, какъ отвѣчать согласно: «здравія желаемъ Ваше Превосходительство»; но всему было замѣтно, что робость и трусость вступили въ немъ во всѣ свои права. Однажды въ 7 классѣ былъ урокъ исторіи; Метлинскій, ходя по классу взадъ и впередъ (это была всегдашняя его привычка при чтеніи лекцій), читалъ намъ о феодальной системѣ; вдругъ открывается кончикъ двери, едва просовывается часть носа Самчевскаго, и мы услышали какой-то странный звукъ: «вже!» — и двери затворились мгновенно. Черезъ четверть часа вошелъ въ классъ высокаго роста худощавый господинъ съ непріятной физиономіей нѣмецкаго типа и сѣлъ на первой скамьѣ. Сопутствовавшіе ему Кулжинскій и Самчевскій стояли на почтительномъ разстояніи сзади. На вопросъ, о чемъ урокъ, Метлинскій объяснилъ. Продолжайте, сказалъ Ребиндеръ. Федоръ Лукьяновичъ, не измѣняя себѣ ни въ чемъ, такъ-же началъ ходить по классу и съ большимъ воодушевленіемъ окончилъ свою феодальную систему. Ребиндеръ пожалъ ему руку и выразилъ свою благодарность. Попечитель произвелъ на насъ дурное впечатлѣніе; насъ поразило его обращеніе съ уважаемымъ нами инспекторомъ, показавшееся намъ недостаточно вѣжливымъ. На другой день Ребиндеръ явился на урокъ Русской Словесности и также сѣлъ на первой скамьѣ. Учитель Прокофій Тимофеевичъ Терновскій заявилъ, что онъ читаетъ ученикамъ о Пушкинѣ. Читай!—былъ отвѣтъ Ребиндера. Терновскій всегда говорилъ чрезвычайно скоро; такъ началъ онъ и теперь свою лекцію. — Такого быстрога денета никто не пойметъ, — замѣтилъ попечитель. П. Т., стоя у каедръ сталъ говорить медленно, но вскорѣ, увлекшись, опять зачастилъ.—Ты кому читаешь?—вспылилъ Ребиндеръ: что это за таранта! Тебя, вѣдь, не стѣны слушаютъ! Продолжай!—Терновскій сконфузился, растерялся и самымъ медленнымъ образомъ, слово за слово, окончилъ свое чтеніе. Не сказавъ ни слова, Ребиндеръ вышелъ изъ класса. Очевидно, до попечителя дошли слухи, что у Терновскаго было рыльце въ пушку; этого учителя не уважали товарищи и терпѣть не могли ученики за его страшный произволъ и неспра-

себя онъ не хорошо зарекомендовалъ передъ своимъ патрономъ, когда при освидѣтельствovaniи гимназической суммы оказался недочетъ въ деньгахъ, находившихся на рукахъ у Кулжинскаго.

Черезъ годъ послѣ ревизіи Ребиндера оканчивалось другое пятилѣтіе моей службы въ гимназіи; я получилъ отставку съ пенсіономъ въ 700 руб. и съ правомъ получить заслуженный мною орденъ 4-й степ. Владиміра, который въ скоромъ времени высланъ былъ мнѣ при установленной грамотѣ. Такъ, въ октябрѣ 1857 года¹⁾ кончилась моя 35-тилѣтняя учебная служба, которой большая половина (22 года) прошла въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ мнѣ довелось служить подъ начальствомъ

ведливость при опредѣленіи на экзаменахъ званій учениковъ. Получить у Терновскаго ту или другую отмѣтку зависѣло отъ расположенія его духа, отъ его встрѣчъ, отъ погоды, но знанія ученика по большей части значенія не имѣли. П. Т. держалъ квартирантовъ учениковъ и въ домѣ, и во флигелѣ, покровительствуя имъ всѣми способами. Иногда онъ изъяснялъ согласіе давать уроки какому либо состоятельному ученику, получая 100 руб. въ годъ, по тогдашнему времени деньги очень большія, но эти уроки заключались въ томъ, что онъ назначалъ тѣ страницы, которыя, по учебнику Кошанскаго, ученикъ долженъ знать, но знанія эти не провѣрялись ни дома, ни въ классѣ. Брать у Терновскаго уроки не значило то же, что у Искерскаго: у послѣдняго ученикъ пріобрѣталъ дѣйствительныя знанія, а у Прокофія Тимофеевича это было ничто иное, какъ замаскированная взятка. Мстительность Терновскаго не знала границъ, достаточно было чѣмъ-либо вызвать его неудовольствіе, чтобы въ будущемъ много разъ сожалѣть о своей опрометчивости, ибо не разъ придется такому ученику остаться на второй годъ въ томъ же классѣ. Послѣ повстанья П. Т. перешелъ на службу въ западный край, гдѣ и умеръ директоромъ гимназіи. Выборъ его въ обрусители края былъ совершенно неудачный: по своему характеру и направленію Терновскій никогда не только не могъ имѣть на кого либо разумнаго авторитетнаго вліянія, но нието съ уваженіемъ никогда къ нему не относился.

¹⁾ Вѣроятно въ 1858 г., потому что выпускъ 1857го года былъ при Осипѣ Акимовичѣ.

такихъ достойныхъ директоровъ, какими были Тимковскій и Науменко, и при такихъ узурпаторахъ директорства, какими были Бездонъ и Кулжинскій, которые теперь, благодаря современнымъ распоряженіямъ министерства народнаго просвѣщенія, въ гимназіяхъ уже невозможны.

Уже по выходѣ моемъ въ отставку, Кулжинскій былъ переведенъ директоромъ въ Полтавскую гимназію. При сдачѣ имъ имущества гимназіи оказался недостатокъ казенной суммы въ 900 руб., которую онъ уплатилъ, занявъ деньги у лѣкаря Кудрявцева, сдѣланнаго имъ гимназическимъ врачомъ на мѣсто смѣннаго имъ же Зимина, и которой онъ Кудрявцеву не возвратилъ. Означенный недостатокъ казенной суммы могъ произойти отъ нерасчетливости самого Кулжинскаго, всегда жаловавшагося на свое безденежье, и отъ излишней расточительности его жены. Никто изъ чиновниковъ гимназіи, кромѣ одного Мануйловича, не пожалѣлъ объ удаленіи изъ нея Кулжинскаго. Учитель исторіи Метлинскій, котораго онъ побаивался за прямоту его характера, при прощаніи съ нимъ въ присутствіи своихъ товарищей высказалъ ему горькія истины на счетъ его управленія Новгородъ-Сѣверскою гимназіей и обращенія съ ея чиновниками. Въ Полтавѣ Кулжинскому не посчастливилось: тамошнее дворянство не полюбило его и заставило выйти изъ своего собранія ¹⁾).

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Точнѣе: не приняло его въ члены общественнаго собранія, забаллотировавъ его на своихъ выборахъ. *Ред.*

ЯРЕМА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЗАПОРОЖСКОЙ ЖИЗНИ).

(Окончаніе)¹).

III.

Прошло нѣсколько дней. Въ Сѣчи кишитъ работа. Всѣ товарищество, какъ муравьи, копошится надъ челнами, снаряжая ихъ къ предстоящему морскому походу. Съ близъ лежащихъ острововъ слышатся глухіе удары топоровъ, крики и смѣхъ работающихъ. Вдругъ неожиданно раздается рѣзкій трескъ, и медленно, уныло склоняется къ землѣ подрубленный чудовищной толщины стволъ вѣковой липы или ивы.

Быстро хватаютъ козаки пригонавшіеся бревна, и нѣсколько десятковъ сильныхъ и крѣпкихъ рукъ въ нѣсколько часовъ выдалбливаютъ дно въ этихъ гигантахъ, передаютъ ихъ другимъ козакамъ, которые обшиваютъ ихъ досками, обсмаливаютъ и отъ кормы до носа обкладываютъ толстыми пучками тростника, связанными лькомъ. Нѣсколько чаекъ совершенно готовыхъ, слегка покачиваются у берега. Еще нѣсколько дней, и морская флотилія запорожскаго козачества совершенно готова.

Второй день томится Ярема въ темной и сырой войсковой тюрьмѣ, крѣпко прикованный къ пушкѣ. Непривычнымъ огнемъ жжетъ его тѣло желѣзо цѣпей.

¹) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 7.

Грозный говоръ и веселый смѣхъ работающих на берегу козаковъ, беззаботная, разудалая пѣсня, раздававшаяся гдѣ-то недалеко, съ невыносимой докучливостью отдаются въ его ухахъ, тревожа воспоминанія столь недавняго прошлаго. Онъ силится отогнать ихъ отъ себя, силится забыться, уйти отъ всѣхъ живыхъ, свѣтлыхъ, радостныхъ впечатлѣній, прорывающихся къ нему сюда, въ его мрачную темницу, подобно неожиданно ворвавшемуся веселому лучу солнца, вдругъ ярко блеснувшему на вычищенномъ металлѣ пушки. Но неотвязныя воспоминанія не оставляютъ его; горкія мысли все навязчивѣе кружатся въ его головѣ и неотушнымъ стономъ врываются въ его сердце. „Такъ ни за что пропала слава, пропала честь рыцаря! Когда-то и ты, Ярема, былъ честнымъ козакомъ, когда-то и тебя любили, поважали, рассказывали о твоихъ подвигахъ и доблестяхъ! А теперь? Что скажетъ товарищество? Стыдь, позоръ! Безславная смерть разбойника, злодѣя! А ты Сѣчь, вольная свободная Сѣчь, родной, ласковой матерью была ты обездоленному, горемычному сиротѣ, и опозорилъ тебя и себя твой сынъ, опозорилъ и погибъ, погибъ безъ славы, безъ доли!

Катря, милая, хорошая Катря! Прощай теперь все; прощай любовь и горячіе поцѣлуи, и счастье. Боже, Боже! всему всему теперь конецъ! Скоро сожметъ меня своими объятіями земля, и заплачешь ли ты Катря, прольешь ли ты слезу о несчастномъ Яремѣ? Тамъ все жизнь, свѣтъ, радость, а здѣсь холодно, мрачная, сырая могила“. Холодный трепеть пробѣгаетъ по тѣлу Яремы при этихъ воспоминаніяхъ, ноющая, давящая тоска все сильнѣе, крѣпче щемитъ его сердце, а налетѣвшія думы невольно влекутъ его назадъ, все дальше и дальше, въ ту яркую еще живыми воспоминаніями даль, гдѣ рисуется ему его раннее дѣтство. Образъ за образомъ встаютъ въ его памяти и уносятъ туда въ чигиринщину, гдѣ жилось такъ хорошо и привольно. Вотъ передъ нимъ его отецъ, высокій и сѣдой старикъ, богатый хуторянинъ, мрачный и суровый на видъ, но безконечно доброй души и сердца; сидитъ онъ около чисто выбѣленной хаты, исправляя конскую сбрую, а недалеко отъ него, въ саду, уже не молодая, полная женщина, его мать

среди неумолкаемаго чириканья воробьевъ, собираетъ давно созрѣвшія вишни; широко и горячо разливается по всему хутору мелодичная, стройная, хватающая за душу пѣсня его сестры, красавицы Ганны, сидящей тутъ же въ саду за работой; а онъ самъ, еще ребенокъ, склонивши на колѣни къ отцу свою кудрявую головку, жадно слушалъ рассказы отца о запорожцахъ, о туркахъ, о походахъ и битвахъ.

Невольно содрогается Ярема, вспоминая, какъ однажды на хуторъ наѣхалъ съ гайдуками какой-то панъ-полякъ и схватилъ его сестру Ганну. Видѣлъ онъ, какъ его отецъ, съ саблею въ рукахъ хотѣвшій загородить дорогу пану, упалъ на землю окровавленный, съ разбитой головой; видитъ онъ и свою трепещущую съ распушенными, развѣвающимися волосами мать, съ раздрающимъ воплемъ отчаянія и тоски ухватившую за платье свою окаменѣвшую дочь; но вотъ безъ состраданія, безъ жалости мелькаетъ передъ его глазами сабля свирѣпаго, съ окаменѣвшимъ лицомъ гайдука, и, съ раздробленнымъ черепомъ, вся обрызганная кровью, остается его мать недвижимой на мѣстѣ. Дрожащій, испуганный, съ сдержанными рыданіями въ груди, спрятавшись подъ возъ, смотрѣлъ онъ на всю эту сцену и отъ ужаса не въ состояніи сказать ни слова, не въ силахъ сдѣлать какое-либо движеніе. Умчался панъ съ гайдуками, и онъ, одинокій, брошенный, съ безумными рыданіями, бросился на трупъ отца и застылъ на немъ, полный отчаянія и горя. Сбѣжались сосѣди, обласкали его, похоронили отца и мать, и онъ восьмилѣтнимъ мальчикомъ сталъ жить у чужихъ людей.

Но не долго онъ тамъ жилъ. Скоро онъ попалъ въ Сѣчь, куда стремился всей душой, воодушевленный рассказами отца. Взялъ его туда запорожскій козакъ Ничипоренко, которому понравился живой, умный и смѣлый мальчикъ.

„Добрый козакъ будетъ“, сказалъ онъ про него и повезъ съ собою въ Сѣчь. Тутъ началась для него новая жизнь. Здѣсь онъ прошелъ всю школу боевой жизни подъ руководствомъ храбраго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ Ничипоренка, не разъ заслонявшаго своею грудью его, еще молодого, не оперившагося цтенца, отъ татарской сабли.

Вспоминаетъ Ярема, съ какимъ радостнымъ волненіемъ явился онъ опять въ Украину, но уже сильнымъ и опытнымъ козакомъ, весь проникнутый жаждой мести и отплаты за убійство отца и матери. Кровавымъ праздникомъ была для него эта прогулка. Во главѣ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ запорожцевъ и бездомныхъ сиромачъ, кинулся онъ въ Украину и, появляясь неожиданно то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, беспощадно вырѣзывалъ пановъ и ксендзовъ, разрушалъ вездѣ и предавалъ огню панскія помѣстія и костелы, обозначая свой путь лишь заревоиъ отъ пожаровъ. Но вотъ онъ нашель и гнѣздо убійцы. Какъ ураганъ, налетѣлъ онъ ночью на крѣпкій замокъ пана Зацвѣлиховскаго, подпалилъ его со всѣхъ сторонъ, и, послѣ самаго непродолжительнаго сопротивленія, его козаки, опьяненные побѣдой, ворвались внутрь замка и въ вихрѣ огня и дыму беспощадно добивали оставшихся въ живыхъ защитниковъ. Съ неизъяснимымъ чувствомъ радости, торжества и удовлетворенной мести увидѣлъ онъ передъ собой брошеннаго ему подъ ноги связаннаго и покрытаго ранами престарѣлаго пана.

Сестры его Ганны не оказалось уже въ живыхъ. Гордая, самолюбивая, чистая, она успѣла покончить съ собою раньше, нежели сластолюбивый панъ успѣлъ поживиться своей добычей.

Сидитъ Ярема въ замкѣ и наслаждается мученіями врага. Что, проклятый ляхъ, вспоминаешь теперь хуторъ стараго Бовцюга подъ Чигириномъ“? обращается онъ къ Зацвѣлиховскому и съ радостной улыбкой смотритъ, какъ козаки вбиваютъ ему подъ ногти гвозди и горящей смолой обливаютъ его обнаженное тѣло; веселымъ хохотомъ отдаются въ его душѣ раздражающіе вопли истерзаннаго муками пана. Но довольно,—махнулъ онъ рукой, и нѣсколько козаковъ хватаютъ подъ руки полуживого пана и подъ звуки и топотъ козацкаго гопака сажаютъ его на острый, вбитый посреди двора колы. Корчится въ предсмертныхъ мукахъ, освѣщенный яркимъ огнемъ горящаго замка, панъ, проклиная свою жизнь и судьбу, а вокругъ него раздаются удалая запорожская пѣсня и пьяный хохотъ подгулявшихъ побѣдителей.

Вздрагиваетъ Ярема при этомъ воспоминаніи, и невольнo опять приходитъ ему на память все, что такъ недавно случи-

лось. „Боже мой, вѣдь онъ точно такъ-же хотѣлъ увезти, выкрасть единственную и любимую дочь Бурлая, его всю радость, счастье и надежду!“ И это внезапно блеснувшее сочетаніе воспоминаній острымъ пожомъ рѣзнуло его сердце. Онъ сразу какъ-то опустился; сознаніе неправоты, своей безсердечности и безчеловѣчности острою болью проникло въ его душу. Онъ только теперь началъ понимать, сколько муки и горя готовилъ своей Катрѣ и старому Бурлаю, любившему его, какъ сына. Но не успѣлъ Ярема углубиться и разобраться во вновь пахлынувшихъ мысляхъ, какъ глухой гулъ войсковыхъ литавръ, раздавшійся недалеко отъ него, прервалъ теченіе его мыслей. Ярема вздрогнулъ; онъ услышалъ, какъ вдругъ замолкла вездѣ работа, и всѣ бросились къ церкви на площадь. „Да, вотъ она и заслуженная кара“—подумалъ Ярема, чувствуя, что ему придется сейчасъ предстать передъ войсковымъ судомъ.

И не ошибся онъ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ дверь тюрьмы отворилась, и войсковою довышшъ вывелъ его на площадь, уже покрытую густой толпой козаковъ.

Мрачно, не подымая глазъ, шелъ Ярема; стыдно и горько ему было явиться преступникомъ передъ товарищами, всегда относившимися къ нему съ уваженіемъ и любовью, какъ къ храброму козаку и доброму товарищу.

Какъ море, волнуются на широкой площади тысячи козацкихъ головъ; невообразимая пестрота одѣяній живописной картиной развертывается передъ глазами; глухой шумъ голосовъ волной перекатывается по всей Сѣчи. Но вотъ всѣ умолкли, и толпа обнажила головы. Изъ куреня съ головой, важно брошенной назадъ, вышелъ пожилой, сѣдой козакъ съ умнымъ, строгимъ лицомъ и орлинымъ взглядомъ. Одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды другихъ козаковъ; только бывшая у него въ рукахъ палица указывала, что это былъ не простой козакъ; манера себя держать, спокойный, увѣренный, острый взглядъ, показывали, что онъ умѣлъ властвовать и не терпѣлъ возраженій,—это былъ кошевой атаманъ запорожскаго козачества.

За кошевымъ вышли и стали рядомъ судья, осаулъ и писарь, а недалеко отъ нихъ въ сторонѣ остановились Бурлай и Гусанъ.

При появленіи кошеваго всѣ 38 куренныхъ атамановъ вышли впередъ и расположились полукругомъ, а за ними вышли и стали рядомъ древніе и уважаемые всѣмъ козачествомъ козаки, занимавшіе раньше уряды войсковыхъ старшинъ.

Кошевой махнулъ рукой. Едва доносившійся сзади глухой ропотъ голосовъ сразу умолкъ; наступило мертвое молчаніе, и десятитысячная толпа, жадно устремившая глаза на кошеваго, замерла въ ожиданіи.

Кошевой снялъ шапку и поклонился всему войску, атаманамъ и старшинѣ.

„Панове молодцы! началъ онъ медленно громкимъ голосомъ: не затѣмъ я васъ сюда собралъ, чтобы сказать вамъ о набѣгѣ на христіянскія земли поганаго татарина, или о мученіяхъ, претерпѣваемыхъ нашими братьями на Украинѣ отъ проклятаго ляха; нѣтъ, панове, собралъ я васъ сюда, чтобы сказать вамъ еще худшія вѣсти. Гибнетъ славное войско запорожское,—лучшіе его рыцари плюютъ на дѣдовскіе и прадѣдовскіе обычаи, ни въ грошъ не ставятъ они войсковые законы и не почитаютъ старшинъ. Прежде запорожскіе козаки за славу считали освободить женщину отъ татарской неволи и ярма., а теперь сами крадутъ ее среди бѣлаго дня у отца и матери. Дороже рыцарской славы и чести имъ бабья ласка; а еще хуже того,—съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, не было того, чтобы возсталъ братъ на брата, и лилась бы козачья кровь рукою своего же брата козака. Гибнетъ, панове, слава Сѣчи!“

Старшина стоялъ молча, мрачно опустивши глаза въ землю. Среди козаковъ послышался ропотъ.

— Неправду говоришь, батько; не топчетъ товарищество ногами войсковыхъ обычаевъ,—раздались голоса: не гибнетъ слава войска и нѣтъ въ немъ рыцарей, которые бы проливали братскую кровь!

— Нѣтъ такихъ рыцарей? возразилъ кошевой; такъ пусть вамъ правду скажетъ старый Бурлай.

Глаза всѣхъ устремились на Бурлая. Все опять замолкло. Бурлай, сдѣлавши нѣсколько шаговъ впередъ, остановился и, снявши шапку, поклонился кошевому, старшинѣ и войску.

— Храброе и славное рыцарство, такъ началъ онъ: когда то и я былъ сѣчевикомъ и много еще осталось въ войскѣ стариковъ, которые помнятъ, что честно служилъ саблей Бурлай войску. Теперь Бурлай живетъ только на войсковой землѣ, но Бурлай помнить и знаетъ, что значать войсковые обычаи и рыцарская слава. Есть у стараго Бурлая дочь; доживаетъ свой вѣкъ Бурлай, и радости у него только, что она,—не нарадуется онъ въ свое единственное и любимое дѣтище. Думалъ Бурлай спокойно дожить свой вѣкъ; не боялся онъ, что злой татаринъ увезетъ его дочь въ Крымъ; не боялся онъ подъ защиту войска и ляха; не боялся онъ никого, а пришлось бояться своего же православнаго христіянина, запорожскаго козака. Какъ родного сына, любилъ я Ярему,—спасъ онъ мою душу отъ татаръ; спасибо ему, и поклонюсь еще разъ ему въ ноги за это.“ При этихъ словахъ Бурлай повернулся къ Яремѣ и поклонился ему въ ноги.

„Но обманулъ Ярема Бурлая, продолжалъ онъ: не уважилъ онъ его хлѣба-соли и опозорилъ старика и его дочь на весь свѣтъ.

Двѣ крупныя слезы покатались изъ глазъ Бурлая.

— Теперь старый, опозоренный Бурлай стоитъ передъ вами, славное рыцарство, и ждетъ отъ васъ суда и расправы“.

Бурлай замолчалъ. Среди козаковъ, какъ легкій вѣтерокъ пронесся глухой, неопредѣленный шумъ, постепенно разросшійся въ мощный гулъ бурлящаго моря.

— Кіями гультяя, кіями, чтобъ не позорилъ запорожскаго товарищества!—гдѣ-то вправо вырывались изъ общаго гула голосовъ громкіе крики.

— Къ столбу и кіями, чтобъ не бѣгалъ за бабами, чтобъ помнилъ обычаи рыцарства!—поддерживали ихъ голоса въ серединѣ.

— Къ черту кіи! Не пропадать же козаку изъ-за бабы,—старались перекричать всѣхъ козаки Каневского куреня, въ которомъ числился и Ярема

Крики становились все громче и сильнѣе, страсти разгорались все больше и больше; гдѣ то уже началась свалка,—и

Богъ вѣсть, чѣмъ бы это всё окончилось, если бы кошевой не махнулъ рукой добыша, который сейчасъ же забилъ въ литавры,

Крики начали притихать и скоро опять умолкли.

— Стойте, панове, закричалъ кошевой, не все еще вамъ сказалъ Бурлай; выслушайте еще стараго Гусака.

Взоры всѣхъ обратились на Гусака. Гусакъ вышелъ впередъ, поклонился всѣмъ низко и началъ.

— Панове товариство, всѣ въ войскѣ знаютъ стараго Гусака. Много послужилъ я войску въ турецкихъ походахъ и въ битвахъ съ ляхами, и не забывало моихъ услугъ войско,—не разъ меня выбирало въ куренные атаманы. Думалъ я,—будетъ всегда поважать войско мою службу и мои раны. Но былъ дурнемъ старый козакъ. Думалъ я сложить свою голову гдѣ-нибудь въ полѣ подь татарской саблей или подь янычарскимъ ятаганомъ, а вышло, что чуть не сложилъ ее отъ руки своего же брата запорожца. Не уважилъ сѣдыхъ волосъ стараго козака Ярема; какъ бѣшеная собака, бросился онъ на меня и изрубилъ саблею за то, что хотѣлъ его представить на судъ товариществу за его безпутную жизнь. И если бы не Бурлай, то можетъ быть, и лежалъ теперь гдѣ-нибудь, какъ брошенная всѣми собака. Не много остается мнѣ, старому, жить; не за раны мои мнѣ обидно, а за товарищество боюсь я,—не стали держать его обычаевъ, не стали почитать и поважать старшину, а если такъ, то долго ли будетъ держаться и стоять Сѣчь? Пусть умереть Гусакъ, но пусть крѣпко на славу всему міру стоять запорожское рыцарство; но не хочу умереть до тѣхъ поръ, пока не увижу, что сильно еще товарищество, что не позволить оно смѣяться надъ своими обычаями, не позволить гультаямъ и злодѣямъ позорить его славу.

Толпа заволновалась, и гулъ голосовъ прервалъ рѣчь Гусака.

— Ярема, правду говорить Гусакъ?

Ярема, неподвижно стоявшій съ опущенными внизъ глазами, ничего не отвѣтилъ и кивнулъ лишь головой.

— О, такъ Гусакъ говоритъ! правду!—раздались крики со всѣхъ сторонъ; такъ значитъ правда, что поругано запорожское

товарищество; не надо намъ такихъ козаковъ, на шибеницу его, чтобъ не страшилъ Божьяго свѣта!

— На шибеницу? Нѣтъ, мало этого распроклятому собачьему сыну, на острую палю его ¹⁾).

— На шибеницу, на палю! раздавались со всѣхъ сторонъ крики. Козаки Каневского куреня собрались было опять протестовать, но должны были скоро умолкнуть, заглушенные бѣшенными криками толпы.

Вдругъ отъ толпы старшинъ отдѣлился старый Ничипоренко и направился къ Яремѣ. Горько ему было видѣть позоръ Яремы, котораго онъ воспиталъ и любилъ всѣми силами души человѣка, не имѣвшаго больше никакихъ привязанностей.

Толпа, увидѣвшая Ничипоренка, умолкла и, притаивъ дыханіе, стала прислушиваться къ тому, что скажетъ всѣми уважаемый атаманъ и названный отецъ Яремы.

Ничипоренко съ мрачно сдвинутыми бровями, но твердой и увѣренной походкой подошелъ къ Яремѣ и, положивши ему свою руку на плечо, слегка дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Обезславилъ ты себя, Ярема, обезславилъ и меня стараго! „Каждый козакъ можетъ теперь плюнуть мнѣ въ очи; не уважилъ ты товарищества, не жилъ ты по рыцарски. Слышалъ ты рѣшеніе войска! Такъ ступай же теперь и умри, какъ подобаеть доброму козаку.“

Ярема взволнованный, растроганный, бросился въ ноги Ничипоренку.

— Прости, батько, прости,—за тебя душа болитъ!—дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ; а смерти не боюсь я; не поминай меня только лихомъ.

Ничипоренко поднялъ Ярему, обнялъ его и поцѣловалъ.

— Ну Богъ съ тобой, проговорилъ старикъ и отвернулся. И увидѣли запорожцы, какъ полились слезы по морщинистымъ щекамъ стараго козака и повисли на его сѣдыхъ усахъ. Махнулъ Ничипоренко рукой и отошелъ къ старшинамъ.

Толпа продолжала молчать, чувствуя, что, ей больше нечего сказать.

¹⁾ Шибеница—висѣлица; острая палю—острый колъ.

— Такъ какъ же, панове, на шибеницу? прервалъ общее молчаніе кошевой.

Толпа молчала.

— Ну, такъ завтра рано и съ Богомъ, въ путь - дорогу на шляхъ, чтобъ видѣлъ весь свѣтъ, какъ караетъ войско своихъ злодѣевъ и преступниковъ.

Козаки начали расходиться, и скоро опять на берегу закипѣла работа; слышался стукъ топоровъ и шумъ падающихъ деревьевъ.

Опять задумался Ярема, сидя въ сырой и темной пушкарни, и невеселыя были его думы.

IV.

Отправивши Ярему въ Сѣчь, Бурлай отдался весь ухаживанію за раненымъ Гусакомъ. Онъ не обращалъ вниманія на Катрю и старался не замѣчать ея присутствія. Молчала и Катря, какъ виноватая, опуская глаза при случайной встрѣчѣ съ глазами отца. Поблѣднѣвшая и похудѣвшая отъ охватившаго ее горя, она не могла найти себѣ мѣста.

„Боже мой, неужели же Ярема погибнетъ? За что же, за что? За любовь къ ней? Нѣтъ, не можетъ этого быть! Она, Катря, его спасетъ, она причина его страданій, его несчастья; все для него погибло—и честь козацкая, и слава. Она одна осталась для него, она его любитъ и она одна должна его спасти, вырвать отъ смерти, дать ему за его мученіе—спасеніе и счастье. Да, она должна это сдѣлать, непременно, во что бы то ни стало...“ Такъ думала она. И съ разсѣяннымъ, безцѣльно блуждающимъ взоромъ бродила въ саду и около хаты, лелѣя въ своей головѣ мысль о спасеніи Яремы; разгоряченная голова ея создавала самыя невозможныя и неосуществимыя фантазіи; но часы проходили за часами, а она все еще не могла на чемъ либо остановиться.

Задумчивая, молчаливая сидѣла и Марыся. Она также любила Ярему; она не хотѣла допустить мысли, что Ярема по-

гибнетъ и будетъ для нея всегда потерянь,—она также мечтала о его спасеніи.

Между тѣмъ Гусаеъ быстро поправлялся; раны его почти зажили, и не сегодня-завтра онъ съ Бурлаемъ долженъ былъ отправиться въ Сѣчь.

Надо было спѣшить. Марыся вдругъ повеселѣла; очевидно какая то мысль ее сразу ободрила; увидѣвши сидѣвшую около хаты Катрю, она подошла къ ней и крѣпко ее обняла.

— Что же ты думаешь дѣлать, милая Катря? обратилась она къ ней мягкимъ, какъ будто изъ глубины сердца несущимся голосомъ. Неужели Ярема умретъ какъ злодѣй, неужели ты согласишься ему умереть? Вѣдь ты любишь его попрежнему, да?

— Охъ, Марыся, я все готова сдѣлать, чтобы спасти его; скажи только, что дѣлать, придумай, Марыся.

Нѣтъ ничего легче, милая Катря; отпросись ты у батька на хуторъ къ Товвачу,—скажи, что хочешь повидаться съ его дочкой Мотрей.

— Ну, а дальше что-же?

— Ты вѣдь знаешь, что хуторъ Товвача недалеко отъ коша; тамъ ты скорѣе узнаешь, какъ осудило войско Ярему, и скорѣе и легче будешь въ состояніи его тамъ спасти.

— Спаси? но какъ спасти? Вотъ въ этомъ то вся бѣда что не знаю, какъ это сдѣлать.

— Очень просто, милая Катря. Ты знаешь, что на Запорожьи давно существуетъ обычай, что если за осужденнаго на смерть козака пожелаетъ выйти замужъ какая-нибудь дѣвушка, то козакъ, если захочетъ жениться, освобождается отъ казни.

— Правда твоя, Марыся, слышала я объ этомъ отъ батька.

— Ну, такъ мы узнаемъ, когда поведутъ Ярему на казнь, ты выйдешь на дорогу, по которой поведутъ Ярему, и скажешь что хочешь выйти за него замужъ.

— Милая, добрая Марыся, ты лучше сестры родной!—воскликнула со слезами на глазахъ обрадованная Катря и съ изліяніемъ самой сердечной благодарности бросилась на шею къ Марысѣ.

Бурлая не пришлось долго упрашивать отвезти ихъ на хуторъ къ Товкачу, и на слѣдующій день рано утромъ Бурлай съ Гусакомъ и двумя дѣвушками ѣхаль уже по направле- нію къ Сѣчи.

Всю дорогу думала Катря объ этомъ. Въ мечтательной головѣ ея уже складывался цѣлый планъ освобожденія его отъ смерти. Она заранѣе радовалась, представляя себѣ ту минуту, когда явится передъ Яремой его спасительницей; засіютъ счастьемъ и благодарностью его очи при видѣ ея, и, освобожденный отъ неминуемой смерти, любящій и благодарный за ея самоотверженную любовь, поведетъ онъ ее къ церкви, какъ невѣсту.

Пріѣхавши на хуторъ Товкача, Катря сейчасъ-же по- сватила въ свою тайну Мотрю, и всѣ три дѣвушки общими силами принялись обсуждать исполненіе предложеннаго Марысей плана. Прежде всего необходимо было узнать, когда будетъ со- вершена казнь, и съ этою цѣлью Марыся какъ можно скорѣе должна была отправляться на развѣдки.

На слѣдующій день Марыся сообщила уже Катрѣ, что, встрѣтивши по дорогѣ двухъ запорожскихъ козаковъ, она узна- ла отъ нихъ, что Ярему еще не судили, а будутъ судить лишь завтра. Лелѣя свой собственный планъ, Марыся скрыла отъ Катри, что Ярема уже осужденъ и завтра рано утромъ должна была совершиться его казнь.

Съ надеждою въ сердцѣ, нравственно ободренная, легла Катря спать въ хатѣ вмѣстѣ съ Мотрей. На дворѣ около хаты улеглась и Марыся.

На слѣдующій день рано утромъ, едва края горизонта за- румянились лучами восходящаго солнца, какъ изъ Сѣчи потя- нулась по одной изъ дорогъ длинная процессія, направляясь къ одиноко растущему при дорогѣ высокому, крѣпкому, развѣ- систому дубу, на которомъ не одно уже буйное и разгульное козацкое тѣло висѣло на страхъ и поученіе безшабашному мо- лодечеству, не знавшему ни нравственной узды, ни преградъ своимъ страстямъ.

Впереди огромной толпы козаковъ въ траурныхъ одеждахъ медленно шель сѣчевой священникъ, съ крестомъ и евангелиемъ

въ рукахъ; по сторонамъ несли хоругви; сзади священника спокойный, покорный своей судьбѣ шелъ Ярема. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ пожертвовалъ все добытое въ походахъ добро, лежавшее раньше гдѣ-то зарытымъ подъ деревомъ, на сѣчевую церковь и просилъ лишь, чтобы казнь была совершена съ подобающею для запорожскаго козака пышностью.

Повидимому, онъ совершенно свыкся съ мыслью, что скоро долженъ лишиться жизни; онъ старался уйти отъ всего земного и не думать о милыхъ и близкихъ его сердцу людяхъ. Смерть не холодила его души; въ походахъ и битвахъ привыкнувъ всегда быть лицомъ къ смерти,—онъ не боялся теперь ея холодныхъ, вѣчно-жесткихъ объятій. Онъ не смотрѣлъ и не хотѣлъ видѣть шедшихъ сзади и около него козаковъ, съ сокрушеннымъ, печальнымъ видомъ провожавшихъ любимаго товарища, никогда не оставлявшаго ихъ въ бѣдѣ. Козаки Каневского куреня до одного съ обнаженными чубатыми головами сопровождали печальную процессію, напоминавшую похоронное шествіе. Спокойной, твердой походкой, съ головой, склоненной на грудь, подходилъ Ярема къ кресту и подъ благословеніе священника, служившаго на перепутьяхъ литію, какъ объ умершемъ уже челоувѣѣ. Грустные, печальные звуки похороннаго напѣва скорбнымъ гимномъ летали надъ головами безмолвно шедшей толпы. До мѣста казни оставалось лишь нѣсколько сотъ шаговъ. Уже ясно стали обозначаться мрачно раскинувшіяся вѣтви рокового дуба. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Яремы, когда мимо него проскакалъ козакъ на его лошади, на которой его должны были подвести подъ дерево, чтобы и надѣтъ ему на шею петлю. Процессія прошла еще нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ-за группы деревьевъ вышла на дорогу и остановилась вся закутанная въ бѣлое покрывало высокая женская фигура. Она стояла недвижно въ ожиданіи приближенія процессіи.

Ярема вздрогнулъ. „Боже мой, неужели это его Катря?“ подумалъ онъ; „она, она, кто же можетъ быть иной; она оставила домъ, пришла сюда спасти его, избавить его отъ смерти“. Сердце его быстро забилося, кровь ударила въ голову, и мысль

о возможности жить, о возможности счастья съ любимой дѣвушкой живительной волной хлынула на него.

Толпа подошла къ дѣвушкамъ и остановилась. Дѣвушка продолжала стоять недвижимой. Ярема, не будучи въ силахъ совладать съ собой, быстро подошелъ къ ней, дрожащей, трепетной рукой сорвалъ съ нея покрывало и остолбенѣлъ отъ изумленія и неожиданности. Передъ нимъ стояла Марыся. Для него сдѣлалось вдругъ все понятнымъ. „Такъ вотъ она виновница всѣхъ бѣдъ, такъ неожиданно грянувшихъ на мою голову!“ — мелькнула у него мысль, и онъ рѣшился ей отомстить тутъ же, сейчасъ, безъ всякой пощады. Хладнокровіе сразу къ нему возвратилось. „А, гадюка, такъ это все твоихъ рукъ дѣло, такъ это ты тогда навела Бурлая! Ну постой же, не поминай теперь меня лихомъ“, проговорилъ онъ вполголоса и, отступивши нѣсколько шаговъ назадъ, остановился и съ усмѣшкой обратился къ столпившимся около него козакамъ, сильно заинтересованнымъ неожиданнымъ появленіемъ дѣвушки.

— Панове, въ войскѣ давно уже ведется обычай, что если осужденнаго къ смерти козака по дорогѣ къ казни встрѣтитъ дѣвушка и скажетъ, что хочетъ за него выйти замужъ, то козакъ, если пожелаетъ жениться, освобождается отъ казни.

— Такъ, вѣрно говоритъ Ярема, крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Добрый обычай выдумали наши предки; дай имъ Богъ на томъ свѣтѣ весело и легко жить. Что можетъ быть лучше жизни, да еще съ милой, доброй да красивой подругой? А когда петля виситъ на шеѣ, то жизнь еще краше и милѣе;— подавай тогда такую паскуду, что тошно смотрѣть,—а другому и плюнуть захочется, и та покажется писаной красавицей. Ну, а вотъ эта, продолжалъ Ярема, указывая на Марысю, чѣмъ она не красавица? Посмотрите, панове: волосы—точно хвостъ у ободранной Янзелевой кобылы, глаза—какъ у паскудной жабы, лицо—вѣдьмы съ лысой горы, а душа-то лучше всего—настоящая гадючья“.

Громкій хохотъ прервалъ рѣчь Яремы. Марыся, вся блѣдная и дрожавшая отъ стыда и оскорбленія, сдѣлала движеніе, чтобы

закрѣть лицо и бѣжать отсюда, бѣжать подальше отъ позора, но Ярема движеніемъ руки преградилъ ей дорогу.

— Чтожь, панове, добрая была бы жинка у Яремы,—на удивленіе всему міру христіянскому; не только добрый чело-вѣкъ отвернется отъ такой красавицы, а собака и та залаетъ и побѣжитъ отъ нея прочь. Нѣтъ, панове, „якъ маты таку дзюбу весты до шлюбу, липше на шибеныци дать дубу. Гайда дальше“!

Толпа не двигалась. Смѣхъ, хототъ, атуканья, крики во-сторга слышались въ общемъ гулѣ голосовъ.

— Бѣги, бѣги отсюда, гадючья дочка!

— Въ болото, жабыя порода!

— Эй, дивка, не попадайся на глаза жиду Янкелю, а то скажетъ, что ободрала хвостъ у его кобылки и посадила его себѣ на голову!

— Сгинь, паскуда, не пугай людей на бѣломъ свѣтѣ!

Марыся, совершенно ошеломленная всѣмъ происшедшимъ, убѣгала, что было силъ отъ насмѣшливыхъ возгласовъ толпы; и долго еще въ ея ушахъ звучали оскорбительные крики козаковъ.

Когда они скрылись за деревьями, толпа начала понемногу утихать, вмѣсто хохота и смѣха раздалась крики восторга и хвалы Яремѣ.

— Молодецъ Ярема, видно, что настоящій козакъ,—кричали одни.

— Не продалъ своей жизни за нелюбую, да паскудную бабу.

— Эй, панове, развѣ можно умереть такому рыцарю? сильнѣе начали раздаваться голоса.

— Не можно, не можно; пусть живетъ Ярема! Войско его наказало, войско его и милуетъ!

— Пусть живетъ Ярема! грянула безъ единого возраженія тысячная толпа козаковъ, и вдругъ вся картина моментально перемѣнилась.

Печальное похоронное шествіе обратилось вдругъ въ какое-то веселое, свѣтлое празднество. Со смѣхомъ и криками веселья повернула толпа назадъ въ Сѣчь. Раздалась вдругъ широкая, разгульная запорожская пѣснь, и бѣшенное топаніе танцующихъ

козацкихъ ногъ, неудержимо несущихся въ вихрь гопака, замѣнило собою печальный похоронный напѣвъ.

Между тѣмъ, какъ въ Сѣчи дикимъ и широкимъ разгуломъ праздновалось освобожденіе Яремы отъ смерти, Катря одинокая сидѣла на хуторѣ Товкача въ нетерпѣливомъ ожиданіи возвращенія Марыси. Но вотъ ужъ и солнце потонуло за горизонтомъ; вотъ ужъ и луна глянула изъ за тучи, а Марыси все еще нѣтъ. И не знала Катря, что никогда она больше не увидитъ Марыси, исчезнувшей Богъ вѣсть куда, и что болью и горькимъ разочарованіемъ будетъ переполняться ея сердце при воспоминаніи о той, которой она такъ много вѣрила и которую такъ много любила.

V.

Черезъ два дня сотня совершенно готовыхъ чаекъ мѣрно колыхалась около берега.

Легкіе, длинные, стрѣлоподобные челны, снабженные только десятью-пятнадцатью парами веселъ и двумя рулями съ каждаго конца, поражали своимъ дерзостнымъ видомъ. Современный мореплаватель презрительнымъ смѣхомъ разсмѣялся бы, если бы ему показали морскую флотилію запорожцевъ; но онъ изумился бы безумно отважной дерзости козаковъ, увидѣвъ ихъ переплывающими на этихъ углыхъ невѣрныхъ лодкахъ грозно-шумящее Черное море.

Въ Сѣчи идутъ уже послѣднія приготовленія.

Козаки сносятъ въ челны сухари въ бочкахъ, вареное просо и кислое тѣсто для приготовленія саламаты; каждый козакъ заготавливаетъ необходимое количество пороху и пуль. Не сегодня—завтра сѣчевой флотъ отправляется въ дерзкій набѣгъ, и все козачество нетерпѣливо ждетъ только знака кошевого.

Но вотъ загремѣли литавры; все, что было въ Сѣчи, устремилось на площадь и зашумѣло въ ожиданіи появленія кошевого.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ куреня кошевой и, поклонившись войску, началъ:

— Всѣмъ вѣдомо, панове храброе рыцарство, что давно козаки не гуляли на Черномъ морѣ, давно не бенкетовали въ турецкихъ городахъ и мѣстечкахъ. Много за это время набрали турки христіанскихъ невольниковъ. Зазнались бусурмане,—думаютъ, сгинуло христіанское рыцарство; плачутъ и невольники, ожидая своего избавленія отъ мукъ и горькой доли. На кого у нихъ надежда? На одно только запорожское войско,—больше никому до нихъ нѣтъ дѣла. Пора, панове, погулять и самому козачеству, да „зажить“ рыцарской славы молодымъ козакамъ; пора, наконецъ, и султану турецкому напомнить о козацкихъ чубахъ и козацкихъ сабляхъ, а то, можетъ быть, забылъ о нихъ бусурманскій недовѣрокъ.

— Пора, давно пора, батько!—закричали кругомъ козаки.

— Ну, такъ и съ Богомъ, въ путь-дорогу; только, панове, по войсковому обычаю надлежитъ избрать прежде наказного атамана.

Между козаками пошелъ шумъ и говоръ. Вопросъ о выборѣ наказного атамана былъ чрезвычайно важный, такъ какъ отъ его опытности во многихъ отношеніяхъ зависѣлъ исходъ похода. Нужно было избрать не только человѣка храбраго, но опытнаго и бывалаго уже въ морскихъ походахъ.

Спустя нѣсколько минутъ, какъ будто согласившись между собою, всѣ козаки въ одинъ голосъ закричали:

— Ничипоренка хотимъ; пусть будетъ наказнымъ Ничипоренко! Намъ не найти лучше каневского куренного атамана!

Ничипоренко вышелъ впередъ и, снявши шапку, поклонился козакамъ.

— Старъ я, панове, не могу служить уже войску въ большихъ походахъ.

— Не бреши, ты годами старъ, но тѣломъ и разумомъ крѣпокъ, закричали запорожцы.

— Есть много козаковъ лучше меня, и не достоенъ такой чести Ничипоренко.

— Нѣтъ опытнѣе тебя; не разъ ты гулялъ уже по морю и окуривалъ мушкетнымъ дымомъ стѣны цареградскія. Не ври, старый; принимай честь, которую тебѣ оказываетъ войско.

Принимай, принимай, заревѣла толпа.

— Если того хочеть все войско,—не могу идти противъ воли войска, отвѣтилъ Ничипоренко. Пусть будетъ по вашему. Спасибо вамъ, молодцы, за честь и повагу,—можетъ еще и послужить моя старая голова на славу войску.

— Пусть Богъ тебѣ поможетъ съ честью послужить войску, закричали голоса, и вся толпа кинула кверху шапки.

— Ну, панове рыцарство, а теперь слушать меня, проговорилъ Ничипоренко, надѣвая шапку; завтра рано утромъ выступимъ въ походъ! чтобы все было въ исправности. А теперь, дѣти, ступайте по куренямъ отдохнуть, чтобъ со свѣжими силами выступить въ походъ.

Черезъ минуту площадь опустѣла. Въ Сѣчи сдѣлалось тихо и спокойно; это было затишье передъ той бурей, которая спустя нѣсколько дней ураганомъ разразилась на анатолийскомъ берегу.

На слѣдующій день рано утромъ съ восходомъ солнца шесть тысячъ запорожцевъ сидѣло въ челнахъ, ожидая атаманскаго приказа къ отплытію. На берегу стоялъ кошевой атаманъ, а за нимъ густая толпа остававшихся въ Сѣчи козаковъ.

— Помогай вамъ Богъ; чтобъ крѣпко стояли за вѣру и не опозорили славы войска! Дай Богъ всѣмъ живыми вернуться въ нашу родную мать Сѣчь!—обратился кошевой къ сидящимъ въ чайкахъ козакамъ.

— Дай Богъ, дай Богъ!—раздались голоса съ берега.

— Прощайте и будьте всѣ здоровы!—отвѣтили голоса съ челновъ, и вся флотилія тронулась вслѣдъ за челномъ наказного атамана Ничипоренка.

Долго еще слышались крики прощанія, долго еще махали шапками запорожцы.

Но вотъ начали исчезать въ извилинахъ между островами одинъ за другимъ козацкіе курени; вотъ еще одинъ поворотъ—и скрылся за зеленью деревьевъ и крестъ сѣчевой церкви. Последній разъ взглянули козаки на родныя и дорогія сердцу мѣста, перекрестились и, затянувши пѣсню, быстро понеслись внизъ по Днѣпру.

Быстро очутились козаки на низовьяхъ Днѣпра. Они спѣшили; они боялись, чтобы турки не провѣдали о походѣ и не преградили бы имъ пути въ Черное море. Не доѣзжая до Очакова, чайки остановились и, спрятавшись въ густыхъ прибрежныхъ камышахъ, выжидали ночи, чтобы незамѣтно пройти мимо прибрежныхъ турецкихъ укрѣпленій, снабженныхъ пушками.

Наступила ночь. На небѣ, покрытомъ отъ краю до краю тучами, ни одной звѣзды. Густая, глубокая темнота охватила землю и спокойно несущую свои воды рѣку. Скрытые въ камышахъ запорожцы тихо выплыли на середину Днѣпра и быстро направились къ Очакову. Но вотъ надъ самымъ Очаковымъ раздается тихій свистъ, и вся флотилія пріостанавливается. Глубокая тишина царитъ между козаками,—ни одного возгласа, ни одного звука! Быстро отвязываютъ козаки заранѣе приготовленные бревна и пускаютъ ихъ внизъ по Днѣпру. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ раздается звонъ перекинутыхъ съ одного берега на другой желѣзныхъ цѣпей, и бѣшеннымъ ревомъ турецкихъ арматъ оглашается окрестность. Еще одна секунда—налегли козаки всею силою на весла и помчались внизъ за атаманской чайкой. Какъ птицы, пронеслись они черезъ цѣпи, и не успѣли турки снова зарядить пушекъ, какъ запорожцы были уже далеко отъ Очакова, подсмѣиваясь надъ недогадливостью бусурманъ.

Не прошло и двухъ дней, а запорожцы уже какъ громъ грянули на малоазіатскій берегъ. Счастливо избѣгнувши встрѣчи съ турецкими галерами, тихо въ темную ночь пристали запорожцы къ берегу. Оставивши для охраны въ каждомъ челнѣ по нѣсколько человекъ, они, подобно бурной волнѣ, обрушились на турецкіе поселенія и города, приведя въ трепетный ужасъ ошеломленныхъ жителей неожиданнымъ своимъ появленіемъ. Въ нѣсколько часовъ весь прилежащій берегъ запылалъ заревомъ пожаровъ; одинъ изъ богатѣйшихъ турецкихъ городовъ, Синопъ, обратился въ пылающее огненное море, вдругъ забушевавшее въ окружающей темнотѣ при порывахъ рванувшаго вѣтра. Кровавой, сверкающей пеленой заволокло весь горизонтъ. Какими-то фантастическими существами казались запорожцы, пи-

ровавшіе среди огня, дыму и громадныхъ столбовъ и фонтановъ искръ, временами стремительно взлетающихъ кверху и потухавшихъ въ глубинѣ неба. Козаки бенкетовали безпощадно. Среди треска валившихся домовъ раздавались отчаянные вопли избиваемыхъ жителей; козаки никого не щадили. Дѣти, женщины, старики вырѣзывались наравнѣ съ сильными и молодыми мужчинами. Но не долго пировали козаки. Избивъ населеніе, разрушивъ городъ и избавивъ отъ неволи нѣсколько сотъ плѣнниковъ, они, нагруженные богатой добычей—золотомъ, серебромъ и драгоценными тканями, такъ же быстро вернулись къ чайкамъ, какъ и высадились на берегъ. Запорожцы спѣшили сѣсть на чайки, боясь быть отрѣзанными турецкими галерами и сбѣгавшимися жителями, догадавшимися по зареву пожаровъ, какіе у нихъ гостятъ гости.

Весело пустились козаки въ обратный путь; крѣпко налегли они на весла, чтобы добраться до Днѣпра—Славуты, прежде чѣмъ турки успѣютъ перегородить имъ дорогу. Только старый Ничипоренко морщитъ свой лобъ и мрачно сдвигаетъ брови, глядя на небо. Предвидитъ старый и опытный козакъ, что предстоитъ войску борьба болѣе страшная и грозная, чѣмъ борьба съ туркомъ. Мрачно смотритъ онъ на легкое облачко появившееся на горизонтѣ, и торопитъ козаковъ. Быстрѣ птицы мчатся чайки, градомъ леть потъ съ козаковъ, работающихъ изо всѣхъ силъ. И не ошибся Ничипоренко. Не проѣхали козаки и половины пути, какъ маленькое облачко разрослось въ черную, какъ ночь, тучу и медленно ползло на козацкія чайки.

Море потемнѣло, загудѣло и сердито понесло высокія, сѣдья плывающія волны. Широкими сверкающими столбами полились огненные рѣки изъ глубины черныхъ тучъ; крѣпчаетъ вѣтеръ и всё сердитѣе становится море. Подобно громаднымъ горамъ, готовы обрушиться волны на утлыя козацкія ладьи и раздавить ихъ своей бѣшеной, могучей силой. Крѣпко держатъ козаки рули; изъ всѣхъ силъ стараются держать они правильный бѣгъ чаекъ. Какъ стрѣлы, взлетаютъ хрупкіе челны на стремительную, кипящую плѣной высоту, чтобы черезъ нѣсколько-

ко мгновений низринуться затѣмъ въ темную, мрачную пропасть. Все мрачнѣе становится Ничипоренко. Видятъ козаки— силится что-то сказать ихъ атаманъ, но заглушаетъ его слова ревъ бури; ближе къ нему стараются подъѣхать запорожцы, чтобы выслушать атаманскій приказъ. Но вотъ наступила минута затишья.

— Панове молодцы,—громкимъ голосомъ крикнулъ Ничипоренко, чтобы слова его были слышны всему войску,—можетъ недолго остается намъ жить, можетъ скоро загніють козацкія тѣла на днѣ моря; чтобъ не загубить на вѣки вѣчные христіанскихъ душъ, пусть исповѣдается каждый Богу и Черному морю, пусть каждый вспомнить о своихъ грѣхахъ.

И задумались запорожцы. Каждый вспоминалъ свою жизнь, свои грѣхи и съ молитвой на устахъ просилъ Господа Бога о прощеніи всѣхъ прегрѣшеній. Задумался и Ярема, сидѣвшій на рулѣ въ самой близкой къ атаману чайкѣ.

— Иванъ, обратился онъ, къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ побратиму: караетъ Господь Богъ насъ за наши грѣхи; можетъ быть, не придется мнѣ больше увидѣть и родной Сѣчи, и моей Катри; такъ скажи ей, если останешься живъ, что Ярема любилъ ее попрежнему и только и думалъ о томъ, чтобы, возвратившись изъ похода, заглядить передъ ней и Бурлаемъ свою вину. Скажи ей, что Ярема любилъ ее больше всего на свѣтѣ, и тяжело, больно умирать ему, не простившись съ нею.

— Дастъ Богъ не погибнемъ и вернемся со славою въ Сѣчь. Слышишь, ужъ не такъ страшно шумитъ море, вонъ ужъ и тучи начинаютъ разрываться. Эй, панове, смотрите!—обратился Иванъ, къ остальнымъ козакамъ, показывая на небо,—не погибло еще козачество, и вновь засіяетъ надъ нимъ на родныхъ поляхъ нашихъ солнце.

Дѣйствительно, недолго еще буря трепала козацкіе челны. Ревущее море начало утихатъ; лучи солнечнаго свѣта прорвались вдругъ сквозь разорванныя тучи и освѣтили уставшія лица выбившихся изъ силъ козаковъ. Еще нѣсколько минутъ—и море успокоилось, а тамъ черезъ нѣсколько часовъ и Днѣпръ-Славута.

Но не совсѣмъ еще спасены козаки. Тамъ далеко около устья Днѣпра зачернѣли маленькія точки турецкихъ галеръ ставшихъ на пути козаковъ. Увидѣвши стерегущій козаковъ турецкій флотъ, Ничипоренко приказалъ сложить мачты и остановился въ ожиданіи ночи, расположивъ козацкіе челны такъ, чтобы они не были замѣчены туркомъ. Наступила ночь. Незамѣтно приблизились козаки къ туркамъ и по знаку Ничипоренка остановились.

— Панове молодцы, пусть на долгіе годы живетъ слава войска. Не опозоримъ козачества.

— Впередъ, молодцы, за мною—кому Богъ поможетъ! закричалъ Ничипоренко, выхватывая саблю.

— Кому Богъ поможетъ!—грозно отвѣтило войско, и быстролетныя чайки на всѣхъ веслахъ полетѣли впередъ, чтобы прорваться сквозь турецкія галеры.

Загремѣли турецкія арматы; столбы огня пышутъ съ галеръ; раздается свистъ пуль и ревъ адеръ; но молчатъ запорожцы, крѣпко насѣвши на весла. А тамъ впереди высокая, грозная мужественная фигура Ничипоренка, освѣщенная огнемъ пушекъ и мушкетовъ, длинный, развивающійся сѣдой чубъ и сверкающая сабля въ рукахъ—указываютъ путь всему войску. И призываются уже козаки; болѣе половины чаекъ вышло уже въ устье Днѣпра. Но не хотѣлъ Ярема вернуться въ Сѣчь, не показавши своего молодчества. Быстро уговорился онъ съ нѣсколькими чайками напасть на одну изъ галеръ, отдѣлившуюся отъ другихъ и повернувшую къ Днѣпру въ погоню за козаками. Согласились козаки, налетѣли на галеру; быстро схватились съ нею на абордажъ, и не прошло нѣсколько мгновений, какъ на палубѣ галеръ закипѣла грозная сѣча. Одолѣваютъ уже козаки; ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ Ярема отъ румелійскаго паши, бывшаго на этой галерѣ; но вотъ свиснула въ воздухѣ янычарская сабля—и безъ звука, безъ движенія опустился Ярема, ошеломленный ударомъ, на тѣла убитыхъ имъ янычаръ.

Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ галеры на помощь пашѣ, и не справились козаки съ галерой, бросились назадъ въ челны, но уже было поздно: окружили ихъ со всѣхъ сторонъ турки. И

не видѣть больше козакамъ своихъ родныхъ, привольныхъ степей, не видать имъ своей матери Сѣчи; гибнуть козаки въ непосильной борьбѣ одинъ за другимъ,—а тамъ вдали становится уже едва замѣтными развивающійся атаманскій значокъ и козацкіе челны, летѣвшіе на всѣхъ веслахъ туда, въ родную Сѣчь, на тихія воды, на ясныя зори, въ край веселый, въ міръ крещеный ¹⁾.

Но скоро очнулся Ярема, и не радостно было его пробужденіе.

Царьградъ кипитъ необычайнымъ движеніемъ. Возбужденный и разгоряченный вѣстью о гибели Синопа народъ, среди котораго не мало отцовъ, мужей о братьевъ избитыхъ козаками жителей, грозно-мстительной волной спѣшитъ въ городскимъ стѣнамъ, чтобы посмотрѣть и насладиться казнью страшныхъ и ненавистныхъ запорожцевъ. Криками ненависти, воплями мести встрѣчаетъ дико сверкающая глазами толпа приближающихся по улицѣ связанныхъ козаковъ, окруженныхъ крѣпкой стражей изъ янычаръ.

Ободранные, въ лохмотьяхъ, полуобнаженные, твердой походкой идутъ козаки, гордо и презрительно закинувши свои чубатыя головы. На ихъ истомленныхъ, изнуренныхъ, блѣдныхъ лицахъ—печатъ претерпѣнныхъ уже ими мукъ, но спокойно, мужественно смотрятъ ихъ очи на возвышающіяся на стѣнахъ желѣзныя спицы..

— А что, милые братья, не дадимъ натѣшиться поганому бусурману надъ козаками!—обратился Ярема къ идущимъ рядомъ съ нимъ козакамъ; покажемъ, какъ умѣютъ умирать запорожскіе рыцари.

— Не осраимъ рыцарства; умремъ во славу Сѣчи и православной Христовой вѣры—отвѣтили козаки и, осѣнивши себя крестнымъ знаменіемъ, спокойно безъ содраганія вошли на стѣну, гдѣ ожидали ихъ страшныя муки.

Медленно сдираютъ турки съ козаковъ кожу, и ни единого звука страданій, ни единого вопля отчаянія и нестерпимой

¹⁾ Слова козацкой думы.

муки! Только крѣпче сжимають козаки зубы, и смертельной блѣдностью покрываются ихъ лица. Молчатъ оцѣпенѣвшая толпа, пораженная мужествомъ и выносливой твердостью мучениковъ.

— Что, Иванъ, обращается Ярема къ стоящему рядомъ съ нимъ побратиму: доведется таки умереть тебѣ столбовой смертью.

— Хвала Богу! отецъ и дѣдъ отдали Богу душу на этихъ стѣнахъ; сподобилъ и меня Господь этой же чести,—отвѣчаетъ обливающийся кровью Иванъ.

И вотъ одно за другимъ сажаютъ турки на колъ полуживыхъ, ободранныхъ козацкія тѣла, обратившіяся въ сплошные сочащіяся кровью куски человѣческаго мяса. Ярема впереди всѣхъ. Насаживаютъ его палачи на остріе кола, и медленно, грузно, пронзенное смертоноснымъ желѣзомъ опускается его тѣло съ потоками крови внизъ по колу; блеститъ уже на яркомъ солнцѣ вышедшее изъ спины остріе желѣза, но безъ звука, безъ движенія сидитъ Ярема на колѣ съ горячей молитвой на устахъ, окровавленныхъ хлынувшей изъ горла кровью. Страшная мука, нестерпимая боль передергиваетъ его лицо, но сдерживается Ярема, и холодная улыбка презрѣнія летитъ на встрѣчу радостнымъ взорамъ мучителей. „Господи, прійми душу раба твоего“—шепчутъ помертвѣвшія уста, и смертельная тоска покрываетъ его лицо; дико уставляются его широко раскрытыя страданіями очи туда въ даль, гдѣ его милая родина, и навѣки остаются неподвижными.

Пройдетъ нѣсколько дней, расклюютъ хищные вороны козацкія гниющія тѣла, и застучатъ, зазвенятъ страшной пляской мертвецовъ колеблемыя вѣтромъ обглоданныя бѣлыя козацкія кости.

А Катря ждетъ и никогда не дождется своего Яремы!

А. Добровольскій.

ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾.

**Надзиратель Мальцевъ и директоръ Зимовской —
воспитатели - политиканы.**

Нѣкоторые изъ директоровъ заведеній юго-западнаго края до того втянулись въ политику, что, оставивъ въ пренебреженіи научно-воспитательныя цѣли, стали преслѣдовать однѣ лишь политическія, стараясь всевозможными путями увѣрить начальство, что въ политическомъ отношеніи во ввѣренныхъ имъ училищахъ все обстоитъ благополучно. Хотя они въ душѣ не могли не сознать все свое безсиліе побороть неотразимое вліяніе на воспитанниковъ враждебной всему русскому среды, но въ то же время желая отличиться передъ начальствомъ, прибѣгали къ разнымъ манифестаціямъ, въ родѣ празднованія воспитанниками высокоторжественныхъ дней, съ рѣчами, иллюминаціями и восторженными криками ура, отправляя вслѣдъ затѣмъ попечителю пространнѣйшія описанія торжества.

Самымъ искуснымъ по этой части въ округѣ считался Е. Я. Зимовской: *il etait plus royaliste que le roi même*. Въ порывѣ усердія онъ своими неблаговидными дѣйствіями ронялъ въ глазахъ поляковъ достоинство русской правительственной власти, во имя которой якобы онъ дѣйствовалъ, разжигая національную вражду, и безъ того сильную. Самымъ дѣятельнымъ помощникомъ его въ данномъ направленіи былъ надзиратель 3-го отдѣленія общихъ ученическихъ квартиръ штабсъ-капитанъ *В. И. Мальцевъ*.

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1894 г., № 7.

Происходя изъ солдатскихъ дѣтей, воспитанникъ школы кантонистовъ, а потомъ фейерверкеръ, дослужившійся до офицерскаго чина, Василій Ивановичъ, по выходѣ въ отставку, посвятилъ остатокъ дней своихъ воспитательской профессіи. Это былъ именно такой человѣкъ, какой былъ нуженъ директору. Въ немъ Е. Я-чъ нашелъ чистый кладъ. Въ новомъ надзирателѣ ему съ перваго же шагу понравилась чисто солдатская выправка—руки по швамъ, слушаю-сь, на лѣво кругомъ! Мальцевъ, съ своей стороны, какъ сметливый фельдфебель, сразу понялъ, чего требуетъ отъ него начальникъ. Воспитанниковъ своего отдѣленія онъ повелъ совершенно по-солдатски: училъ ихъ муштрѣ, пѣть солдатскія пѣсни, строить земляныя укрѣпленія, рыть траншеи, брать штурмомъ укрѣпленія и т. д.

Въ царскіе дни въ общей квартирѣ за обѣдомъ присутствовалъ самъ директоръ, а иногда приглашались и посторонніе посѣтители, въ качествѣ гостей при совершеніи торжества въ его заведеніи.

На другой - же день въ Кіевѣ отправлялось донесеніе съ краснорѣчивымъ описаніемъ „дѣтскаго праздника“, при чемъ каждый разъ не былъ забытъ и главный проводникъ русскаго элемента въ массу нерусскихъ дѣтей—надзиратель Мальцевъ, „полезная и усердная дѣятельность коего (говорилось въ донесеніи) выше всякой похвалы и вполне достойна поощренія начальства“.

Между тѣмъ люди, близко стоявшіе къ дѣлу и знакомые съ „полезною дѣятельностію“ вчерашняго фейерверкера, могутъ по совѣсти засвидѣтельствовать, что воспитанники ввѣреннаго ему отдѣленія не только по внѣшности выглядѣли совершенными кантонистами, но и заражены были тѣми же пороками, тайными и явными, какими отличались эти жалкіе заключенники. Василій Ивановичъ любилъ часто бесѣдовать со своими питомцами о тѣхъ „порядкахъ“, какіе существовали въ его время въ школѣ кантонистовъ, приводя подъ часъ такіе факты, что у мальчиковъ кровь застывала въ жилахъ.

— Что ваши порядки-сь?—говорилъ онъ, шевеля усами, какъ тараканъ; дадутъ вамъ 25, вы и нюни распустите. У

насъ было не такъ-съ: всыпать 200—300 разомъ, да на шинеляхъ и вынесутъ-съ.

Положимъ, что отъ грубаго и невѣжественнаго салдафона Мальцева ничего хорошаго нельзя было и требовать въ трудномъ дѣлѣ воспитанія: виновать ли онъ, что нашлись люди, пожаловавшіе его въ воспитатели? Но неужели директоръ, человѣкъ несомнѣнно умный, неужели онъ не понималъ всей нечестности казарменнаго воспитанія ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, не замѣчая пагубной порчи мальчиковъ—будущихъ сыновъ отечества? Право, мнѣ иногда невольно приходила въ голову мысль, что назначеніе воспитателей, подобныхъ Мальцеву, дѣлалось умышленно, съ предвзятой цѣлію — деморализовать польское юношество.

Какъ вы иначе объясните, напр., хоть такое распоряженіе г. директора: на гимназическомъ дворѣ развелось множество собакъ, питавшихся отъ крупицъ ученической кухни. Е. Я-чь черезъ брацлавскаго исправника выписываетъ „гицеля“ и устраиваетъ подъ самыми окнами своего заведенія облаву. Какъ должно было отразиться въ нѣжной душѣ дитяти это ужасное звѣрство человѣка, эта возмутительная картина избіенія ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ остервенѣлымъ гицелемъ, гонявшимся за ними по гимназическому двору съ желѣзнымъ крюкомъ и окровавленной булавой.

Но вотъ приближался высокаторжественный день 6 декабря—день тезоименитства Императора Николая I. По суетливой бѣготнѣ и озабоченнымъ физиогноміямъ приближенныхъ директора можно было догадаться, что готовится какое-то небывалое зрѣлище. Запершись въ особой комнатѣ ученической больницы, надзиратель Мальцевъ, вмѣстѣ съ учителемъ рисованія, день и ночь работаютъ надъ транспарантами и цвѣтными фонариками. Е. Я—чь призывалъ къ себѣ двухъ семиклассниковъ братьевъ Ребинскихъ и приказалъ имъ изготовить для предстоящаго торжества рѣчи. Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ Общихъ квартиръ по цѣлымъ днямъ воцать полы, бѣлять потолки и т. д. И вотъ, наканунѣ самаго торжества за мной присылаетъ директоръ. Какъ словесныхъ дѣлъ мастеръ, я обя-

занъ былъ выправить двѣ ученическія рѣчи. Просмотрѣвъ ихъ тутъ же, въ директорскомъ кабинетѣ и не найдя въ сихъ юныхъ твореніяхъ никакихъ погрѣшностей ни противъ грамматики, ни противъ логики, я сказалъ, что они годны для произнесенія въ кругу товарищей и наставниковъ. Но рецензіей моею директоръ остался крайне недоволенъ и приказалъ мнѣ взять эти рѣчи на домъ и просмотрѣть ихъ со всею тщательностію и должнымъ вниманіемъ, какого заслуживаютъ они по своему назначенію. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ вдохновить ораторовъ болѣе возвышенными патріотическими чувствами. Просмотрѣвъ эту новую редакцію, Е. Я.—чѣ остался доволенъ. „Ну вотъ и хорошо, что вы меня поняли, а то думали отдѣлаться грамматическими ошибками“¹⁾.

День 6 декабря начался тѣмъ, что въ 8^{1/2} часовъ мы собрались въ полной парадной формѣ въ гимназію и оттуда цѣлою коллегіей, подъ предводительствомъ инспектора, двинулись въ квартиру директора поздравить съ высокаторжественнымъ днемъ. Застали мы его сидящимъ на диванѣ и сіяющимъ праздничной фізіогноміей. При входѣ нашемъ, онъ слегка приподнялся и пригласилъ всѣхъ садиться на указанныхъ мѣстахъ: инспектору на диванѣ, рядомъ съ собой, а учителямъ на стульяхъ; надзиратели же въ это время, не входя въ гостинную, тольлись въ первой комнатѣ. Спросивъ, ни къ кому особенно не обращаясь, о погодѣ и получивъ отъ инспектора въ отвѣтъ, что погода, слава Богу, ничего, директоръ поднялся съ дивана, а затѣмъ, какъ по манію волшебнаго жезла, встали и гг. наставники, едва лишь успѣвшіе размѣститься по стульямъ въ маленькой гостинной. Затѣмъ въ треуголкахъ пошли въ церковь, а изъ церкви къ почетному попечителю гр. Потоцкому, который въ торжественные дни приглашалъ насъ на обѣдъ или на музыкальный вечеръ.

Въ памятный день 6 декабря съ солнечнымъ закатомъ приступлено было къ установкѣ транспарантовъ съ вензелями

¹⁾ Рѣчи эти напечатаны въ приложеніяхъ къ юбилейной запискѣ о Немировской гимназіи 1838—1888 г.

Н. и А., между коими (какая невообразимая дерзость!) красовался вензель самого Зимовского: три ярко освѣщенные буквы: Е. Я. З., увѣнчанныя лаврами. Графъ прислалъ воспитанникамъ цѣлый пудъ конфектъ и собственный оркестръ музыки, но этимъ не отдѣлался.

Въ самый разгаръ торжества директоръ ѣдетъ въ палацъ съ приглашеніемъ Его Сіятельства осчастливить своимъ посѣщеніемъ „дѣтскій праздникъ“. Графъ пріѣхалъ со своими гостями. Оставшись въ залѣ, гдѣ танцовали ученики, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ смотрѣлъ на веселившуюся молодежь; гости тоже были довольны. Какъ вдругъ... лица ихъ омрачились: по данному директоромъ знаку двери сосѣдней комнаты раскрылись, и изумленнымъ взорамъ публики представилась такая картина: подъ царскимъ портретомъ, ярко освѣщеннымъ свѣчами, стоитъ каеэдра, а на каеэдрѣ въ живописной позѣ стоитъ молодой ораторъ Н. Ребинскій съ сверткомъ въ рукѣ. Е. Я—чь приглашаетъ гостей, прослушать рѣчь. Volens-nolens, а попавшіе въ ловушку паны должны были покориться необходимости и выслушать рѣчи молодыхъ ораторовъ на патриотическія темы.

Просвѣтительная дѣятельность директора З—го не ограничивалась воспитанниками вѣреннаго ему заведенія; она простиралась и на ихъ родителей и родственниковъ.

Какъ извѣстно, поляки считаютъ себя народомъ болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ мы русскіе. Въ обхожденіи съ людьми, даже съ такими, которымъ они не симпатизируютъ, они соблюдаютъ изысканную вѣжливость, требуя въ то же время, чтобы и съ ними обходились такимъ же образомъ. Полякъ иногда не обидится за самую горькую правду, если только она будетъ облечена въ деликатную форму: позлащенная пилюля глотается охотнѣе. Напротивъ, онъ не проститъ вамъ самой пустой вещи, если вы въ обхожденіи съ нимъ забудете коренное правило свѣтской вѣжливости—васъ назовутъ варваромъ, брусомъ. „Сдѣлай мнѣ какую ни на есть пакость (какъ бы думаютъ они), но

будь со мной grzesznym i delikatnym. Оффіціального тона наших администраторовъ, нерѣдко граничащаго съ грубостію, но хорошо усвоеннаго чиновничьей рутинной, поляки тоже не могутъ или не хотятъ понимать, требуя отъ всякаго лица, какое бы положеніе оно ни занимало въ чиновной іерархіи, общеевропейскихъ формъ общежитія.

Нашъ Е. Я—чь, какъ видно, прежде всего задался мыслию искоренить эти шляхетскія черты, приучивъ подольскую интеллигенцію къ суровой простотѣ русскихъ нравовъ и противному для шляхетскаго гонора чиновочитанію, игнорируя польскую поговорку: *Szlachcic na zagrodzie gówen wojewodzie!* Но лучше всего обратимся къ фактамъ.

Одинъ панъ, пріѣхавъ въ Немировъ для опредѣленія дѣтей въ гимназію и наслышавшись о грубомъ обращеніи директора съ посѣтителеми, рѣшился послать къ нему свою супругу, руководясь тѣмъ простымъ соображеніемъ, что съ дамой онъ не будетъ невѣжливимъ. Вѣруя во всемогущество польской женщины вообще и своей очаровательной Зоси въ особенности, панъ думалъ, что она своими прелестями и умомъ смягчитъ суроваго москаля, но увь! барынька напрасно потратила время за туалетомъ: директоръ вышелъ къ ней, по обыкновенію, въ своемъ балахонѣ въ пріемную (или точнѣе, въ переднюю) и, не давши ей докончить начатаго комплимента, сухо спросилъ; „что вамъ угодно?“ и не узнавши въ чемъ дѣло, присовокупилъ: подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ.“ Повернулся и ушелъ въ другую комнату, не поклонившись.

Пришелъ въ директорскую канцелярію старый почтенный господинъ—внести плату за содержаніе сына въ общей квартирѣ. Пересчитавъ полученные отъ него деньги, письмоводитель сказалъ, что деньги не всѣ, что слѣдуетъ доплатить еще столько-то рублей, такъ какъ плата, по случаю дороговизны продуктовъ, увеличена. Въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты влетаетъ директоръ и, подавая этому господину бумагу, говоритъ:

— Читайте, здѣсь объ этомъ написано.

Помѣщикъ достаетъ изъ кармана очки и медленно надѣваетъ ихъ. Въ это время 3—й бьетъ его бумагой по носу,

приговаривая: „поскорѣй, поскорѣй, надѣвайте свои очки да лучше всмотритесь въ то, что здѣсь написано! Старикъ, внѣ себя отъ бѣшенства, отскочилъ на нѣсколько шаговъ назадъ и, уходя изъ канцеляріи, промолвилъ:

— Жалко, что у меня дѣти, я бы съ тобой, раздѣлался иначе!...

Во время пріемныхъ экзаменовъ какой-то панъ опоздалъ явиться въ квартиру директора съ прошеніемъ, а пришелъ прямо въ залу, гдѣ производились уже экзамены. Увидѣвъ вошедшаго въ залу господина съ двумя очень красивыми мальчуганами, Е. Я—чъ выразительнымъ жестомъ остановилъ его у порога и, подойдя къ нему, взявъ прошеніе, не отвѣтивъ на поклонъ и не сказавъ ни слова. Пробѣжавъ глазами просьбу и пересмотрѣвъ документы, онъ обратился къ просителю съ вопросомъ:

— Это ваши дѣти?

— Мои, г. директоръ.

— Собственные?...

Но на такой вопросъ отвѣчать словами панъ не нашелся; онъ только стиснулъ зубы, поблѣднѣлъ и нервно сжалъ кулаки. З—й, по инстинкту самосохраненія, быстро повернулся и отошелъ къ столу.

Но мало того, что этотъ грубіянь оскорбляетъ родителей своихъ учениковъ, онъ старался уронить ихъ въ глазахъ собственныхъ дѣтей, подмѣчая въ нихъ смѣшныя стороны и передразнивая ихъ публично въ классѣ, въ присутствіи учениковъ. Надобно замѣтить, что нашъ премьеръ предъявлялъ большую претензію на комическій талантъ, кривляясь и паясничая передъ воспитанниками и копируя манеры, походку, даже голосъ какого нибудь оригинала машродзея, въ которомъ сидящій тутъ же юноша узнавалъ своего отца, дядю и др.

Входитъ однажды ко мнѣ въ классъ директоръ и начинаетъ паясничать. На сей разъ онъ старался изобразить нѣкого пана Гуйскаго, который имѣлъ слабость, или просто привычку старомоднаго господина, одѣваться джентльменомъ: вѣчно надушенный и завитой, съ блестящими запонками и брелками,

пряжками на башмакахъ и т. п., онъ напоминалъ своею фигурой и своими утонченными манерами маркиза XVIII столѣтія. Его-то нашъ комикъ и хотѣлъ представить въ каррикатурѣ, обративъ классъ въ театральную сцену, а учениковъ (между которыми сидѣлъ, понурившись, и сынъ изображаемаго лица—будущій скульпторъ Марцелинъ Гуйскій) въ зрителей. Прибѣжалъ же директоръ въ гимназію тотчасъ послѣ сдѣланнаго ему визита его отцомъ.

На сходствѣ двухъ соплеменныхъ языковъ русскаго и польскаго нашъ комикъ построилъ не мало своихъ шутовскихъ выходокъ. Съ этою цѣлію онъ завелъ особую тетрадь, куда вписывалъ выхваченныя изъ разговорнаго языка, какимъ въ то время объяснялись наши поляки съ русскими, слова и выраженія. Съ этой тетрадкой онъ носился по классамъ, мѣшая преподавателямъ и предлагая ученикамъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ:

— Когда у кого голова заболить, какъ говорятъ дураки?

— Я боленъ на голову, отвѣчаютъ хоромъ ученики.

— А какъ говорятъ умные люди?

— Боленъ головою.

— А когда трясеть лихорадка, какъ говорятъ дураки?

— Я боленъ на лихорадку.

— А какъ говорятъ умные? и проч.

Конечно, собраніе полонизмовъ вещь чрезвычайно полезная, особенно для преподавателя русскаго языка въ Юго-западномъ краѣ того времени; я и самъ заботился о пополненіи директорской тетрадки извлеченными изъ ученическихъ сочиненій словами и оборотами; но мнѣ страшно надоѣдалъ директоръ, не переставая носиться со своею тетрадкой, въ которой года черезъ три моего преподаванія не было уже никакой надобности.

Издѣваясь надъ польскимъ языкомъ, премьеръ нашъ не оставлялъ безъ вниманія и обрядовъ римско-католической религіи. Сопоставляя наши церковно-славянскія слова съ польскими, онъ находилъ ихъ святотатственными, а нѣкоторые обряды театральными.

Гордости, высокомѣрію, самохвальству 3—го не было ни мѣры, ни предѣловъ, такъ что я не разъ задавался вопросомъ:

не близокъ ли онъ къ помѣшательству: это была настоящая *манія величія*.

Получивъ чинъ статскаго совѣтника и не дождавшись формальнаго поздравленія отъ подчиненныхъ съ монаршею милостію, онъ прямо съ почты побѣжалъ по классамъ звонить во весь народъ о своемъ повышеніи чиномъ.

Однажды послѣ бани, Е. Я—чѣ зашелъ въ общія квартиры и, собравши воспитанниковъ въ кружокъ (по солдатски), началъ имъ показывать обнаженные выше локтя руки и грудь.

— Каково? спрашиваетъ дѣтей.

Не понявъ сразу, чего хочетъ директоръ, ученики молчали, а онъ бѣсится, повторяя свою любимую фразу: „терпѣть не могу“!

— Эхъ, вы! да этакое чистаго тѣла вы ни у кого не найдете во всей вашей подольской губерніи!

Похваляясь передъ дѣтьми бѣлизною своего грѣшнаго тѣла, З—й любилъ холить его, вытираясь ежедневно, въ подражаніе Чичикову, греческой губкой, любилъ соблюдать чистоту въ одеждѣ, переодѣваясь по нѣсколько разъ въ день. Вздумается ли ему пойти въ гимназію—одѣвается, придетъ домой—раздѣвается и облачается въ свой балахонъ; отправляясь на прогулку, опять одѣвается, воротившись, переодѣвается. На счетъ пищи онъ былъ порядочный *connoisseur*: хорошая сигара, доброе вино, первый сортъ балабухинскаго варенья, истребляемаго имъ цѣлыми банками — составляли неотъемлемую принадлежность его послѣобѣденнаго кѣйфа. Гостей онъ принимать не любилъ, да они къ нему неохотно и ходили.

И о чемъ бы ни заговорилъ этотъ себялюбецъ, вездѣ и во всемъ первую роль играло Я. Такъ однажды, бесѣдуя съ воспитанниками о добродѣтели и не умѣя сдѣлать ей точнаго опредѣленія, онъ привелъ примѣръ изъ своей служебной практики:

— Будучи инспекторомъ 2-й кіевской гимназіи, я сшилъ одному бѣдному ученику шинель, не говоря, что я построилъ ее на собственныя деньги: вотъ это добродѣтель!

Отчего бы этому благодѣтелю челоуѣчества не привести тутъ же встати и другого примѣра своей благотворительности—субботнихъ подаяній нищимъ? Бывало, какъ поѣдемъ въ Брацлавъ за деньгами на содержаніе гимназіи, то каждый разъ Е. Я—чь поручалъ взять, въ казначействѣ самой мелкой монеты: полушекъ и денежекъ, которыми онъ обдѣлялъ по субботамъ слѣпыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ, толпами приходившихъ на директорскій дворъ.

На ту-же тему о душевныхъ доблестяхъ Е. Я—чь завелъ однажды разговоръ и со мной. Узнавъ отъ своихъ агентовъ, что я необинуясь считаю его безсердечнымъ эгоистомъ, челоуѣкомъ безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, онъ хотѣлъ косвенными путями убѣдить меня въ противномъ, высказавъ почти такое сужденіе:

„Челоуѣкъ безъ сердца, но одаренный умомъ, можетъ поступить по правиламъ добродѣтели, потому что онъ силою своего ума ясно различаетъ добро отъ зла, а сознавая, что дѣлать добро хорошо, а дѣлать зло — худо, онъ естественно выбираетъ лучшее, а не худшее. Сердце, продолжаетъ немировскій моралистъ, глупо, оно можетъ заблуждаться, а умъ—никогда“.

Очевидно, такая философія не выдерживаетъ критики.

Для челоуѣка безъ сердца, какимъ бы умомъ онъ ни обладалъ, выборъ между добромъ и зломъ—немыслимъ: онъ можетъ маскироваться, исполнять въ точности обрядовую сторону нравственности, *сдѣлаться* добрымъ для вида, но внутренняго существа своего измѣнить не можетъ: именно добрые люди, какъ истинные поэты—*nascuntur*, а Зимовскіе—*fiunt*.

„Злостному челоуѣку, говоритъ Шопенгауеръ, такъ же врождена его злость, какъ змѣѣ ядовитые зубы и ея ядовитый пузырь, и онъ также мало можетъ измѣнить свой характеръ, какъ и она свои зубы и свой пузырь“.

Всѣмъ сослуживцамъ З—го было извѣстно, что онъ причисляетъ себя къ разряду геніевъ, понимая геніальность какъ-то по своему. Не признавая въ челоуѣкѣ величія нравственнаго и прѣклоняясь только предъ силой матеріальной, физической,

онъ не разъ выражалъ мнѣ свое недоумѣніе, отчего какой-нибудь Гете или Шекспиръ считаются геніями? По его мнѣнію, одинъ Наполеонъ былъ настоящей геній. Суворова онъ также уважалъ, перенявъ отъ него даже особую манеру предлагать неожиданные вопросы и требуя на нихъ быстрыхъ отвѣтовъ. Не удовлетворявшихъ его желанію онъ называлъ *немогузнайками*.

— Эхъ, вы! терпѣть не могу немогузнаекъ!

Фанатическій поклонникъ палки и штыка нашъ доморощенный педагогъ никакъ не могъ постигнуть, что истинное величіе состоитъ не въ физической силѣ, а въ мощномъ разумѣ, дарованномъ небомъ для просвѣщенія себя и другихъ, что только генію, воспитывающему умы силою истины, а не тому, кто порабощаетъ людей грубымъ насиліемъ, мы обязаны своимъ уваженіемъ.

Приверженцы 3—го считали его если не геніемъ, то человѣкомъ необыкновеннаго ума, сильнаго характера, желѣзной воли, человѣкомъ, одареннымъ рѣдкою способностію разгадывать людей, умѣющимъ найтись въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Изучая втеченіе восьми лѣтъ этотъ „сильный характеръ“, этотъ необыкновенный умъ, я, однакожъ, не восчувствовалъ къ нему ни удивленія, ни восторга.

Дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ далеко не глупый, но умъ его не былъ тотъ высшій умъ, не теоретическій умъ челоѣка всесторонне развитого, а спекулятивный, коммерческій умъ, какимъ обладаютъ Колупаевы и Розуаевы. Что же касается способности „разгадывать людей“, то объ немъ можно сказать то, что сказалъ Викторъ Гюго про Наполеона III: „у иныхъ есть даръ провидѣнья, у него—чутье. Это скотское свойство, но оно не обманываетъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ¹⁾.

По J. Ролле.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

Конечно, въ исторіи не часто случаются политическіе факты, такъ богатые истекающими изъ нихъ послѣдствіями, какъ была богата ими Люблинская унія 1569 г., связавшая Литовско-Русское и Польское государства въ одно политическое цѣлое.

Бѣдный Вольскій, королевскій дворянинъ, ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ по Волыни, чтобъ собрать всѣ необходимыя подписи: волынскіе князья и земляне предпочитали подписывать унію надому. Ясно, что они не слишкомъ-то торопились узаконить этотъ актъ, котораго такъ добивались поляки; но не было замѣтно и сопротивленія. Само-собою разумѣется, что владѣтельному князю, въ родѣ Острожскаго, Люблинская унія ничего не могла прибавить, несмотря на всю полноту шляхетскихъ правъ, какую она несла съ собою, а убавить—она убавляла ужь однимъ тѣмъ, что низводила его, хотя бы только *de jure*, на одинъ уровень съ другими, сравнивая въ одномъ общемъ понятіи шляхтича. Но большіе паны уже успѣли втянуться въ интересы польской жизни. Напр., Острожскій былъ женатъ на дочери знаменитаго гетмана Тарновской, которая принесла съ собою на Волынь атмосферу польской культуры, а главное, какъ разъ ко времени Люблинской уніи завязался споръ о громаднхъ наслѣдствен-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 6.

ныхъ имѣніяхъ Тарновскихъ между Острожскими и польскими претендентами: унія расчистила почву для рѣшенія спора въ пользу Острожскаго.

Какъ-бы то ни было, унія была подписана, и такимъ образомъ проведена демаркаціонная линія, которая разбила общество на двѣ части: надъ линіей все было сравнено въ полнотѣ шляхетскихъ правъ,—подъ нею все было погружено въ безправіи. Первой части общества слишкомъ легко было примѣняться къ новымъ условіямъ, второй—слишкомъ трудно. Конечно, до-поры до-времени все оставалось по-старому, по крайней мѣрѣ съ виду. Новыя правовыя нормы стояли пока въ отдаленіи, какъ идеальныя цѣли жизненныхъ стремленій: нельзя было сразу навязать русскому обществу польскихъ понятій о земельной собственности, объ отношеніи хлопа къ пану. Но это должно было сдѣлать время; а пока что, русскіе князья, земляне и бояре приучались къ своимъ новымъ политическимъ правамъ, сеймиковавню и выборамъ пословъ на сеймъ и депутатовъ въ трибуналъ, политическимъ интригамъ, публичному краснорѣчію. Но важнѣйшимъ изъ непосредственныхъ результатовъ уніи былъ не этотъ: за такой результатъ надо, конечно, признать польскую колонизацію.

Дѣло польской исторіи рѣшить, въ силу чего польскій элементъ устремился съ такою энергіей на Украину, какъ только унія уничтожила преграды этому стремленію: для насъ важенъ, конечно, лишь фактъ. Въ томъ же роковомъ 1569 г. состоялась конституція, въ силу которой станы могли раздавать пустыя земли на кресахъ, въ качествѣ „*panis bene merentis*“ (хорошо заслуженнаго хлѣба). Кто же были люди, достойные этого „*panis bene merentis*“? Конечно, магнаты. На Волыни не было пустыихъ земель: свои князья давно поразобрали все, что можно было забрать. Полѣсье тоже было занято, да къ тому же и не особенно привлекательно. За то Брацлавское и Кіевское воеводства, по новой польской административной терминологіи,—и въ особенности послѣднее,—представляли запасъ свободныхъ земель, фактически почти неисчерпаемый, еслибъ не польско-магнатскій способъ захватывать земли цѣлыми об-

ластями. Напр., Валентій Калиновскій получилъ въ даръ Уманскую „пустыню“: чтобъ объѣхать ея границы, надо было скакать на добромъ конѣ нѣсколько дней. Но главную притягательность для захвата представляла собою бывшая Кіевская земля съ ея необъятной территоріей, неопредѣленно уходящей въ дикія степи, съ ея благодатной почвой и слабой, спорадической населенностью. Кіевскія окраины, переходяція съ лѣваго берега Днѣпра на правый, составляли какъ-бы цѣлый поясъ огромныхъ королевщинъ, отдѣляющихъ Польское государство отъ остального свѣта: любецкое, остерское, переяславское, каневское, черкасское, корсунское, богуславское и бѣлоцерковское. Полянскимъ миромъ предѣлы его были еще расширены на счетъ Сѣверской земли. Заднѣпровскія земли пошли почти всѣ въ однѣ руки—Іереміи Вишневецкаго, владѣнія котораго занимали всю теперешнюю Полтавскую и большую часть Черниговской губ. Но это имѣло мѣсто уже въ концѣ разсматриваемой эпохи; да и о территоріи лѣвобережной Украины мы упомянули лишь ради иллюстраціи. Вообще, надо сказать, что общее стремленіе крупныхъ польскихъ пановъ захватывать себѣ земли на Украинѣ обнаружилось въ полной силѣ лишь нѣсколько позднѣе; пока же разбирали королевщины, или просто пустыя урочища, польскіе магнаты, на первомъ планѣ: Конецпольскіе, Калиновскіе, Сенявскіе, Замоискіе, а частью тѣже волинскіе князья—Острожскіе, Вишневецкіе, Заславскіе, Збаражскіе.

Польскіе магнаты приводили съ собою на Украину и мелкую служебную шляхту—это не могло быть иначе. Но шляхта эта стремилась сюда и самостоятельно, стремилась неудержимо еще и до того, какъ магнаты развернули во всю ширину свою колонизаціонную дѣятельность. Изъ Великой Польши, Силезіи, Поморья тянулась на благодатный украинскій югъ „законовая“ шляхетская бѣднота, влекомая увѣренностью, что стоитъ ей добраться до мѣста, а тамъ уже ее ждуть, если не богатство, то довольство. И въ самомъ дѣлѣ, земли было сколько угодно, и какой земли! Но тѣмъ не менѣе не такъ-то легко было извлечь что-нибудь изъ земли такому шляхтичу, у котораго былъ только конь да сабля. И если его не выручалъ какой-

нибудь случай—выгодная женитьба, участие въ удачной военной экспедиціи въ Молдавію, противъ татаръ,—то ему ничего не оставалось, какъ пристать къ какому-нибудь панскому двору и выжидать панской ласки. Конечно, можно было и не дожидаться этой ласки, и тогда шляхтичъ увеличивалъ собою массу недовольныхъ, безпокойныхъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ и потому всегда на все готовыхъ элементовъ, которыхъ безъ того въ избыткѣ выдѣляла украинская жизнь. Панская же ласка давала возможность шляхтичу „врости въ землю“; за „вроснемъ“ слѣдовало занятіе мелкихъ урядовъ, затѣмъ по-крупнѣе—и новый шляхетскій родъ вступалъ на дорогу роста, который шелъ иногда, на тучной украинской почвѣ, въ ея исключительныхъ условіяхъ, съ поразительной быстротой. Выросло, случалось, такимъ образомъ даже и настоящее магнатство, напримѣръ: Яблоновскіе. Но была и середина между магнатомъ, который представлялъ собою колесо политическаго механизма и въ качествѣ частицы государственной силы какъ-бы завоевывалъ новую территорію, и описаннымъ выше шляхетскимъ голышемъ, искателемъ фортуны. Средину эту занималъ предприимчивый шляхтичъ, которому или не везло на родинѣ, или который былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и не видѣлъ возможности его измѣнить на старомъ пепелищѣ. Онъ продавалъ свое имущество или отдавалъ его „въ державу“, забиралъ съ собою деньги и отправлялся на Украину, имѣя съ чѣмъ осѣсть на новомъ мѣстѣ. Оглядѣвшись, онъ отправлялся къ какому-нибудь пану и просилъ уступить ему кусокъ земли. Тотъ, конечно, не отказывалъ, такъ какъ пустой земли лежало сколько угодно, а непосредственныя выгоды отъ уступки ясны: взявшій землю позаботится о томъ, чтобъ на ней были люди, сначала хоть дворовая челядь, а потомъ и земледѣльческія хозяйства, и такимъ образомъ, земля получить цѣнность, которой у нея не было; притомъ же, такой шляхтичъ есть во всякомъ случаѣ лишняя вооруженная единица. Но иногда шляхтичъ бралъ не пустую землю, а населенную; въ такомъ случаѣ онъ вручалъ пану деньги, какъ-бы помѣщая у него свой капиталъ, и начиналъ хозяйничать на землѣ, собиралъ доходъ

отъ населенія въ видѣ процентовъ на этотъ капиталъ. Это называлось „заставнымъ державствомъ“. Кроме того, осѣдало на Украинѣ много шляхты изъ военныхъ людей, заходившихъ сюда съ войскомъ, ротмистры, поручики, намѣстники, товарищи хоругвей, иногда остававшіеся здѣсь подолгу „на лежахъ“: ознакомившись съ мѣстными условіями и оцѣнивши всѣ ихъ выгоды, эти военные люди часто обзаводились осѣдлостью.

А было еще и то, что изъ Польши просто бѣжали или укрывались на Украину преступники, преслѣдуемые закономъ, должники отъ кредиторовъ, боящіеся чьей-нибудь мести. Но обыкновенно кто бы и какъ ни попадалъ на Украину, онъ сживался съ своей новой родиной и не стремился уже назадъ: слишкомъ много было здѣсь привлекательнаго для всякаго, у кого разъ хватило рѣшимости порвать съ насиженнымъ гнѣздомъ.

За шляхтой тянулось и католическое духовенство, никогда не забывающее о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи.

И такъ, Люблинская унія снесла плотину, разгораживавшую Польшу отъ Литовско-русскаго государства, и на Украину хлынула польская волна. Конечно, бѣда была не въ волнѣ: Украина была такъ обширна, мало населена и богата естественными своими богатствами, что ей ничего не стоило приютить и прокормить и гораздо большую по численности массу людей. Дѣло въ характерѣ этой волны: вѣдь все это была шляхта, т. е. классъ людей, предполагавшій собою существованіе другого класса—хлопскаго, который долженъ его кормить. А между тѣмъ, кметей изъ Польши не шло совсѣмъ или почти совсѣмъ. Такимъ образомъ, нахлынувшая шляхта вся должна была какъ-то прокармливаться и расти на счетъ наличнаго земледѣльческаго русскаго населенія. Но это послѣднее, естественно, не было расположено увеличивать своей тяготы, а отъ насилія имѣло возможность укрываться въ степяхъ. Ясно, что съ наплывомъ польской шляхты въ условіяхъ украинской жизни произошло измѣненіе, невыгодное для ея равновѣсія. Часть шляхты, приспособляясь къ условіямъ, садилась на землю и начинала сама лично заниматься земледѣліемъ, и въ концѣ концовъ „хлопѣла“

и „русѣла“. Но это не могла быть значительная часть: для этого поляки были слишком проникнуты чувствомъ своей высшей культуры, а также и сознаниемъ политическаго верховенства своихъ социальныхъ принциповъ.

Люблинская унія, какъ извѣстно, не налагала никакихъ стѣсненій по отношенію къ русской народности, ея языку, ея религии: первымъ стѣсняющимъ актомъ по отношенію къ религии была Брестская унія 1596 г.; а языкъ и другіе элементы національности пока не подвергались никакимъ ограниченіямъ. Но вліяніе польской культуры начало обнаруживаться уже тогда, когда не было рѣчи ни о какихъ насильственныхъ воздѣйствіяхъ. Обнаружилось оно, конечно, лишь на высшемъ классѣ русскаго населенія, на тѣхъ, кто получилъ права польской шляхты, и сначала тамъ, гдѣ русскіе земляне были слабѣе численно и поставлены въ зависимость отъ польскихъ магнатовъ. Такъ напр., слѣды такого ополяченія мы замѣчаемъ у землянъ Брацлавщины, которые находятся подъ вліяніемъ Потоцкихъ и Конецпольскихъ, захватившихъ почти все такъ называемое побережье. По крайней мѣрѣ, на такое ополяченіе намекаютъ эти прозвища, передѣланныя на польскій ладъ и иногда изобличающія довольно странную и какъ-бы юмористическую фантазію, въ родѣ напр. „Дзика (кабана) де Свиняны“, извѣстнаго сподвижника Стефана Хмелецкаго. Но тамъ, гдѣ русское населеніе не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго, какъ напр. на Волыни, земляне обнаруживаютъ пока большую привязанность къ своимъ національнымъ особенностямъ. Къ тому же у нихъ были братства, которыя волынскіе князья и земляне горячо поддерживали; были, наконецъ, такіе столпы народности, какъ князь Василій Острожскій со всѣми его просвѣтительными учрежденіями, какія онъ устраивалъ въ Острогѣ, русской типографіей, академіей, семинаріей и школами. Но какъ непрочны были эти столпы, видно изъ того, что когда, напр., Острожскій женился на Тарновской, въ брачное условіе было внесено, что сыновья будутъ слѣдовать религии своего отца, а дочери—матери; а старшій сынъ Острожскаго Янушъ съ юныхъ лѣтъ оказался ревностнымъ католикомъ. Очень ин-

интересенъ для характеристики тогдашняго положенія Волыни, этого главнаго центра русской народности, одинъ документъ. Это завѣщаніе богатаго землянина волынскаго Загоровскаго, состоявшаго въ родствѣ съ княжескими домами, который попадаетъ въ плѣнъ къ татарамъ и оттуда, изъ Крыму, дѣлаетъ нѣкоторыя распоряженія на счетъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Онъ приказываетъ устроить въ своемъ имѣніи церковь по образцу той, какую у себя устроилъ князь Курбскій, а при ней, такъ же, какъ и при другой церкви во Владимірѣ, по шпиталю, каждый на 20 человекъ; но главнѣйшая его забота о дѣтяхъ, сыновьяхъ. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти не забыли „своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а главнѣе всего своей вѣры“; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказываетъ отослать дѣтей въ Вильно „до іезуитовъ, потому что хвалятъ тамошнюю добрую методу преподаванія“, и выражаетъ желаніе, чтобы они оставались въ обученіи, не выходя ни на минуту изъ школы, втеченіе 7 лѣтъ, потому что только такимъ образомъ они могутъ, по его мнѣнію, какъ слѣдуетъ „отполироваться“. Можно представить себѣ, что могло остаться изъ народныхъ традицій у этихъ русскихъ мальчиковъ послѣ семи лѣтъ іезуитской полировки.

Но пока еще оноляченіе не связывалось необходимо съ католичествомъ, за которымъ не стояло насиліе въ видѣ государственнаго воздѣйствія. Политика Стефана Баторія, какъ и политика Ягеллоновъ, была свободна отъ религіозной нетерпимости; все это принесло съ собою лишь несчастное царствованіе Сигизмунда III, да и то не сразу. Мало того: положеніе вещей въ самомъ польскомъ обществѣ было такое, что польская культура, являясь на Украинѣ во второй половинѣ 16-го в., привлекала къ себѣ симпатіи высшаго класса русскаго общества главнымъ образомъ религіознымъ раціонализмомъ, который она несла съ собою, въ видѣ лютеранства, кальвинизма, социніанства съ ихъ разными толками и сектами. А какъ мало было въ этомъ слагающемся молодомъ украинскомъ обществѣ съ его „неперебродившими и неустоявшимися элементами ре-

лигіознаго фанатизма видно изъ того, что мелкая католическая шляхта, наново селившаяся здѣсь, крестила дѣтей, совершала вѣнчанья, похороны въ православныхъ церквахъ, такъ что понадобилось особое распоряженіе Баторія, запрещающее православному духовенству подъ угрозой большого штрафа исполнять требы для католиковъ; а съ другой стороны, низовые козаки безъ малѣйшихъ затрудненій принимали католиковъ въ свое общество.

Религіозный раціонализмъ, занесенный изъ Польши, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ на Украинѣ. И при томъ надо замѣтить, что здѣсь распространялись болѣе крайнія секты. Кальвинизмъ не выходилъ за предѣлы Подолья, гдѣ его прививалъ Янъ Потоцкій, устроившій въ Паніовцахъ Кальвинскую академію; въ русскихъ же украинскихъ областяхъ находили горячихъ сторонниковъ социніане, аріане, антитринитаріане—все крайнія секты, не останавливавшіяся передъ „*demoliendum dogma Trinitatis*“. Главными очагами аріанской пропаганды были Краковъ и Люблинъ: отсюда аріанство расходилось, изъ одного панского двора въ другой, по Волини, заходило въ пустынное еще кіевское воеводство, забиралось и въ полѣвскія пущи. Украинская шляхетская молодежь ѣздила учиться въ Краковскую академію, которая могла соперничать съ іезуитскими школами какъ въ изученіи классическихъ языковъ, такъ и діалектики. Но на Волини появилась и своя аріанская школа въ Киселинѣ, которая нѣсколько позже выросла до степени академіи; такая же школа была въ Хмѣльникѣ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, въ средней Волини, по направленію отъ Киселина къ Житомиру, при панскихъ дворахъ были аріанскія каплицы, а при нихъ и низшія училища. Въ Кіевскомъ воеводствѣ сдѣлался главнымъ покровителемъ аріанства старый русскій землянскій родъ Немиричей; на Волини—Чапличи. Въ качествѣ ихъ сторонниковъ выступаетъ множество и польско-шляхетскихъ, и чисто русскихъ землянскихъ родовъ.

Но, конечно, какъ до Брестской уніи, такъ и послѣ нея, старое православіе, восточнаго обряда, составляло все-таки пре-

обладающую религію русскаго населенія, между прочимъ, и русской шляхты.

Оставимъ однако пока въ сторонѣ тѣ интеллектуальныя воздѣйствія, которыя принесла съ собою польская колонизація, а остано­вимся на ея ближайшихъ практическихъ результатахъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, группируются около двухъ фактовъ.—Первымъ изъ нихъ надо считать усиленіе защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый отдѣльный шляхтичъ, прибывшій на Украину, представлялъ собою вооруженную и опытную въ военномъ дѣлѣ единицу; каждый осѣвшій на землѣ шляхтичъ былъ маленькимъ организаціоннымъ пунктомъ защиты. Болѣе же энергичные изъ магнатовъ организовали защиту умѣло и на широкую ногу. Возьмемъ, напр., хоть-бы Замойскихъ. Замойскіе тоже перебрались съ Подолья на русскую Украину и принялись за колонизацію своихъ огромныхъ имѣній со страстнымъ увлеченіемъ. Но успѣхъ колонизаціи, конечно, зависѣлъ самымъ тѣснымъ образомъ отъ успѣха защиты, и организація защиты была у нихъ поставлена превосходно. Отъ Павлочи до Тарнополья, на страшно растянутой линіи ихъ земель, гдѣ раскидано было до 110 мѣстечекъ и около 200 деревень, имъ принадлежавшихъ, постоянно дѣйствовалъ сторожевой отрядъ, въ 600—800 человекъ, организованныхъ по-козацки. Отрядъ этотъ находился подъ предводительствомъ такого тонкаго знатока и необычайно энергическаго человекъ, какъ Стефанъ Хмелецкій, который всю жизнь проводилъ въ степи верхомъ на конѣ и былъ здѣсь, какъ у себя дома, который умѣлъ угадывать безошибочно по полету птицы, по всполошенному звѣрю, не только то, что приближается чамбуль, но и какъ онъ великъ, далеко-ли онъ и т. п. Конечно, такая организація защиты требовала большихъ жертвъ со стороны владѣльца: Томасъ Замойскій съ королевскою щедростью предоставилъ Хмелецкому цѣлую волость „въ ласкавую (бесплатную) державу“, не говоря уже о громад­ныхъ прочихъ расходахъ такого хозяйничанья на государственную ногу. Если прибавить къ этимъ панскимъ заботамъ то обстоятельство, что теперь на Украинѣ должно было постоянно пребывать кварціанное войско съ полнымъ гетманомъ, то ясно,

какъ должна была выиграть Украина, особенно если припомнимъ, что гетманами, многіе годы дѣйствовавшими на Украинѣ, были такіе люди, какъ Жолѣвскій и Конецпольскій. Немудрено, что и на дѣйствіяхъ татаръ какъ-бы отражается вліяніе измѣняющихся условій: они, повидимому, начинаютъ воздерживаться отъ постоянныхъ нападений небольшими чамбулами, а снаряжаютъ уже цѣлыя военныя экспедиціи, формальные походы.

Вторымъ важнымъ фактомъ, вытекшимъ изъ колонизаціи, является чрезвычайный и трудноудовлетворяемый спросъ на хлопа, на рабочія руки. Надо было привлекать населеніе какими-то особенными мѣрами, приманкой полной безопасности, чрезвычайными льготами, въ родѣ свободы отъ всякихъ повинностей на многіе годы, обѣщаніемъ матеріальной помощи, напр.—постройки хорошихъ хатъ и проч., наконецъ, даже магдебургскимъ правомъ. Приходилось смотрѣть сквозь пальцы на сомнительное прошлое этихъ хлоповъ, даже прикрывать ихъ передъ закономъ: по-крайней мѣрѣ на Яна Замойскаго внесена была жалоба въ сеймъ, что „онъ имѣнія свои осадилъ бѣглецами и гультаями съ удивительными и неслыханными вольностями. Да и что же оставалось дѣлать такому украинскому владѣльцу, одолаваемому колонизаторской горячкой? Бывало и еще хуже: владѣльцы побездеремоннѣе просто переманивали хлоповъ у сосѣдей, а случалось, при враждѣ и насильственно ихъ переводили, позабравши въ плѣнъ, а такихъ плѣнниковъ придержать приходилось иногда и угрозой пытки и казни.

Но русская жизнь въ лицѣ козачества сама выработала себѣ защиту, которая имѣла крайне непріятное для шляхетства свойство вбирать въ себя, съ большою интенсивностью, хлопство, рабочія руки. Отсюда непріязненное отношеніе польскаго строя, начинавшаго обхватывать собою Украину, къ козачеству было неизбѣжнымъ. Тотъ или другой отдѣльный магнатъ, гетманъ, уже не говоря о рядовой шляхтѣ, могъ питать самыя дружескія чувства къ козачеству—въ общей враждѣ къ невѣрному востоку была благодарная почва для такихъ чувствъ, но общія условія въ концѣ концовъ должны были взять верхъ надъ личными симпатіями и частными отношеніями.

Въ одномъ мѣстѣ степей, какъ уже было сказано выше, козачество успѣло сложиться въ организацію съ чертами политическаго характера. Это было на южныхъ границахъ Кіевскаго воеводства,—на днѣпровскихъ островахъ, за порогами, на такъ называемомъ Низу или Запорожьѣ. Къ этому пункту тяготѣли всѣ козацкіе элементы, разбросанные по русской Украинѣ, кромѣ, конечно, козацкихъ милицій, содержимыхъ крупными владѣльцами при своихъ дворахъ, милицій, не имѣвшихъ ничего общаго съ настоящими козаками, кромѣ названія и нѣкоторыхъ военныхъ приемовъ.

Нельзя назвать точно времени, къ какому слѣдуетъ приурочить возникновеніе козацкаго Низоваго, т. е. Запорожскаго „братства“: повидимому, къ началу 16-го в. оно уже существовало. По крайней мѣрѣ, документы этой эпохи упоминають о низовыхъ козакахъ, которые появляются со своими товарами на рынкахъ г. Кіева и гуляютъ тамъ. Вѣроятно, только незначительная часть козаковъ оставалась постоянно на островахъ; большинство расходилось зимой по Украинѣ: извѣстно, что масса низовцевъ проживала въ Брацлавщинѣ.

Писатели польскіе той эпохи, Папроцкій и Бѣльскій, отзываются о козакахъ съ большимъ сочувствіемъ: они удивляются ихъ рыцарскому духу, ихъ неутомимости въ борьбѣ съ невѣрными. Повидимому, никакого племенного или религіознаго антагонизма между козацкимъ братствомъ и польскимъ элементомъ сначала нѣтъ и тѣни. Сыновья русскихъ князей и землянъ, какъ и подольскихъ магнатовъ, одинаково ѣздятъ на Запорожье, чтобы обучаться тонкостямъ „татарскаго танца.“

Низовцы добровольно приглашаютъ въ гетманы Самуила Зборовскаго, сына одного изъ могущественнѣйшихъ польскихъ магнатскихъ родовъ, и вопросъ о разновѣрьи не выступаетъ ни малѣйшимъ намекомъ во всей эпопеѣ его козацкихъ походовъ. Польскій шляхтичъ, являясь на Запорожье, долженъ былъ оставить дома свой гербъ, свое фамильное имя, прибрать себѣ прозвище, приличное его новой демократической средѣ, а дальше уже дѣло шло лишь о его мужествѣ, выносливости, преданности общимъ интересамъ. Такъ было до-поры до-времени.

Могло-ли государство относиться безразлично къ новому политическому тѣлу, возникающему на его границахъ, поддерживающему съ нимъ постоянныя сношенія и, такъ сказать, питающемуся соками своей метрополиі? Очевидно, нѣтъ. Въ видахъ внѣшней политики, Стефанъ Баторій могъ дѣлать туркамъ такое объясненіе относительно козаковъ: „Это горстка разноплеменныхъ бродячихъ людей, не имѣющихъ ни постоянной осѣдлости, ни права, и ни отъ кого не зависящихъ.“ Но потребностямъ внутренней политики не могла удовлетворять такая формулировка. Пока еще государство оставалось литовско-русскимъ, уже и тогда чувствовалась необходимость какъ-нибудь урегулировать козачество; но вызванное Люблинской уніей обострѣніе отношеній сдѣлало эту необходимость жгучей. Однако, положеніе вещей было такъ сложно, что остановиться сразу на какомъ-нибудь рѣшеніи было невозможно, и всѣ польской политики долго колебались. Украина не могла быть подчинена польскому общественному строю до тѣхъ поръ, пока существовало козачество въ его старомъ видѣ—это ясно, какъ не менѣе ясно было и то, что козачество составляло такой барьеръ отъ татаръ, снести который едва-ли было возможно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованно. Тѣ самые паны, которые постоянно страдали отъ того, что хлопъ выскальзывалъ у нихъ изъ рукъ, оставляя невоздѣланными ихъ роскошныя нивы, рука объ руку съ этимъ okozаченнымъ хлопомъ дѣлали погони за татарами, садили господарей на молдавскій тронъ и такимъ образомъ неволью воспитывали въ себѣ симпатію и уваженіе къ нему. Но въ концѣ концовъ одна чашка вѣсовъ должна была неизбѣжно перетянуть: выработался такой взглядъ на положеніе дѣлъ, что казаки вредятъ государству, такъ какъ дразнятъ постоянными нападеніями татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и турокъ—своимъ вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла. Можетъ быть, кое-что въ этомъ взглядѣ слѣдуетъ приписать и близорукости варшавскаго кабинета. Варшавскіе политики, слишкомъ удаленные отъ мѣста дѣйствія, могли и серьезно себѣ представлять, что безъ вызова со стороны козаковъ татары будутъ удовлетворяться „упоминками“, которые ежегодно шли отъ поль-

скаго двора въ Крымъ. Они могли и не соображать, что одно удачное нападеніе доставляло татарамъ въ нѣсколько разъ больше выгоды, чѣмъ 15,000 червонныхъ золотыхъ вмѣстѣ съ златоглавыми и адамашками, лунскими и иными сукнами,—соборями, куницами, лисицами. Да еще и могли ли перекопскій царь съ царевичами и мурзами удержать отъ нападений бѣлгородскихъ, буджакскихъ, очаковскихъ татаръ, т. е. ногайцевъ? А на счетъ молдавскихъ дѣлъ, польскіе политики тоже очевидно забывали, что первый походъ козаковъ въ Молдавію подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго былъ сдѣланъ по инициативѣ Польскаго пана Лаского, который разорился на молдавскихъ проэктахъ; а подольскіе магнаты считали молдавскія дѣла чуть-ли не своими собственными. Выработалось убѣжденіе, энергическимъ представителемъ котораго былъ король Стефанъ Баторій, что козачество должно быть преобразовано изъ вольнаго братства въ пограничную стражу, опредѣленнаго комплекта, на постоянномъ жалованьи, съ „старшимъ,“ утвержденнымъ правительствомъ. Всѣ самостоятельныя политическія дѣйствія козачества должны быть строго преслѣдуемы, какъ противозаконныя—и вредяція интересамъ государства.

Первымъ яркимъ проявленіемъ этой точки зрѣнія на козачество надо считать казнь Ивана Волошина или Подковы въ 1578 году.

Кто таковой былъ этотъ Иванъ Волошинъ,—теперь уже установить этого не возможно; неизвѣстно даже точно, какъ онъ прозывался—Подковой или Серпягой. Были-ли у него дѣйствительно какія нибудь формальныя права на молдавское господство въ видѣ родства съ бывшимъ господаремъ Ивоней, которому помогалъ козацкій атаманъ Свирговскій, или онъ былъ просто запорожской креатурой,—однимъ изъ тѣхъ „господарчиковъ,“—самозванцевъ, какіе изготовлялись въ Запорожьѣ—дѣло темное. Несомнѣнно, что онъ былъ родомъ русскій; несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ съ достоинствами. „Всѣ люди того Подкову жалѣли, говоритъ польскій хроникеръ, а король даже не рѣшился казнить его въ Варшавѣ, чтобы не дѣлать непріятности шляхтѣ, собранной на сеймъ, такъ какъ послы (депутаты)

просили за него. Когда же казнили Подкову во Львовѣ, то король распорядился, чтобы войско стояло наготовѣ, и для усиленія его далъ своихъ гайдуковъ, такъ какъ боялся народнаго волненія, которое могли произвести козаки, появившіеся въ большомъ числѣ въ городѣ.

Изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь простымъ бродягою, случайно выдвинутымъ на сцену. Запорожцы сдѣлали двѣ экспедиціи со своимъ атаманомъ Шахомъ, чтобы водворить Подкову на господарствѣ, и это имъ удалось. Но господарствовалъ онъ всего два мѣсяца и долженъ былъ бѣжать назадъ на Украину. Любопытно, что главнымъ организаторомъ этихъ походовъ, повидимому, былъ польскій шляхтичъ Копыцкій; польскіе же магнаты, пограничные староста и воеводы, всѣ эти Бучацкіе, Мелецкіе, Збаражскіе относились ко всему совершающемуся передъ ихъ глазами съ видимымъ участіемъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры со стороны столь вообще рѣшительнаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій, чтобы побудить воеводу брацлавскаго, въ районѣ котораго расположился Подкова съ запорожцами, выслать Подкову въ Варшаву. Да и то дѣло обошлось безъ всякаго насилія. Подкова самъ охотно отдался въ руки короля, въ надеждѣ на милость: но на короля, раздраженнаго козацкимъ самовольствомъ, сильно напиралъ чаушъ, прибывшій съ укоризненнымъ посланіемъ отъ султана, и посоль молдавскаго господаря. Итальянецъ Талдучки, очевидецъ, оставилъ подробное описаніе казни Подковы, между прочимъ написалъ и тѣ слова, съ которыми осужденный обратился къ народу передъ казнью. Слова эти очень характерны. „Господа поляки, говорилъ онъ, иду на смерть, не знаю за что, потому что не помню, чтобы я въ жизни сдѣлалъ что-нибудь, заслуживающее такого конца. Хорошо знаю то, что всегда бился храбро и по-рыцарски противъ врага христіанскаго и что всегда трудился на корысть и добро края, желая твердо быть для него стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, такъ, чтобы они въ границахъ своихъ оставались. Ничего больше не знаю, только то, что умираю отъ руки палача, потому что турокъ, поганая собака, велѣлъ это сдѣлать вашему ко-

ролю, своему подданному, и вашъ король тому (палачу) приказалъ. Наконецъ, для меня одного все это не много значить, но держите въ памяти, что скоро то, что со мной случилось, и васъ пристигнетъ, и ваше имущество, головы ваши и вашихъ королей будутъ отвезены въ Царьградъ, какъ только та поганая собака прикажетъ“.

Какъ все это дышетъ спокойной вѣрой не только въ свою личную правоту, но и въ правоту того дѣла, за которое пострадалъ осужденный. Дѣло его козаки отвезли на Украину. Это былъ первый рѣшительный шагъ по роковому пути, который привелъ къ гибели и Польшу, и Украину. Польская политика, у руля которой стоялъ Стефанъ Баторій, начала все сильнѣе и сильнѣе напирать на козаковъ. Король слалъ на Украину универсалъ за универсаломъ со строгими, стѣснительными распоряженіями по отношенію къ непослушнымъ запорожцамъ. „Отъ этого времени, писалъ онъ пограничнымъ старостамъ, чтобы никто не смѣлъ Низовцевъ у себя принимать, ни ихъ защищать, давать имъ селитру, поро́хъ, свинець, съѣстные припасы“... Приказываемъ, пишетъ онъ къ Острожскому, который, какъ кievскій воевода, имѣлъ Запорожье въ своемъ яко-бы административномъ вѣдѣніи, чтобы ясновельможный князь Острожскій отправился на Днѣстръ и выгналъ оттуда этихъ разбойниковъ Низовцевъ, а которыхъ достанетъ, чтобы казнилъ...» Возможно-ли все это было? возможно-ли было „расказаковать“ не одинъ десятокъ тысячъ сильныхъ и до высокой степени мужественныхъ и привыкшихъ къ свободѣ людей и усадить ихъ на землѣ, гдѣ имъ угрожало подданство? Варшава думала, что такія стѣсненія заставятъ ихъ подчиниться реестрованію. Въ этотъ смыслъ состоялось въ 1589—90 г. первое сеймовое постановленіе относительно Запорожья, «Порядокъ со стороны Низу и Украины», заключавшее рядъ суровыхъ постановленій, направленныхъ противъ козачества и угрожавшихъ ему въ случаѣ ослушанія полной гибелью. Жизнь тотчасъ же дала отвѣтъ на предъявленные ей политикой требованія: прошло всего только три года, и разразился первый бунтъ, бунтъ Косинскаго. Дѣло было такъ. Тотчасъ вслѣдъ за смертью Баторія козаки возна-

градили себя тѣмъ, что предприняли большіе походы на татаръ: Очаковъ пошелъ съ дымомъ, Козловъ сравненъ съ землей; они воспользовались тѣмъ, что паны украинскіе отправились въ Варшаву на элекцію, уводя съ собою и свои милиціи; князь Острожскій имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ, такъ что его въѣздъ въ Варшаву занялъ на цѣлый день вниманіе столицы. За козацкими нападеніями послѣдовалъ тотчасъ же реваншъ со стороны татаръ, которыхъ козакамъ опять-таки удалось ограбить на возвратномъ пути, и жалобы и угрозы Варшавѣ со стороны Порты. Въ половинѣ 1590 г. придумана была новая стѣснительная мѣра: для усмиренія украинскаго своеволія была учреждена спеціальныя сторожа въ тысячу человекъ, и на урочищѣ Кременчугѣ предположено устроить новый замокъ. Все это поручено было очень опытному въ пограничныхъ дѣлахъ человеку Язловецкому, который носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ старшого войска Запорожскаго, т. е. начальника ретровыхъ козаковъ и долженъ былъ стеречь, чтобы отъ козачества не было „зацѣпки сосѣднимъ государствамъ“. Язловецкій поддерживалъ дружескія отношенія съ козаками и не ухудшилъ положенія лишнимъ вмѣшательствомъ; но за то же онъ и оставался лишь номинальнымъ старшимъ въ то время, какъ въ степи дѣйствовали, то и дѣло смѣняя одинъ другого, фактическіе старшіе. Такимъ „атаманомъ козацкимъ и всего войска на Низу“ былъ Косинскій, который успѣлъ не только соединить около себя купы своевольныхъ, т. е. нереестровыхъ козаковъ, но привлечь и реестровыхъ, обѣщая имъ жалованье, которое вѣчно задерживало польское правительство.

Косинскій былъ польскій шляхтичъ, изъ служебныхъ дворянъ князя Василя Острожскаго. Повидимому, у Косинскаго было и личное раздраженіе противъ князя; но во всякомъ случаѣ, Острожскій, какъ кіевскій воевода, а, слѣдовательно, главный исполнитель требованій государства, имѣлъ поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Запорожьемъ. Собравши козаковъ, зимой 1591 г. нападаетъ Косинскій на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на Бѣлую Церковь, лежавшую въ то время на самомъ рубежѣ степей; Бѣлая Церковь, куда татары загляды-

вали, по образному выраженію одного тогдашняго писателя, „какъ псы на кухню“, принадлежала вмѣстѣ съ огромнымъ пространствомъ земли, князю Янушу Острожскому, воеводѣ волынскому. Безъ всякаго сопротивленія забралъ Косинскій у бѣлодерковскаго подстаросты деньги и драгоцѣнности, принадлежащія князю Острожскому, и всѣ его бумаги, которыя тоже хранились здѣсь: уничтоженіе документовъ характеризуетъ собою всѣ козацкія волненія. Очевидно, это былъ сознательный протестъ противъ правъ, вещественнымъ выраженіемъ, а иногда и основаніемъ которыхъ были эти документы. Но вслѣдъ за этимъ Косинскій скрылся въ степи и не появлялся на Украинѣ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. А между тѣмъ на Украинѣ всюду что-то творилось неладное. Цѣлая Кіевщина и Брацлавщина были покрыты сѣтью маленькихъ отрядовъ своевольныхъ людей, занимающихся грабежемъ землянь и мѣщанъ. Всюду чувствовалось присутствіе горячаго матеріала, который пока только дымилъ, но каждую минуту могъ вспыхнуть и залить пожаромъ весь край. Волненіе распространялось дальше, на Волинь, на Подолье. Въ началѣ 1592 г. появились на кресахъ комиссары, посланные королемъ, съ уполномочіями относительно усмиренія „людей своевольныхъ, которые учиняють великіе и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ“... Но что значили комиссары со всѣми ихъ полномочіями и грозными листами, если угрозы и полномочія не подпирались военной силой? Язловецкій двинулся въ Хвастовъ и оттуда уговаривалъ запорожцевъ вести себя спокойно, въ предѣлахъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ, и выдать Косинскаго, какъ главнаго зачинщика смуты. Но все это ни къ чему не повело, а между тѣмъ Низовцы похозяйничали въ Кіевѣ, забрали тамъ „лушки, порохъ и всякую стрѣльбу“. Къ осени появился изъ степей и Косинскій, но теперь уже во главѣ настоящаго хорошо вооруженнаго войска... Народъ привѣтствовалъ это запорожское войско, укрѣпленныя мѣстечка отворяли ему свои ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ, пѣніемъ и хоругвями, съ водосвѣтіемъ. Косинскій собиралъ подати съ народа, требовалъ

отъ шляхты и мѣщанъ „послушенства“ и присяги на вѣрность козачеству; мѣста, гдѣ встрѣчалъ отпоръ, приказывалъ жечь и грабить. Впрочемъ, въ Брацлавщинѣ онъ не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія; наткнулся на него онъ лишь на Воляни, гдѣ было гораздо больше землянъ. Войско Косинскаго заняло Острополь, любимое мѣстечко князя Острожскаго, богатое и очень удобное по своему положенію на границѣ Воляни съ благоприятной для запорожцевъ Брацлавщиной, и укрѣпился здѣсь. Не дремалъ и князь Острожскій. Онъ просилъ о помощи короля, а пока самъ, съ сыномъ, началъ организовать защиту изъ подданныхъ, служебныхъ людей, подчиненной или дружественной шляхты. Любопытно то, что польный гетманъ Жолкѣвскій, который стоялъ недалеко отъ границъ Воляни съ короннымъ войскомъ, не тронулся съ мѣста на помощь, какъ бы все совершившееся на Воляни было лишь частнымъ дѣломъ князя Острожскаго. Между тѣмъ король прислалъ универсалъ, сзывающій на посполитое рушеніе шляхту Кіевскаго, Брацлавскаго и Волянскаго воеводствъ. „Такъ далеко распространилось то своеволіе низовыхъ козаковъ, пишетъ король въ своемъ универсалѣ, что они наши и сенаторскіе и шляхетскіе города берутъ какъ непріатели, грабятъ, мучатъ подданныхъ, забираютъ имущество, а что самое важное, принуждаютъ какъ шляхтичей, такъ и горожанъ отдавать себѣ присягу“. Въ то же время шляхта, собранная на судовые рочки въ Луцкѣ, занесла въ гродсеія книги протестъ въ томъ смыслѣ, что она не можетъ исполнять своихъ обязанностей по случаю козацкихъ беспорядковъ; слѣдовательно, волненіе обхватывало уже и отдаленныя части Воляни. Пунктомъ сбора для посполитаго рушенія назначенъ былъ Старый Константиновъ. Хотя паны и земляне со своими отрядами собирались неохотно, крайне медленно, но Косинскій все-таки отступилъ въ кіевское воеводство и подошелъ къ границамъ Воляни съ другой стороны, со стороны житомирскаго повѣта. Здѣсь онъ занялъ Пятокъ, мѣстечко, принадлежащее тоже Янушу Острожскому, и укрѣпился снова. Позиція и здѣсь была очень выгодна: населеніе ближайшихъ пунетовъ было очень расположено къ козакамъ, а пустая степь къ югу обезпечивала

отступление. Милиція Острожскаго была не мала, но плохо дисциплинирована, больших пановъ пришло на помощь только двое, Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, и Александръ Вишневецкій, староста каневскій и черкасскій,—кромѣ того, нѣсколько православныхъ землянь, изъ „пріятелей“ дома Острожскихъ. Они преслѣдовали Косинскаго, но не могли ему помѣшать укрѣпиться въ Пяткѣ. Пока они раздумывали, какой имъ принять дальнѣйшій образъ дѣйствій, Косинскій самъ рѣшилъ ихъ сомнѣніе. Онъ задумалъ смять врага и кинуться въ глубь Волыни. 2-го февраля 1593 г. произошла битва. Но результаты ея были крайне неблагопріятны для козаковъ: Запорожцы потеряли много людей, всѣ пушки и знамена. Еще съ недѣлю Косинскій держался за валами мѣстечка, но голодъ вынудилъ просить о посредничествѣ пана Вишневецкаго, который въ качествѣ старосты пограничнаго съ Запорожьемъ, всегда поддерживалъ съ козаками близкія отношенія и не разъ пользовался ихъ помощію въ своихъ ссорахъ съ сосѣдами-панами... 10-го февраля Косинскій съ горстью Низовцевъ явился въ станъ враговъ, отдаваясь на ихъ милость. Самъ престарѣлый воевода кievскій князь Василій Острожскій пріѣхалъ на это торжество. Косинскій униженно просилъ прощенія. Воевода простилъ съ условіемъ, чтобы бунтовщикъ вмѣстѣ съ старшиною козацкою далъ письменное обязательство, которое и дошло до насъ. Вотъ нѣкоторыя, важнѣйшія, мѣста этого пятковскаго договора между яко-бы удѣльнымъ княземъ паномъ Острожскимъ и взбунтовавшимся козацкимъ вожакомъ: „Кристофъ Косинскій, гетманъ на тотъ-часъ, сотники, атаманы и все рыцарство войска запорожскаго. Не памятуя милостей, оказанныхъ намъ княземъ воеводою кievскимъ, постыдно напали мы на его владѣнія, а теперь получивши отъ него прощеніе, присягаемъ: не имѣть отъ сего часа Косинскаго гетманомъ, а на его мѣсто выбрать на Украинѣ себѣ другаго втеченіи трехъ недѣль. Королю его милости обѣщаемъ послушенство; кромѣ того, обязуемся не возобновлять распрей съ сосѣдными государствами и пребывать за порогами на означенныхъ мѣстахъ. Обязуемся не расквартировываться во владѣніяхъ ихъ княжескихъ милостей (т. е. князей Острожскихъ),

также какъ и въ имѣніяхъ и державахъ пріятелей ихъ милостей, князя Александра Вишневецкаго и иныхъ, здѣсь находящихся, не чинить никакихъ шкодъ или кривдъ; а также въ имѣніяхъ и державахъ слугъ ихъ его милости ничего злого не дѣлать“.

Но Косинскій не чувствовалъ себя связаннымъ заключеннымъ имъ договоромъ. Онъ отправился тотчасъ же на Низъ снова набралъ тамъ горсть охотниковъ и въ концѣ марта уже отправился на Черкассы противъ Вишневецкаго; экспедиція была неудачна, и самъ Косинскій былъ убитъ.

А. Ефименко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ ¹⁾.

ГЛАВА VII.

Нѣчто о душевныхъ свойствахъ и характерѣ Семеныча.

На сколько изобрѣтательность Семеныча при добываніи денегъ похвальна или не похвальна, судить трудно. Если смотрѣть на нее съ нравственной стороны, то конечно не совсѣмъ... того..., вообще съ этой стороны, какъ чисто субъективной, авторъ не признаетъ за собою права выразить какое бы то ни было мнѣніе. Съ художественной стороны изобрѣтательность Семеныча заслуживаетъ полнаго одобренія. Если же взглянуть на нее съ точки зрѣнія политической экономіи, то не трудно убѣдиться, что всѣ дѣйствія нашего героя были направлены къ цѣли, которую преслѣдуетъ эта наука. У отца Юсафа и отца Даніила, какъ у людей не отъ міра сего, деньги залеживались цѣлыя десятки лѣтъ безъ всякаго движенія, что не согласуется съ принципомъ политической экономіи; тогда какъ, перешедши къ Семенычу, они находили для себя свойственное имъ назначеніе: они поступали въ обращеніе.

Куда пошли тѣ пятьдесятъ рублей, что получилъ Семенычъ отъ отца Юсафа за наперсный крестъ? А пошли они по торной дорожкѣ, прогоптанной къ ректорскимъ дверямъ множествомъ нуждающихся и обремененныхъ.

Пользуясь деньгами изъ ректорской незапирившейся конторки, если конечно въ ней что нибудь бывало, Александръ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 7.

Семенычъ въ свою очередь не считалъ одолженіемъ, когда выносишь просителямъ свои собственныя деньги, такъ какъ ректорской казны часто не хватало.

Лично на себя Семенычъ, соблюдавшій во всемъ умѣренность, издерживалъ не много. Практическое же правило—копить про черный день—не прививалось къ нему. Безразсечно щедрый, онъ въ тоже самое время отличался крайней бережливостью. За всю свою продолжительную жизнь онъ не выбросилъ ни одного окурка папирасы: дома онъ складываетъ окурки въ пепельницу и при значительномъ накопленіи фабрикуетъ изъ нихъ крѣпкій табакъ; въ гостяхъ же окурки прячетъ въ карманъ. Пустыя баночки, коробки, оберточную бумагу, найденные на улицѣ булавки, шпильки, пуговицы, старый гвоздь—все, все подбираетъ Семенычъ и прячетъ.

„Александръ Семенычъ! нѣтъ ли у васъ шворочки обвязать корзинку“?

„Александръ Семенычъ! дайте булавку подколоть юбку“.

„Александръ Семенычъ! я видѣлъ у васъ какъ то связку старыхъ ключей. Не подберется ли какойнибудь къ моему замку? Я свой ключъ потерялъ“.

Всѣхъ, рѣшительно всѣхъ удовлетворялъ Семенычъ, но предварительно обругаетъ за небрежность и беспорядокъ, послѣдствіемъ которыхъ бываютъ потери.

Щедрость его извѣстна многимъ, даже монастырскому барбосу, который изъ рукъ Семеныча, бывшаго тогда еще только столовымъ, а не комиссаромъ, хваталъ казенное мясо и пироги. Его радушіе знали: ректорскій котъ „отецъ Базиль“, что потерпѣлъ поносную смерть въ выгребной ямѣ, куда попалъ, охотясь за крысами, и большой песъ „отецъ Лыско“, котораго изъ личностей послушники утопили въ Днѣпрѣ. Дѣло въ томъ, что „отецъ Лыско“ часто прогуливался по монастырскимъ аллеямъ съ привяванной къ хвосту бумагой, заключавшей въ себѣ доносъ или паскиль на послушниковъ. Злые языки утверждали, что редакторомъ этихъ доносовъ или пасквилей былъ никто иной, какъ Семенычъ.

Какъ истый коммунистъ, денегъ своихъ Семенычъ никогда не запираль, а просто клалъ ихъ подъ тюфякъ, о чемъ знали всѣ, посѣщавшіе нашего героя. Кому нужно было, тѣ, не утруждая ни себя, ни его излишней формальностью, одолжались, запустивъ подъ тюфякъ руку. Замѣчательно, что за всю его долготннюю жизнь у него не случилось воровства; по крайней мѣрѣ отъ Семеныча объ этомъ никто не слышалъ.

Если его собственностью могъ безпрепятственно пользоваться каждый, то въ свою очередь и онъ не пренебрегалъ тѣмъ, что ему предлагалось, но никогда, ничего и ни у кого не просилъ, а даже повидимому отказывался. Подъ старость онъ довольно часто пользовался подачками въ видѣ разныхъ яствъ, которыя предлагались ему иногда и не безъ расчета со стороны благодѣтелей.

Припомнился мнѣ одинъ недавній случай, иллюстрирующій тонкій расчетъ, съ одной стороны самого Семеныча, а съ другой—его благодѣтельницы.

Дѣло происходило въ домѣ матери моей, гдѣ нашъ герой за квартиру съ отопленіемъ и за три рубля мѣсячнаго жалованья ведетъ подворную книгу.

Зашелъ я какъ-то поболтать къ нему на досугѣ о томъ-о семъ, а главное о старинѣ глубокой. Вдругъ въ его комнату со стороны двора открывается оконная форточка и въ нее глянуло не молодое уже, но сильно накрашенное лицо.

— Александръ Семенычъ! не хотите ли супу?

Семенычъ торопливо вскакиваетъ и съ самой утонченной любезностью принимаетъ изъ рукъ благодѣтельницы тарелку, говоря:

— Ахъ, зачѣмъ вы беспокоитесь? Право, это напрасно. Покорнѣйше васъ благодарю!

— Кушайте на здоровье!

Но едва только благодѣтельница скрылась, какъ Семенычъ опрокинулъ содержимое тарелки въ помойное ведро.

Я въ недоумѣніи.—Что это вы сдѣляли? сыты, что ли?

— А щожъ я свиня, чи собака? Позлывала съ тарилкокъ, трасця ии матери, тай подчуче.

— Такъ зачѣмъ же вы приняли, да еще съ благодарностью? Могли бы отказаться.

— Какъ можно? Откажись я—она обидится и ничего не станетъ приносить мнѣ; а отъ нея иной разъ и хорошее что-нибудь перепадаетъ мнѣ.

— Это другое дѣло. За что же это она такъ къ вамъ расположена, что кормить васъ даромъ?

— Совсѣмъ не даромъ; я за то сбавляю ей лѣта.

— Какъ такъ?!

— А такъ. У нея, видите ли, документъ дворянскій, постоянный. По этому документу, выданному ей въ 1871 году, значится ей 26 лѣтъ. Когда она поселилась у насъ—это было въ 1886 году,—я такъ и отмѣтилъ ее *двадцати шести* лѣтъ, Она какъ-то узнала объ этомъ, назвала меня благороднымъ и вѣжливымъ человѣкомъ и пригласила обѣдать. Съ тѣхъ поръ я вездѣ: и въ книгахъ, и въ адресныхъ листахъ отмѣчаю ее *двадцатиместью* лѣтъ, а она меня кормитъ. Если кто скажетъ ей, что она старше, то она ссылается на меня и на подворную книгу.

— Почему же вы думаете, что она посливала съ тарелокъ?

— Развѣ трудно узнать? Вотъ, еслибы она принесла мнѣ раньше, чѣмъ сама сѣла обѣдать, то я бы не сомнѣвался.

— А почему вы знаете, что она уже пообѣдала?

— А ея блѣдныя губы. Вѣдь она ихъ краситъ; за обѣдомъ же съѣдаетъ краску. А кромѣ того, обратите вниманіе на картошку изъ ея супа. При этомъ Семенычъ выловилъ изъ помойнаго ведра нѣсколько кусковъ картофеля.—Видите, каждая штука перерѣзана ложкой.

Конечно, послѣ такихъ вѣскихъ доказательствъ оставалось только преклониться предъ тонкой наблюдательностью нашего героя.

ГЛАВА VIII.

Невольное участіе Семеныча въ печеніи пасхальнаго тѣста.

Мѣсто дѣйствія то же, т. е. усадьба матери моей, гдѣ Семенычъ проживаетъ уже восемнадцать лѣтъ.

Была страстная пятница. Изъ печей собирались вынимать бабы. Знаете, что это за моментъ у хозяекъ? Это у нихъ своего рода „быть или не быть“. Предъ появленіемъ на свѣтъ младенца, женщина-мать меньше тревожится, меньше волнуется, меньше задумывается надъ вопросомъ: что то изъ него выйдетъ, не уродъ ли? чѣмъ женщина-хозяйка предъ выниманіемъ изъ печи пасхальнаго тѣста. Таковую странность, чтобы не сказать болѣе, мы объясняемъ тѣмъ, что младенцы-уроды явленіе чрезвычайно рѣдкое, тогда какъ уродливыя бабы (въ смыслѣ тѣста конечно), если вы наблюдательный человѣкъ, то, обходясь поздравленіемъ, встрѣтите въ каждой почти семьѣ. Оттого, вѣроятно, и пошла поговорка, что „въ семьѣ не безъ урода“...

Въ этотъ критическій моментъ случай натолкнулъ Семеныча попасть въ лабораторію самой зубастой хозяйки, которая наканунѣ приняла новую кухарку. Зубастая хозяйка накинулась на Семеныча.

— Сумасшедшій!... Лѣзетъ, какъ медвѣдь! Не видите развѣ, что я собираюсь вынимать тѣсто? А вы дверьми стучите.

— Да я тихонько... нужно записать паспортъ вашей кухарки, отвѣчалъ смѣшавшійся Семенычъ, помышляя объ отступленіи; но, не видя возможности удрать прилично, заглядываетъ въ печку и говорить:

— Эге, да какія славныя у васъ бабы! Знаете у генеральши Ротъ, гдѣ я жилъ,—у ней поваръ французъ,—а что же вы думаете? одинъ только разъ и удались такія, какъ у васъ. Я самъ тогда и изъ печи вынималъ ихъ, такъ, повѣрите ли, ни на волосокъ не осѣли. Хотите—я и вамъ повинимаю?

Польщенная похвалою такого просвѣщеннаго цѣнителя, какъ нашъ герой, жившій у богатой генеральши Ротъ и еще съ академической службы свѣдущій въ кулинарномъ искусствѣ, хозяйка допускаетъ Семеныча къ печкѣ, и онъ, затаивъ дыханіе

и зажавъ нижнюю губу зубами, съ присущей ему одному ловкостью благополучно вынулъ изъ печи дѣйствительно на славу выпеченныя бабы.

Сказавши нѣсколько лестныхъ замѣчавій хозяйкѣ по поводу ея хозяйства вообще, а искусства печь бабы въ особенности, Семенычъ хотѣлъ удалиться.

— Александръ Семенычъ! возьмите же и себѣ одну бабу; а то расхвалить вы расхвалили, а на вкусъ можетъ быть и не того...

Такъ съ преувеличенною скромностью говоритъ хозяйка, подавая Семенычу небольшую бабу.

— Зачѣмъ же вы беспокоитесь? Очень вамъ благодаренъ, но я право... я не затѣмъ... а насчетъ документа. Да и къ чему мнѣ это, вѣдь я не люблю слобнаго тѣста; въ немъ толку мало.

— Берите, берите; а то я разсержусь на васъ. Да вотъ встати возьмите и колбасу; это я сама дѣлала. Попробуйте!

Вышелъ Семенычъ изъ кухни съ бабой въ одной рукѣ и колбасой въ другой. Онъ и взаправду не любилъ тюлеваго тѣста, а потому, спрятавъ колбасу въ карманъ, поставилъ бабу на ладонь лѣвой руки, правой нажалъ еѣ сверху и сплюснулъ такъ, какъ складываютъ шапо-клякъ, являясь въ гостинную съ визитомъ.

На пути встрѣчаетъ онъ другую хозяйку съ лицомъ мрачнѣе тучи. У этой бабы не удались. Когда она замѣтила въ рукахъ Семеныча сплюснутую бабу, напоминающую своимъ несчастнымъ видомъ шапку мороженщика, мрачное лицо хозяйки нѣсколько прояснилось и она спросила Семеныча:

— Гдѣ это вы такого коржа достали?

— А это мнѣ мадамъ *** приподнесла.

— Да ну?!... Мадамъ ***?... И у ней всѣ такія красавицы вышли?

По мрачному лицу хозяйки нашъ герой угадалъ, что у нея неудача; но „на міру и смерть красна“. Не желая огорчить еѣ истиной, Семенычъ благоразумно умолчалъ о своемъ участіи въ превращеніи въ коржъ этой злополучной бабы, имѣвшей несчастье попасть въ лапы Семеныча; а потому, не смущаясь, отвѣтилъ:

— Всѣ такія, одна въ одну.

— А я думала, что у меня хуже всѣхъ вышли. Вы, Александръ Семенычъ, человѣкъ понимающій; зайдите взглянуть на мое печенье.

— Посмотримъ, посмотримъ! отвѣчаетъ Семенычъ тономъ доктора, приглашеннаго опредѣлить состояніе больного.

Вошли въ комнату. Хозяйка осторожно приподнимаетъ скатерть, подъ которой на подушкахъ остываютъ горбатые, кривобокіе уродцы.

Наступило тягостное молчаніе, какое бываетъ при посѣщеніи только что умершаго.

Семенычъ опомнился первый и сказалъ:

— Да вы знаете, что у насъ во всѣмъ дворѣ ни у кого не удалась бабы. Ваши еще туда-сюда, а то, вотъ видите, какія?

При послѣднихъ словахъ онъ указалъ ей на свой злополучный коржъ. Это утѣшило бѣдную хозяйку.

— Бываетъ, что „и ложь во спасеніе“, подумалъ Семенычъ и ушелъ уже съ двумя бабами: одна по волѣ Семеныча имѣла видъ коржа, а другая волею судьбы съ истерзаннымъ, лишеннымъ корки бокомъ и головой сросшейся со сподкой.

Этою послѣдней жилаецъ Семеныча, котъ Васька, не дожидаясь праздника, разговѣлся.

ГЛАВА IX.

Семенычъ въ должности комиссара Академіи.

Предъ отъѣздомъ преосвященнаго Димитрія, назначеннаго епископомъ Тульской епархіи, Семенычъ получилъ должность комиссара при Кіевской Духовной Академіи.

Знаете ли, что значить быть комиссаромъ Академіи, которую вполнѣ справедливо называютъ *alma mater*—кормилицей? Кромѣ средствъ казенныхъ, Кіевская Духовная Академія имѣетъ полъ-милліона собственнаго капигала, проценты съ котораго нужно же какъ-нибудь истратить. Мало-мальски умному комиссару такое мѣсто владѣть.

„Назначьте меня смотрителемъ корма казеннаго воробья, и у меня ежедневно къ обѣду будетъ гусь“, давно уже сказала народная мудрость. А вѣдь Академія не воробей; можно было бы комиссару при самомъ скромномъ желаніи съѣдать за обѣдомъ по меньшей мѣрѣ быка; но Семенычъ, какъ рассказываютъ, довольствовался прусаками, которыми въ ту пору изобиловалъ нештукатуренный сосновый потолокъ бухни.

Какъ-то одинъ прусачекъ попалъ въ суповую вазу студентовъ. Во время обѣда одинъ изъ студентовъ замѣтилъ въ тарелкѣ злосчастнаго прусачка. Между студентами поднялся ропоть негодованія. На шумъ явился инспекторъ; потребовали эконома; эконома сослался на своего помощника, комиссара, какъ ближе стоящаго къ кухнѣ. Послали за комиссаромъ.

Съ сковородкой въ одной рукѣ и ножомъ въ другой нашъ герой явился въ столовую. Его обступили грозныя лица студентовъ и къ самому носу совали ему прусака.

— Что это?!... отравить насъ хотите?!...

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное для студентовъ и для инспектора. Александръ Семенычъ съѣлъ предъявленнаго ему прусака.

Вмѣсто ожидаемыхъ громовъ, готовыхъ было разразиться надъ головой нашего героя, допустившаго злосчастнаго прусачка попасть въ студенческую столовую, въ ней раздался гомерическій хохоть. Хохотали студенты, смѣялся инспекторъ, весело улыбались эконома и служителя, глядя, какъ Семенычъ безъ словъ оправдался отъ несправедливо взводимаго на него обвиненія въ намѣреніи отравить.

— Какъ вы можете жрать такую гадость? спросили студенты.

— Какую гадость? Прусаковъ? Ъдятъ же устриць. Да вы знаете, что здоровѣе и вкуснѣе прусаковъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. Хотите испробовать?

Охотниковъ испробовать этого блюда не оказалось. Глядя на здоровое, цвѣтущее лицо Семеныча, трудно было спорить противъ цѣлебности прусаковъ.

Съ этихъ поръ между студентами нашъ герой сталъ пользоваться большою популяренностью. Послѣ инцидента съ прусач-

комъ нашъ герой всё болѣе и болѣе обращалъ на себя вниманіе студентовъ, которые не могли не оцѣнить его по достоинству. Не было при немъ студента, которому бы Семенычъ не услужилъ чѣмъ-либо. Тому понадобилась при усиленныхъ занятіяхъ лишняя свѣча, другому не въ пору ѣсть захотѣлось, третій перехватывалъ деньжонокъ у комиссара. Были и такіе, что забѣгали къ Семенычу опрокинуть предъ ужиномъ рюмочку настойки, которую держалъ Семенычъ у себя въ шкапчикѣ про всякій случай. Комиссарская кровать Семеныча съ двумя тюфяками не разъ служила покойнымъ и безопаснымъ пріютомъ тѣмъ изъ студентовъ, которымъ случалось хватить черезъ край.

Не навязываясь своими услугами, когда ихъ не просятъ, Семенычъ въ тоже время никому и ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не отказывалъ. Иной разъ его услуги переходили предѣлы вѣроятнаго.

Одному оканчивавшему курсъ семинаріи во время самыхъ экзаменовъ представился самый благопріятный случай занять хорошій приходъ, предоставленный за дѣвушкой, священнической сиротой. Для этого нужно было семинаристу заблаговременно обручиться съ невѣстой.

Отложить обрученіе на послѣ экзаменовъ опасно; могли найтись охотники и отбить у него завидную партію. Бросить же экзамены и ѣхать къ невѣстѣ, конечно, невозможно.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ бѣднякъ семинаристъ, не видя иного исхода, обратился съ просьбой къ великодушному Семенычу быть его замѣстителемъ при обрученіи. Семенычъ безъ вышнихъ разсужденій согласился; отправился къ чужой невѣстѣ, объяснилъ ей затруднительное положеніе, въ которомъ находился ея женихъ; побилъ съ нею поклоны, подаривъ ей первый поцѣлуй жениха, и привезъ обрадованному жениху обручальное кольцо.

Современному читателю такое обстоятельство, какъ обрученіе съ подставнымъ лицомъ, пожалуй можетъ показаться не правдоподобнымъ. Какая дѣвушка согласилась бы на такое дѣло?

Если на свадьбахъ за отсутствіемъ настоящихъ родителей фигурируютъ „посаженные“, то почему же не допустить, чтобы

за отсутствіемъ настоящаго жениха при обрученіи фигурировали „подставной“?

Въ нынѣшнее время такія вещи, правда, не практикуются болѣе. Теперь иныя времена и иныя нравы.

Вспомнимъ, какъ устраивались сватовства лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ назадъ.

Умираетъ сельскій священникъ, не успѣвшій „пристроить“ дѣтей. Въ то благодатное для священническихъ сиротъ время существовалъ обычай „предоставлять приходъ за сиротой.“ то есть давалось право одной изъ дочерей найти себѣ мужа изъ окончившихъ курсъ семинаріи, котораго и назначали священникомъ въ осиротѣвшій приходъ. Такимъ образомъ отцовское мѣсто замѣняло дѣвушка-сиротѣ приданое, а вдовѣ и остальнымъ сиротамъ обезпечивало дальнѣйшее ихъ существованіе.

Если у дѣвушки есть на примѣтѣ женихъ, то дѣло улаживалось скоро и просто. Но нерѣдко бывало, что жениха подъ руками не оказывалось и его нужно было искать. Тутъ уже вопросъ осложнялся; ждать суженаго некогда—приходу безъ священника долго оставаться нельзя, а потому дѣвушкѣ приходилось во что бы то ни стало немедленно добывать себѣ мужа. Какъ же это дѣлалось?

Справивъ по покойномъ сорочины (40-й день), вдова матушка съ дочерью-невѣстой собираются въ губернскій городъ, гдѣ находится семинарія. Нарѣжутъ и нажарятъ куръ и поросятъ; напекутъ пироговъ и булокъ, нацѣдятъ изъ боченковъ разныхъ наливокъ и съ этимъ грузомъ на лучшихъ лошадяхъ и въ лучшей найтычанкѣ отправляются въ городъ, хотя бы въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ останавливаются они на постояломъ дворѣ Афанасія Ивановича Каткова на Братской улицѣ, занимаютъ просторный номеръ и посылаетъ своего кучера въ семинарію уведомить дальняго родственника или близкаго знакомаго семинариста о своемъ прибытіи, а равно и о цѣли такового.

Вѣсть эта быстро распространяется во всѣ уголки семинаріи, и вечеромъ толпа богослововъ, большей частью казеннокоштныхъ, является на постоялый дворъ въ гости къ приѣз-

жимъ. Сперва между гостями и хозяевами царить нѣкоторая натянутость, неловкость, какая, обыкновенно, бываетъ между людьми, видящими другъ друга первый разъ. Стараніями близкаго знакомаго семинариста, принявшаго на себя по просьбѣ вдовы, роль посредника, такая натянутость нѣсколько сглаживается, а радушіе хозяевъ, пуще же всего наливка довершаютъ сближеніе, и даже у самихъ застѣнчивыхъ развязываются языки. Къ полуночи всѣ гости становятся развязно непринужденными и веселыми. Многіе поютъ, а иные затѣваютъ ученые споры, переходящіе иногда въ ссору. А хозяйка, знай, подносить да подносить.

— Да вы, господа, лучше выпейте, чѣмъ спорить, бо зна, о чемъ. А попробуйте этой сливяночки.

— Выпить, такъ выпить. Ну, давай чокемся!

Сливяночка оказывала свое благотворное дѣйствіе на спорящихъ и умировворяла до того, что многіе изъ гостей складывали кости тутъ же въ номерѣ.

ГЛАВА X.

Александръ Семеновичъ свать. Неудача. Скандаль на свадьбѣ.

Какъ сангвиникъ и человѣкъ вполне здоровый, Семенычъ не могъ не поклоняться Венерѣ, но быть въ зависимости и подчиняться мальчишкѣ Амуру не въ его натурѣ. Онъ терпѣть не могъ любовной канители, какъ онъ выражался.

Правда, чувствительныя посланія отъ него по адресу хорошенькихъ женщинъ попадались таки. Въ этихъ посланіяхъ, вмѣсто обыденныхъ: „голубка,“ „душечка,“ „ангелочекъ“, употреблялись болѣе съѣдобные предметы: „крендельчикъ,“ „пупочекъ,“ „поросятчко.“ У насъ сохранилось одно изъ его писемъ амурнаго содержанія, которое и приводимъ здѣсь дословно.

„Драгоценное мое поросятчко Машенька!

Нетерпимые отлагательствомъ дела, мешаютъ мнѣ лететь къ Вамъ, мой пупочекъ. Вся нутренность моя рвется къ Вамъ хочется взглянуть на Вашу мордочку. Вы поразили меня въ

самую совѣсть. Мой пульсъ сердечный пылаеть къ Вамъ жестокой страстію отъ невозможности видѣть Васъ. Посылаю Вамъ яблокъ и апельсинъ для наслажденія Вашей нутренности и желаю радостно танцовать безъ меня.

Остаюсь любящій Васъ съ прискорбіемъ по гробъ души моей за невозможностью пріѣхать, такъ-какъ у насъ въ Академіи заготовка кау-сты въ погребѣ и я долженъ по закону находиться при девкахъ, чтобы не испортили кача-новъ волею Божіею.

А. До.“

Судя по этому письму, нѣжныя чувства къ женщинамъ не были чужды нашему герою; но эти чувства нисколько не мѣшали ему изъ роли влюбленнаго перейти въ роль свата, какъ скоро онъ замѣчалъ чьи-либо равнодушныя взгляды, бросае-мые на его дорогое „поросятчко.“

Чувство ревности никогда не закрадывалось въ душу на-шего героя. Смирный и не злобивый по натурѣ, онъ становил-ся страшень для тѣхъ, по чьей интригѣ предполагаемая имъ свадьба разстраивалась. Горе тогда было интриганамъ! Горе тѣмъ, кто становился ему на дорогѣ! Онъ мстилъ жестоко.

Одицъ изъ близкихъ пріятелей Семеныча увидалъ его „до-рогое поросятчко“, Машеньку, гдѣ-то на сельской вечеринкѣ, устроенной по случаю храмоваго праздника. Съ перваго же разу Машенька произвела на молодого человѣка сильное впе-чатлѣніе; онъ влюбился въ нее по уши. Въ чувствахъ своихъ онъ открылся Семенычу, и тотъ горячо принялся за устройство судьбы пріятеля.

Немедленно же нашъ герой въ качествѣ свата отправился къ родителямъ Машеньки. Миссія его увѣнчалась полнымъ ус-пѣхомъ: молодой человѣкъ былъ объявленъ женихомъ Машень-ки. Оставалось только сыграть свадьбу, но... свадьба не состо-ялась, разстроилась. На горизонтѣ Машеньки появился ловкій, красивый, вполне свѣтскій молодой щеголь и сразу плѣнилъ неопытное сердечко Машеньки.

Образъ жениха затмился. Въ душѣ бѣдной Машеньки про-изошла борьба; долгъ боролся съ сердцемъ, и нужно думать,

что побѣда осталась бы на сторонѣ долга, такъ какъ Машенька была добрая и честная дѣвушка, немного только экзальтированная. На грѣхъ у Машеньки была подруга, которая приняла большое участіе въ разрѣшеніи борьбы чувствъ Машеньки. Эта подруга говорила, что любовь есть чувство священное; бракъ безъ любви—безумство; что любви можно жертвовать и долгомъ; что любовь насиловать грѣшно—это будетъ обманъ; что любовью все оправдывается и т. д. А для окончательнаго убѣжденія она сообщила Машенькѣ, что слышала о ея нареченномъ не совсѣмъ хорошія вещи. Въ чемъ стояли эти „нехорошія вещи“, Машенька даже не поинтересовалась узнать. Она *хотѣла* вѣрить словамъ своей подруги и повѣрила безъ разсужденій, безъ колебаній.

Машенька возвратила жениху данное имъ слово, чѣмъ причинила, какъ ему, такъ и своимъ родителемъ большое огорченіе. Какъ же отнесся къ этому Семенычъ?

Прежде всего онъ наговорилъ бѣдной Машенькѣ кучу упрековъ и колкостей. Красавца, плѣвившаго Машенькино сердечко, грозилъ изрубить въ куски, если только онъ не уберется по добру, по здорову. Но больше всѣхъ досталось подругѣ Машеньки.

Когда подруга эта выходила замужъ, то на свадьбѣ ея Семенычъ устроилъ грандіозный скандалъ.

Свадьба ея предполагалась быть самой скромной, безъ танцевъ, безъ музыки; приглашены были только самые близкіе родственники молодыхъ. Едва только пришли отъ вѣнца и усѣлись пить чай, какъ вдругъ на улицѣ, подъ самыми окнами, раздались звуки дрянной, разбитой шарманки и безобразное пѣніе множества пьяныхъ. Это Семенычъ нанялъ шарманщика, купилъ четверть водки и собралъ къ окнамъ дома, гдѣ была свадьба, множество босяковъ. Когда кто-то изъ гостей попытался было прогнать эту пьяную сволочь, то вышло еще хуже: босяковъ этимъ только больше раздражили. Поднялся страшный визгъ пороссячяго свойства: это визжалъ босякъ, искусный подражатель поросенка. Въ толпѣ нашлись артисты на ампуа другихъ животныхъ, и начался ужасный концертъ. Одинъ ржалъ лошадю,

другой мычалъ коровой, третій кричалъ пѣтухомъ, четвертый завывалъ волкомъ, пятый заливался собаченкой. Вдобавокъ собрались и заправскіе псы и стали подтягивать. Каламбуры и остроты уличнаго пошиба раздражали слухъ и нервы присутствовавшихъ на свадьбѣ. За тѣмъ всё это завершилось пляской босяковъ съ пѣніемъ разухабистой „барыни“, при чемъ мальчишки барабанили въ тактъ по оконнымъ ставнямъ. Скандаль вышелъ крупный.

ГЛАВА XI.

Комиссаръ исчезаетъ изъ Академіи, становится мирнымъ пейзазомъ и послѣдователемъ Діогена.

Прослуживъ лѣтъ семь въ Академіи, Семенычъ въ одно прекрасное утро имѣлъ неприятое столкновение съ академическимъ экономомъ. Что было причиною раздора, неизвѣстно, а окончилось тѣмъ, что герой нашъ исчезъ изъ Академіи. Не выѣхалъ, не выбрался, какъ люди, прожившіе на одномъ мѣстѣ много лѣтъ, а такъ таки просто исчезъ, къ удивленію всей Академіи.

Трубка, бритва, да изъ запасовъ академическихъ два большихъ яблока—это весь его багажъ; капиталу же двугривенный. Вотъ съ какимъ имуществомъ Семенычъ ушелъ изъ Академіи.

Изъ Академіи нашъ герой направился на Житній базаръ, гдѣ встрѣтилъ крестьянина, продававшаго возъ украденныхъ изъ казеннаго лѣсу дровъ. Изъ разспросовъ оказалось, что крестьянинъ былъ изъ того села, куда нашъ герой держалъ путь; а держалъ онъ путь въ село Лютежъ, гдѣ священствовалъ мой отецъ, пріятель и однокашникъ нашего героя, родственникъ и воспитанникъ преосв. Димитрія. Съ нимъ, во время своей службы у ректора, Семенычъ много лѣтъ прожилъ въ одной комнатѣ. Къ нему въ село и направилъ онъ свой путь.

Крестьянинъ охотно взялся подвезти Семеныча за два ерющка водки; вознагражденіе за двадцатисемиверстный провозъ скромное, а главное, что не превышало тощихъ ресурсовъ

нашего героя. У него оставался свободнымъ цѣлый гривенникъ, на который онъ купилъ прекрасную бѣлую ситницу въ гости-нецъ моей матери. Въ ближайшемъ кабакѣ плата за провозъ, то есть два кружка водки, вручена или вѣрнѣе влита была въ голодный желудокъ подводчика, и наши путники тронулись въ путь. Ъхали они сперва чрезъ дуга оболонскіе; затѣмъ пошли пески сыпучіе; далѣе потянулся дремучій лѣсъ, гдѣ устроили приваль, чтобы кляченка передохнула. Черезъ часъ снова тронулись и къ вечеру благополучно прибыли въ село Лютежь.

Въ эпоху появленія въ этомъ селѣ Семеныча, то есть въ пятидесятихъ годахъ настоящаго столѣтія, оно было маленькое, въ сорокъ дворовъ.

Окруженное съ трехъ сторонъ казенными лѣсами, а съ четвертой къ нему примыкаетъ лугъ, весною омываемый водами Днѣпра,—село это представляется скучнымъ, такимъ по крайней мѣрѣ казалось оно намъ, дѣтямъ. Кромѣ непріглядныхъ, необмазанныхъ крестьянскихъ избъ безъ штановъ, то есть безъ сѣней, да кабака среди песчаной площади—выгона, не было ничего утѣшительнаго. Ни одного интеллигентнаго дома, ни одной семьи, гдѣ бы, хотя изрѣдка, можно было разогнать скуку. Даже лавченки ни одной не было въ селѣ. Только и радости, что неглубокій прудъ, вполне пригодный для дѣтскаго купанья. За то и купались же мы по пяти разъ въ день; благо прудъ былъ близко.

Однообразіе нашей жизни изрѣдка только нарушалось пріѣздомъ кого-либо изъ сосѣднихъ священниковъ или станового. Послѣдній, за отсутствіемъ другого приличнаго помѣщенія, разбиралъ въ нашемъ домѣ дѣла и чинилъ между крестьянами судъ, чѣмъ доставлялъ намъ, дѣтямъ, несказанное удовольствіе. Намъ интересовало рѣшительно все, что выходило за предѣлы повседневнаго однообразія, такъ что даже еврей Ицко, мясникъ изъ Дымера, завозившій намъ говядину одинъ разъ въ мѣсяцъ, казался намъ интереснымъ.

И вдругъ нежданно не гаданно является къ намъ Семенычъ и не на одинъ только день, какъ бывало пріѣзжалъ раньше, а на долго, быть можетъ, и на всегда. Радости нашей

дѣтской не было границъ. Вѣдь Семенычъ былъ нашимъ идеаломъ, онъ казался намъ воплощеніемъ всего самаго лучшаго. Видѣть Семеныча возлѣ себя постоянно казалось намъ безконечнымъ, веселымъ праздникомъ. Семенычъ, никогда не унывающей, отличался отъ остальнаго человѣчества, какъ большой праздникъ отъ буднихъ дней.

Съ появленіемъ Семеныча начался для насъ цѣлый рядъ интересныхъ сюрпризовъ. Прежде всего мы поражены были полученными отъ него громадными яблоками; до тѣхъ поръ мы такихъ и не видывали. На другой день мы впервые увидали такое чудо, какъ бумажный змѣй. Не успѣли пройти у насъ восторги отъ летающаго змѣя, какъ Семенычъ, наколовивъ для бритья мыла, показалъ намъ искусство пускать мыльные пузыри. За тѣмъ устроилъ намъ изъ бумаги хлопушки, которыми пугали мы нашего кота. Семенычъ выучилъ насъ кленть картонныя коробки. Много, очень много почерпнули мы отъ него полезныхъ свѣдѣній.

Лѣтомъ вставалъ онъ по комиссарской привычкѣ до солнца и, не одѣваясь, въ костюмѣ Адама ходилъ на рѣчку купаться. Бабы и дѣвки, гнавшія въ череду скотъ, сперва принимали его за черта и съ визгомъ разбѣгались; впоследствии же присмотрѣлись, привыкли и болѣе уже не тревожились.

Такъ какъ другого занятія, кромѣ устройства дѣтскихъ забавъ, у насъ для него не находилось, то онъ, пока мы сидимъ надъ книжками, забирался въ кухню на полати и засыпалъ до обѣда. Если же спать не хотѣлось, то онъ принимался дразнить жившую у насъ родственницу, пожилую дѣвицу; та огрызалась, называла его дармоѣдомъ, откормленнымъ кабаномъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ выводить, что Семенычъ, живя у насъ, только лодырничалъ; напротивъ, онъ тоже принималъ участіе въ трудахъ по хозяйству. Онъ даже оклеилъ обоями одну комнату въ нашемъ домѣ, устроилъ калитку въ садъ, соорудилъ для собаки будку, а для рѣзваго кабанчика, повадившагося ежедневно прыгать въ огородъ, смастерилъ деревянную медаль на шею.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе экстренныхъ, онъ былъ не только полезенъ, но, какъ увидите ниже, не замѣнимъ.

ГЛАВА XII.

Семенычъ замѣняетъ собою машину. Контрабандный подвигъ его, результатомъ коего было заболѣваніе. Лѣченіе, соответственное величію героя.

У моего отца объ Рождествѣ и Крещеніи собиралось порядочное количество паляницъ. Не съѣсть же всего сразу, а потому паляницы обращали въ сухари, служившіе во время жнивѣ и косовицы большимъ подспорьемъ въ хозяйственномъ обиходѣ. Процедура рѣзки паляницъ на сухари чрезвычайно длинная; въ продолженіе цѣлой недѣли двое едва могли справиться съ этимъ дѣломъ, а дѣло такое, что ждать не любятъ: паляницы портятся, цвѣтутъ. Вотъ тутъ бы хорошо имѣть скорорѣзательную машину; но она только разъ въ годъ бываетъ нужна, а для одного разу и заводить не стоитъ.

Живя у насъ, Семенычъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнялъ собою такую машину. Нужно было видѣть и удивляться, съ какимъ проворствомъ и ловкостію Семенычъ справлялся съ массою паляницъ. Однимъ ловкимъ ударомъ большого ножа разрубить хлѣбъ на двѣ половины, поставить ихъ рядомъ и сѣчь, какъ котлеты. Черезъ двѣ секунды хлѣбъ раздробленъ на шестнадцать равныхъ по величинѣ кусковъ. Въ искусствѣ рѣзать хлѣбъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго и могъ поспорить съ машиною, что на сухарномъ заводѣ.

Разкажу случай, гдѣ Александру Семенычу довелось исполнить роль контрабандиста.

Это было предъ косовицей. Мой отецъ въ разговорѣ съ Семенычемъ по поводу косовицы пожаловался на дороговизну водки, коей нужно было не мало, такъ какъ въ то отдаленное время сѣно убиралось у насъ толокою, то есть за водку. Водка была дорога лишь въ казенныхъ селахъ, гдѣ питейная торговля находилась въ рукахъ откупщика. За рѣкой Ирпенемъ, въ шести

верстахъ отъ Лютежа, въ помѣщичьихъ селахъ водка продавалась значительно дешевле, но провезти ее оттуда, не только въ большомъ количествѣ, но даже одну бутылку нельзя было; на всѣхъ дорогахъ разставлены были кордоны, оберегавшіе интересы откупщика. Всякій проѣзжій подвергался тщательному обыску кордонщиковъ, вооруженныхъ желѣзнымъ „щупомъ“ (родъ шомпола), которымъ тыкали во всѣ закоулки повозки.

Не смотря на всё это, Семенычъ вызвался контрабанднымъ способомъ представить ведра четыре дешевой помѣщичьей водки изъ сосѣдняго села Демидова.

Въ легкую таратайку запрягли лошадь, уложили въ сѣно боченокъ, и Семенычъ, вдвоемъ съ кучеромъ, отправился на охоту...

Не доѣзжая кордона, помѣстившагося возлѣ парома чрезъ рѣку Ирпень, Семенычъ вылѣзъ изъ повозки, вынулъ изъ подъ сѣна боченокъ и съ нимъ свернулъ въ лѣсъ по правому берегу рѣки подальше отъ парома. Кучеръ между тѣмъ обычной дорогой подѣхалъ къ парому, гдѣ и повозка, и онъ самъ подверглись тщательному обыску кордонщиковъ.

По приѣздѣ въ помѣщичье село Демидовъ, расположенное на самомъ берегу Ирпеня, кучеръ оставилъ лошадь съ повозкой у знакомаго жида шинкаря и отправился за мельницу искать Семеныча.

Обрѣлъ онъ Семеныча въ осокѣ сидящимъ на боченкѣ въ костюмѣ Венеры, выходящей изъ волнъ. Свой костюмъ Семенычъ оставилъ на другомъ берегу въ кустахъ.

— Давай мени свою свитку, а то я смерзь. Да скоріше управляйся, говорилъ Семенычъ кучеру, вручая ему боченокъ.

Сбѣгалъ кучеръ къ шинкарю, гдѣ ему наполнили боченокъ водкой, плотно закупорили и вложили въ мѣшокъ, чтобы удобнѣе нести.

Задрапированный въ дырявую свитку, герой нашъ пошелъ на встрѣчу сгибавшемуся подъ тяжестью кучеру и вырвалъ у него ношу.

Каждый своей дорогой возвратился къ тому мѣсту, гдѣ они разстались: кучеръ съ подводой переправился паромомъ, гдѣ

снова подвергся ощупыванію кордонщиковъ, а Семенычъ съ боченкомъ перешоль рѣку въ бродъ.

Дешевая водка благополучно доставлена, и геройскій подвигъ Семеныча былъ оцѣненъ по достоинству. Однако долгое пребываніе въ холодной водѣ и сидѣнье голымъ въ осокѣ не прошли для Семеныча даромъ: онъ застудилъ желудокъ.

Чѣмъ же лѣчился Семенычъ? По теоріи гомеопатовъ „*similia similibus curantur*“ или „клинь клиномъ выбивай,“ Семенычъ принялся напихаться хлѣбомъ, чтобы, по выраженію его, пропхаться...“ Это ему иногда помогало; но на сей разъ случилось такъ, что даже и это, повидимому, самое вѣрнѣйшее средство не помогло, и Семенычъ на пятый день почернѣлъ. Узнавъ про недугъ Семеныча, отецъ мой посоветовалъ ему принять сенесу. До сихъ поръ Семенычъ никогда и ни отъ чего не лѣчился, и ему неизвѣстна была доза, какую слѣдуетъ ему принять этого сенесу, но вѣроятно угадалъ.

Горшокъ вмѣстимостью четверть ведра набилъ онъ листомъ сенесу, налилъ водой и поставилъ на два часа въ горячую печь. Отваръ получился въ родѣ добраго дегтю. Этого отвару выпилъ Семенычъ пять стакановъ и, конечно, выздоровѣлъ.

По поводу этого намъ сельскій коноваль замѣтилъ:

— Александръ Семенычъ выпилъ двѣ лошадиныя порціи.

ГЛАВА XIII.

Торжественное возвращеніе Семеныча въ Академію; дальнѣйшая его служба въ должности комиссара и отношенія къ подчиненнымъ.

Незамѣтно прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Семенычъ поселился у насъ. Онъ настолько обжился, что пересталъ уже и думать объ Академіи, но Академія сама вспомнила о немъ. Это было въ 1860 году.

Какъ вѣкогда римляне, тѣснямые эквами, вспомнили о Цинцинатѣ, розыскали его на полѣ за плугомъ и призвали на службу отечеству, такъ и Академія, осаждаемая протестами не-

довольныхъ дурною пищею студентовъ, вспомнила о своемъ исчезнувшемъ комиссарѣ, котораго никто, рѣшительно никто замѣнить не могъ.

Не смотря на то, что мѣстность, гдѣ поселился Семенычъ, была въ самой глухой части Кіевской губерніи, вдали отъ всякаго тракта, и что Семенычъ въ Академіи не оставилъ даже адреса, куда онъ уходитъ, словомъ исчезъ безслѣдно,—не смотря на все это, онъ былъ розысканъ. За нимъ послана была академическая подвода, и нашъ герой торжественно чрезъ экономическія ворота въѣхалъ во дворъ Академіи, гдѣ случайно попавшіеся старшіе студенты и послушники Братскаго монастыря устроили ему самую сердечную встрѣчу.

— Семенычъ пріѣхалъ! кричали послушники.

— Пентефрій Фараоновичъ!?... восклицали пріятно удивленные студенты.

Шумъ оваціи обратилъ на себя вниманіе почтеннаго эконома, который выглянулъ въ окно и, не въ силахъ будучи скрыть своей радости, весело произнесъ:

— Пріѣхалъ таки, Кабаша!

Экономъ побаивался, что Семенычъ, повздорившій съ нимъ нѣкогда, откажется отъ его предложенія вернуться на постъ комиссара; но нашъ герой, какъ и подобаетъ герою, былъ выше всякихъ мелочей.

По исчезновеніи Семеныча академической кухнѣ досталась незавидная доля. Новый комиссаръ, назначенный на мѣсто Семеныча, не въ состояніи былъ справляться съ оравой служителей а тѣ въ свою очередь не понимали, чего отъ нихъ хотѣлъ комиссаръ. Выходили недоразумѣнія, дурно отзывавшіеся на студенческой пищѣ, что порождало ропотъ между студентами. Попробовали перемѣнить комиссара; но и отъ другого не добились толку. Такого комиссара, какимъ былъ Семенычъ, врядъ ли можно найти въ цѣломъ мірѣ. Между тѣмъ недовольство студентовъ росло, и академическое начальство не имѣло покоя отъ ихъ жалобъ на дурную пищу. Эконому категорически предложено было изыскать средства для водворенія порядка на кухнѣ.

Вотъ почему за Александромъ Семенычемъ экономъ послалъ академическихъ лошадей.

Мѣстопробываніе Семеныча было открыто совершенно случайно, благодаря словоохотливости академическихъ служителей.

Въ Академію поставляли дрова. Подводчики оказались крестьянами с. Лютежа и, болтая съ служителями о томъ, о семъ, сообщили, что у ихняго батюшки живетъ такой человекъ, что можетъ есть прусаковъ. Слово по слову, и служителя убѣдились, что это некто иной, какъ ихній исчезнувшій комиссаръ Александръ Семенычъ. О своемъ открытіи служителя довели до свѣдѣнія эконома, чѣмъ оказали ему важную услугу.

Не менѣе другихъ прибытію Семеныча обрадовались и служителя, на которыхъ герой нашъ сейчасъ-же прикрикнулъ:

— Ну, чего вытаращили баньки? Пошли по своимъ мѣстамъ!

Давно, очень давно не слышали они голоса любимаго своего комиссара. Не прошло и десяти минутъ со времени пріѣзда Семеныча, а онъ уже распоряжался на кухнѣ, кричалъ, ругался, словно онъ находился тутъ непрерывно и никуда не отлучался.

Какъ солдаты радуются присутствію возлѣ нихъ любимаго полководца, хотя бы онъ велъ ихъ на вѣрную гибель, такъ и академическіе служителя радовались и ликовали, видя возлѣ себя Семеныча, который никогда не давалъ имъ потачки, а, напротивъ, подгонялъ, пробиралъ и подчасъ подталкивалъ. Даже новички служителя, никогда до того не видѣвшіе Семеныча, раздѣляли всеобщій восторгъ, чувствуя что это настоящій комиссаръ, а не тотъ мямля, что говоритъ бывало:

„Вы бы, Григорій, чѣмъ зря шататься, занялись бы чѣмъ-нибудь.“ А чѣмъ заняться, не скажетъ. Или: „это ни на что не похоже! Всюду у васъ беспорядокъ, грязь; да неужели нельзя держать кухню опрятнѣе?“ И никто не знаетъ, къ кому должна относиться его рѣчь. А то иной разъ впадетъ въ такое отчаяніе, что ломаетъ себѣ руки и говоритъ: „это каторга, а не служба!... Лучше сдохнуть, чѣмъ возиться съ такимъ народомъ. Будь я проклятъ, если останусь здѣсь служить!...“

Понятно, что такой способ управленія служителями никуда не годится.

Поглядите на Семеныча, когда онъ въ кухнѣ; это соколь! Онъ мало тратитъ словъ, даже по имени рѣдко кого называетъ; вѣдь служителей много; перепутаешь имена, анъ глядь, и вышла неурядица. То ли дѣло влички по примѣтамъ, по личнымъ качествамъ, по одежкѣ; тутъ уже не спутаешься.

— „Прикрой, Лысый, кастрюлю!“ „Эй, ты, Куртка! уברי лохань! Да не плескай, чертъ тебя дери! Клиньи курносаго, да вдвоемъ и выноси“. „Подложи, Куцый, дровъ“. Куда прешь, Кривой бѣсъ“?! „Да не такъ, Долговязый идолъ! Давай сюда!“ И Семенычъ безъ лишнихъ словъ самъ сдѣлаетъ то, чего не смогъ Долговязый, а сдѣлавши, еще и похваливаетъ Долговязого: „ну, вотъ такъ, молодецъ!“ Какъ будто сдѣлалъ [самъ Долговязый.

— А ты, Рябой дьяволъ, почему до сихъ поръ не убралъ двора?

— Да времени не было, Александръ Семеновичъ!

— Я тебѣ покажу „не было времени“! Дворъ заместь— первое дѣло! Слышишь?

Чрезъ пять минутъ дворъ былъ чисто выметенъ, и Рябой—дворникъ награжденъ рюмкой водки изъ комиссарскихъ рукъ.

Работа и отдыхъ у Александра Семеныча распределены были точно. Требовательный во время работъ, онъ весьма уважалъ послѣобѣденный отдыхъ служителей и считалъ грѣхомъ нарушить въ ту пору ихъ покой.

Не мудрено, что подъ управленіемъ такого комиссара дѣло велось прекрасно, и всѣ были имъ довольны. Своею аккуратностью и исполнительностью Семенычъ заслужилъ благоволеніе инспектора Академіи архимандрита Іоанникія ¹⁾, который, будучи назначенъ ректоромъ кievской духовной семинаріи, пригласилъ туда и Семеныча въ комиссары. „Но въ семинаріи прослужилъ Семенычъ не долго и вмѣстѣ съ архимандритомъ Іоанникіемъ,

¹⁾ Ничѣ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита кievскаго.

получившимъ назначеніе быть ректоромъ Академіи, вернулся на старое мѣсто.

Должность семинарскаго комиссара, не смотря на большую, чѣмъ въ Академіи, самостоятельность (въ семинаріи эконома не полагается), мало интересна въ смыслѣ матеріальномъ. Семинаріи содержатся на скромныя епархіальныя средства, и то, что въ Академіи отпускается на одного воспитанника, въ семинаріи приходится дѣлить на пятерыхъ.

Академическій песь, увязавшійся было за Семенычемъ, не пожелалъ оставаться при семинарской кухнѣ, гдѣ не могъ уже получать изъ рукъ комиссара ни мяса, ни пироговъ, а вернулся въ свою конуру на академическомъ дворѣ, недоумѣвая, какъ это Семенычъ при своемъ геніальномъ умѣ рѣшился промѣнять Академію на Семинарію.

Н. Ракинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„ПОПОКЪ“.

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ¹⁾.

XVII.

Острогъ, тюрьма, солдаты съ ружьями, высокое кирпичное зданіе въ три этажа, два меньшіе домика—одинъ квартира смотрителя, другой баня,—столбъ съ колоколомъ, ступеньки, корридоры, бряцанье кандаловъ на нѣкоторыхъ арестантахъ, восклицанія „позвать старшаго“, „ключника“, „парашка“, „це-хаузъ“, „конторка“, „этапъ“, „рѣшанный“, „подслѣдственный“, „непомнящій“... все это темнымъ, никогда невиданнымъ какимъ-то облакомъ закрыло несчастнаго Хведька. Онъ оступѣлъ опять, растерялся, окончательно обезличился. Впослѣдствіи, когда ему приходилось вспоминать этотъ моментъ его жизни, онъ никогда не могъ достаточно ясно припомнить все съ нимъ происшедшее,—такъ вся эта обстановка была ему чужда во всѣхъ ея деталяхъ, такъ она подавляла его.

Между тѣмъ съ нимъ, собственно говоря, ничего необыкновеннаго, такого, чего не продѣлывалось и со всѣми вступающими въ тюрьму, не случилось.

Часовой, посмотрѣвъ въ маленькое окошечко большихъ обитыхъ листовымъ желѣзомъ воротъ, позвонилъ и крикнулъ:

— Позвать ключника и старшаго!...

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 5

Выбѣжавшій къ воротамъ солдатъ въ форменной кепкѣ ¹⁾ и съ тесакомъ на лѣвомъ бѣдрѣ и другой солдатообразный человекъ въ какой-то черкескѣ что-то спросили Антона, затѣмъ второй отперъ вдѣланную въ ворота калитку и впустилъ ихъ обоихъ, Хведька и Антона, во дворъ и пошелъ съ ними въ среднія двери большого зданія. На крыльцѣ стояли два какіе-то арестанта въ грязномъ бѣльѣ и одинъ въ кандалахъ на ногахъ. Они спросили Хведька:

— Съ воли или отъ Бычкова?—Антонъ за него отвѣтилъ.

— Отъ насъ.

Затѣмъ ввели ихъ въ первую дверь въ корридоръ направо, гдѣ, опустившись двумя ступеньками ниже, они очутились въ небольшой продолговатой комнатѣ со сводами. Сейчасъ же у двери подъ широкимъ низкимъ окномъ стоялъ столъ съ письменными принадлежностями и бумагами. За столомъ сидѣлъ какой-то сѣденькій старичокъ и по пискливому выклику, доносящемуся изъ другого конца комнаты, что-то записывалъ. Въ томъ другомъ концѣ этой комнаты небольшой, еще не старый человекъ въ потертомъ мундирѣ полицейской формы считалъ перекидываемые двумя арестантами сѣрые халаты, такіе же куртки и штаны.

При входѣ Хведька въ сопровожденіи тюремнаго служителя и Антона, слѣдившій за счетомъ куртокъ и штановъ смотритель еле повелъ глазами въ ихъ сторону и мановеніемъ руки оставилъ ихъ у порога, пока не кончилъ счета.

— Отъ Бычкова?—спросилъ онъ, протягивая руку къ Антону за книжкой.

— Точно такъ-съ! вотъ съ арестантомъ! отвѣтилъ послѣдній.

Смотритель взялъ изъ разносной книжки пакетъ и, бросивъ книжку писцу для росписки, самъ быстро сломалъ печать и сталъ читать. Получившій съ роспиской книжку Антонъ ушелъ, а Хведька по приказанію смотрителя стали обыскивать.

— Деньги у тебя есть?—спросилъ смотритель.

¹⁾ Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ.

— Нѣту-ти—отвѣтилъ по русски, какъ ему казалось, Хведько.

— Смотри, а то, братъ, мои кадеты вразъ разыщутъ. Отъ нихъ не спрячешься, а послѣ будешь матушку рѣпку пѣть... профальцетиль смотритель.

Но Хведько ровно ничего не понялъ, ни его словъ, ни всей этой процедуры записыванія его мѣры роста, обыска и т. п. Онъ только опомнился, когда провожавшій его на второй этажъ надзиратель въ корридорѣ сказалъ ему.

— Ты, если деньги имѣешь при себѣ, отдай; а то тамъ въ вашей камерѣ ихъ скоро подберутъ! и на вторичное отрицаніе Хведька сказалъ.

— Ну, ничего! Я такъ только къ слову...

Надзиратель по темному узкому корридору, въ коемъ встрѣчались снующіе туда и сюда арестанты, привелъ Хведька въ одну изъ камеръ, надъ растворенной дверью которой была надпись „воровская“.

— Принимайте новаго постояльца—сказалъ надзиратель, вводя Хведька въ камеру и обращаясь къ находившимся тамъ нѣсколькимъ человѣкамъ.

Ему никто не отвѣтилъ; но всѣ, а ихъ было тамъ человѣкъ десять, повернулись къ дверямъ и смотрѣли на Хведька.

— Вотъ тутъ какъ-нибудь примостишься на нарахъ—сказалъ надзиратель и сейчасъ же ушелъ.

Хведько такъ и остался у двери, осматриваемый какъ жильцами камеры, такъ и остановившимися сзади его у дверей проходящими по корридору арестантами.

Камера была большая, аршинъ десять въ длину и не менѣе 7—8 въ ширину. Два большія окна давали достаточно свѣта, особенно послѣ пройденнаго мало освѣщеннаго корридора. Не смотри на открытыя окна, воздухъ въ камерѣ былъ промозглый; пахло онучами, потомъ и кожевеннымъ товаромъ. Во всю длину одной изъ стѣнъ устроены были нары... На нихъ кой-гдѣ валялась какая-то арестантская одежда—рвань. Въ одномъ углу кто-то изъ арестантовъ лежалъ слегка стонучи; у

одного изъ оконъ на нарахъ же стоялъ столикъ, и около него на чурбанѣ сидѣлъ арестантъ сапожникъ.

— Ну, проходи, чего стоишь!—обозвался одинъ изъ жильцовъ камеры, очевидно намѣревавшійся выйти въ корридоръ.

Хведько посторонился, но все-таки не проходилъ дальше.

— Проходи сюды; оттутъ и сядь!—отозвался къ нему сапожникъ.

Хведько какъ бы встрепенулся отъ забытья, прошелъ до наръ и прежде, чѣмъ сѣсть, сказалъ.

— Здрастуйте! Богъ у помочь!

— Здравовъ, спасибо! Сидай оттутъ—отвѣчалъ сапожникъ.

— Ишъ чортѣва хохлацкая голова, мазепская! Когда сказалъ „здравствуйте“... какъ своего брата мазепу повидалъ; а то стоитъ, какъ статуя какой! отозвался одинъ арестантъ, тщедушный, блѣднолицый брюнетъ въ донельзя засаленной грязной рубахѣ и такихъ же штанахъ.

Хведько ничего не отвѣтилъ на эту ругань, а только повернулся на мгновеніе въ сторону ругающаго, какъ бы для удостовѣренія, откуда несется эта брань.

Сапожникъ замоталъ головою и только крякнулъ, но тоже ничего не отвѣтилъ ругателю, а обратился къ Хведьку со словами.

— Що жъ, братѣцъ! примощуйся!—Ты откедова?

— Андріевскій...

— Знаю! Землякъ! Не дальній! За экономію?—спросилъ онъ, и когда Хведько, не понявъ вопроса, не отвѣчалъ,—объяснилъ вопросъ: за панське що-небудь попался? Одкедова усе больше таки попадаються....

— Та за панське бурякове симя. Хлопци передали у кабакъ, а винъ и каже, що я вкравъ...

— Кто се винъ?

— Та старшина.

Сапожникъ по осторожной деликатности не счелъ себя вправѣ выпытывать всю подноготную, хотя и не вѣрилъ объясненіямъ Хведька.

— Што жъ, на довго?

— Що, на довго?

— Та тутъ тобі сидить,—спрашиваю,—довго?

— О! Я не знаю гараздъ...

— „Не знаю гараздъ“—чортова мазниця!—отозвался тутъ же за спиною у Хведька голосъ того же ругателя, слушавшаго все спрашиваемое сапожникомъ, и не успѣлъ Хведько повернуться, какъ тотъ же арестантъ шлепнулъ его со всей руки по затылку и съ непечатною бранью замахнулся ударить и другой разъ. Но Хведько, ограждая себя, поймалъ драчуна за обѣ руки и такъ его давнулъ, что тотъ присѣлъ, какъ-то съежился, и не успѣлъ Хведько его отпустить, какъ онъ зубами впился въ одну его руку.

Отъ боли и неожиданности Хведько разжалъ свои руки и выпустилъ драчуна, который не подымаясь прижалъ концы своихъ пальцевъ ко рту, подувая на нихъ, какъ на обожженные.

— Ишь дьяволь! Чуть не растроцилъ пальцевъ! Медвѣдь проклятый! Мазена!—не переставалъ онъ ругаться.

Это обстоятельство послужило поводомъ сближенія Хведька съ арестантомъ сапожникомъ, оказавшимся на самомъ дѣлѣ землякомъ, неподалеку изъ хутора, носившимъ знакомое въ той мѣстности прозвище—Шляховой.

Когда Хведько выхватилъ руку изъ зубовъ ругателя и драчуна, она у него оказалась укушенной до крови. Шляховой, ругая укусившаго, досталъ какую-то ветошку и далъ Хведьку придержать текущую кровь.

Укусившій былъ извѣстный въ этой мѣстности карманщикъ Чистяковъ, предназначенный къ ссылкѣ въ арестантскія роты. Нѣскольkokратный сидѣлецъ тюрьмы, юркій, злой и всегда любившій потѣшиться надъ новичками, обыкновенно торопѣвшими на первыхъ порахъ заключенія.

Шляховой, человекъ немолодой, былъ профессиональный конокрадъ, отсиживавшій уже другой годъ въ тюрьмѣ вмѣсто арестантскихъ ротъ. Сапожничая и дома, онъ въ тюрьмѣ усовершенствовался и шилъ весьма недурно простые сапоги и штиблеты, чѣмъ заслужилъ даже славу въ средѣ мѣстныхъ кучеровъ и кухарокъ. Мастерствомъ этимъ онъ не только защи-

балъ лишнюю кофѣйку, но, благодаря тому, что его умѣняемъ верѣдко пользовался смотритель тюрьмы, даже добылъ себѣ нѣкоего рода привилегированность: его свободно допускали къ окошечку воротъ для переговоровъ со знакомыми, водили въ кожевенную лавку, не посылали на огородъ и другія арестантскія работы.

Хведько примостился около Шляхового и прижималъ тряпкою укушенное мѣсто. Лежавшій и все видѣвшій арестантъ приподнялся и вышелъ изъ камеры, и, когда скомандовали идти обѣдать, то уже всѣ знали про случившееся, осматривали съ любопытствомъ Хведьку, и даже одинъ подшутить, сказавъ:

— Ты бы, братъ, въ больницу попросился полѣчиться, а то онъ вѣдь, смотри, бѣшенный: какъ бы не пришлось послѣ щенять скалывать подъ языкомъ.

Отчисленный у Бычкова и не зачисленный на этотъ день въ острогъ, Хведько не получилъ отпускного хлѣба и довольствовался тѣмъ, что ему далъ Шляховой, пригласившій его и къ своей мискѣ.

Сближеніе Хведьки съ нимъ установилось: онъ, Шляховой, далъ ему размять намоченный сапожный товаръ, что и было тщательно и со всею силою исполнено; другой разъ Шляховой ссукивая изъ пряжи дратву, давалъ ему подержать концы. Хведьку не хотѣлось отдаляться отъ этого человѣка, и онъ, какъ-то не думая объ этомъ, очутился въ помощникахъ у Шляхового. Сначала что-то выминалъ, послѣ гладилъ какою-то косточкою ремень а послѣ мало-по-малу началъ и тачать шиломъ и дратвою.

Иногда его отрывали отъ сапожничанья по инымъ дѣламъ и работамъ арестантскимъ: то подметать дворъ, то вывозить парашу, то поливать на огородѣ капусту, то носить воду или колоть дрова,—но онъ каждую свободную минуту примаскивался къ Шляховому, помогалъ ему и учился шить, колоть шиломъ и дратвой, которую онъ научился не только суетать, но даже заправлять въ нее щетину. Шляховой между прочимъ научилъ Хведьку, что слѣдовало бы ему черезъ кого-нибудь передать домой, чтобы его провѣдали.

Время шло. Оступѣлый сначала, Хведько присмотрѣлся, попривыкъ въ тюрьмѣ, вошелъ въ ея жизнь, ея интересы. Ему почему-то эта тюремная среда казалась вышею отъ той среды экономическихъ рабочихъ и сельскихъ мужиковъ, въ какой онъ по сю пору жилъ. Въ тюрьмѣ всѣ казались бойчѣе, образованнѣе, и хохоль Хведько начиналъ помимо воли поддаваться вліянію москальского духа, господствующаго во всѣхъ „бѣлокаменныхъ“ острогахъ всей Россійской Имперіи, не смотря на то, гдѣ и какое племя окружаетъ этотъ острогъ. Хведько начиналъ „закидать по руському“ и для выраженія болѣе сильныхъ ощущеній употреблять русскую національную брань. Обрусѣніе его, разумѣется, шло бы еще быстрѣе и успѣшнѣе, еслибы не дружба со Шляховымъ, ютившимъ его около себя и приучавшимъ его къ сапожничеству. Шляховой же былъ заматерѣлый хохоль, котораго было уже поздно подвергать передѣлкѣ какой бы то ни было среды.

XVIII.

Недѣли двѣ спустя послѣ начала заключенія получилась наконецъ вѣсть изъ дому, хотя и невеселая. Кто-то изъ привозившихъ съ Пучины известку переказалъ Хведьку, что его мать лежитъ больная и даже врядъ-ли поднимется.

Лѣто было уже въ разгарѣ. Прошли Петровки, близилась лѣтняя Казанская (8-го іюля), и за стѣнами тюрьмы на городской площади стала строиться ярмарка.

Изъ колебѣвъ, шелевокъ, полстей, рогожъ и лубковъ сооружались цѣлые ряды лавокъ, наметывались палатки; явилось двѣ карусели и какой-то балаганъ съ акробатами. Площадь все больше и больше заполнялась этими постройками, телѣгами, людьми, рогатымъ скотомъ и лошадьми. Скотская и овечья ярмарка началась сейчасъ же послѣ Петрова дня и успѣла отторговаться къ кануну официалаьнаго открытія торга.

Вся эта гуща лавокъ, людей и скотовъ укутывалась облаками пыли, поднятой съ разбитой, измельченной песчаной почвы,

такъ что въ самый день ярмарки (8 іюля) съ высоты тюремныхъ оконъ, гдѣ цѣлый день тиснулись головы арестантовъ, видна была только одна туча пыли, въ которой всѣ голоса и звуки сливались въ какой-то громъ и рокотъ.

Обыкновенно окрестныя крестьянки, бабы, женщины и дѣвки, какъ московки, такъ и хохлушки, бывая на ярмаркѣ, старались побывать и въ недалекомъ отъ города монастыркѣ, въ пещеркахъ. Это особенно бываетъ удобно, когда ярмарка совпадаетъ близко съ воскреснымъ днемъ. Онѣ идутъ дня за два, за три раньше другихъ изъ дому въ городъ; у знакомыхъ оставляютъ ношу, состоящую большею частію изъ призапасенныхъ для продажи на ярмаркѣ холстовъ, нитокъ, ряденъ, суконъ, поясовъ и т. п. женскихъ ткацкихъ издѣлій и, на-легкѣ сходявъ въ пещеры, къ вечеру кануна ярмарки возвращаются въ городъ. Обыкновенно берегъ рѣки Дона въ эти дни унижается вереницами этихъ мѣстныхъ богомолковъ. Рѣдко, рѣдко въ такой компаніи увидѣть можно дальняго странника—все свои мѣстные.

Отстоявъ обѣдню въ Пещерахъ, богомольцы кой-что закусили и потянулись безконечною цестрою низкою по узенькой тропѣ внизъ къ рѣкѣ Дону.

Широкая панорама разворачивается передъ ними.

Внизу подъ горою ровною синею полосою съ сѣвера на югъ тянулась рѣка. За ней широко разстилалась дельта рѣки Осередья, поросшая луговымъ лѣсомъ, среди котораго высилась гора Мамайка. Во впадинахъ одноцвѣтной лѣсной порости кой-гдѣ блестѣли зеркала озеръ. За лѣсомъ на пескахъ виднѣлся маленькій городокъ съ башнями колоколенъ, желѣзными разноцвѣтными крышами и бѣлѣющими стѣнами, укутанный въ сторону рѣки облакомъ пыли. Къ востоку за городомъ тянулся зеленый лугъ съ виднѣющимися кой-гдѣ излучинами рѣки Осередья и окаймляющими его хуторами. Къ сѣверу отъ луга шла степь съ раскиданными на ней кое-гдѣ сельцами вплоть до синѣющей на горизонтѣ полосы лѣса. На юго-востокѣ, подымаясь отъ луга до края горизонта, разлеглась степь.

Въ длинномъ, неправильно прерывающемся ряду богомольцевъ были богомолки и изъ Андреевки, а между нимъ Сохва,

Мелашка и одна изъ сестеръ Хведька по имени Полька—всѣхъ ихъ было душъ двѣнадцать.

Онѣ незамѣтно для себя пришли до Переболя, вырывающагося въ сторону притока рѣки Дона, черезъ который устроена переправа на лодкѣ. Тамъ же надъ протокомъ въ нѣсколькихъ шалашахъ живутъ станомъ мѣстные рыболовы, добывая на самоловныя снасти стерлядь. Одинъ изъ такихъ рыболововъ перевозилъ на движущейся по бичевѣ лодкѣ и богомольцевъ. Совершенно достаточная въ обыкновенное время, лодка при такомъ стеченіи ямрочныхъ богомольцевъ не успѣвала скоро ихъ перевозить, почему здѣсь въ эти немногіе часы бываетъ порядочное скопленіе людей.

Андреевскія богомолки не попали сразу на переправу и должны были дожидаться очереди.

Между ними шелъ разговоръ о томъ, что вотъ вчера не удалось Полькѣ Самченковой „добытись до Хведька“.

— Та яжъ и пишла туды до воритъ, а воно якъ гуконе на мене, я й злякалася, а тутъ такы боюся одъ васъ остаться... такъ и не добылася,—объясняла Полька.

— Отъ прійдеться такы мени добываться—отозвалась бойкая Сохва... Давайте уси гуртомъ пійдемо, такъ насъ пустять—добавила она.

— Або ще й усихъ запруть у тюрми—подшутила Леська Токорева.

— Усихъ не запруть, взмахнувъ задорно головою, сказала Сохва. Мы й справди давайте йты до него. Аже пускають... Ото тоди, якъ ото Штанькивъ Олекса сыдивъ, такъ до него уси заходьды... разказувалы....

-- Пійдешъ, Мелашка,—спросила она внезапно, повернувшись къ ней, задумчиво вперившей глаза въ шибко бѣгущую воду.

— Хто се? Я?—встрепенулась Мелашка и покраснѣла вплоть до ушей.

Взглянувшія было при вопросѣ Сохвы на Мелашку, увидавъ ея сконфуженность, отвернули отъ нея свои глаза.

— Мени за чимъ же йты туды? добавила Мелашка, и не успѣли еще возразить ей, какъ послышался голосъ сидѣвшаго около нихъ дальняго какого-то странника.

— Это что жъ? Кто-нибудь изъ вашихъ обрѣтается въ заключеніи?—пробасилъ онъ. Въ неволѣ вражеской, въ темницѣ? Такихъ подобаетъ посѣтить—продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта.—Въ темницѣ бѣхъ и приидосте ко мнѣ—сказано въ священномъ писаніи. Это сдѣлать—все равно, что Богу сдѣлать. Отказываться нельзя. Когда человѣкъ живетъ въ довольствѣ и богатствѣ, когда для всякаго къ нему приходящаго уготовано пиршество и угощеніе, тогда всякій зайдетъ къ нему, всякій обрящеть себѣ пріятность въ этомъ. А вотъ, ты посѣти сираго, оскорбленнаго, во узѣхъ сущаго, поплачь о его скорби, дай душѣ его пищу духовную, потщися объ утѣшеніи его—вотъ это угодно будетъ Господу, вотъ за это воздастъ тебѣ сторицею... Аминь, глаголю вамъ, понеже сотворите единому отъ сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотворите. Такова заповѣдь Господня—А вы напрасно...

Но въ это время перевозчикъ позвалъ къ лодкѣ, и всѣ поднялись, а съ ними вмѣстѣ и странникъ.

Всѣ молча сидѣли на лодкѣ и, казалось, какъ бы подумывали услышанное отъ странника, на самомъ же дѣлѣ испытывали извѣстнаго рода сконфуженность поучаемыхъ.

Около рыбальскихъ куреней на треногѣ кипѣлъ казанокъ, и странникъ, вѣроятно разсчитывая на рыбную уху, остался на стану, а богомолки потянулись по тропѣ вдоль Дона, то прячась въ прибрежные кусты, то выходя къ самому обрѣзу воды.

Первая заговорила Сохва, когда уже порядочно удалились отъ перевоза.

— А що чулы, дивчата, що винъ наказувавъ? Такъ такы гуртомъ и пійдемо.

Никто не отозвался на это предложеніе, но отсутствіе возраженія означало согласіе компаніи.

Надъ городомъ стояло пыльное облако, сгущающееся въ мѣсту ярмарки и вытягивающееся по дорогамъ; доносился шумъ, рокотъ; берегъ рѣки на всемъ протяженіи кипѣлъ народомъ,

купающимъ, варящимъ кое-гдѣ пищу, поившимъ скотину, ждущимъ переправы....

Когда, наконецъ, богомолки, переправившись черезъ Донъ, поднялись по крутому песчаному спуску въ городъ, то порѣшено было идти сейчасъ же въ тюрьму. Въ этомъ соглашеніи, затѣянномъ Сохвою, приняла участіе всѣ ихъ уличане и, разумѣется, безъ спроса предполагалось и участіе Мелашки. Остальныя богомолки пошли въ какой-то домъ за оставленною ношею.

— Аще отъ що: давайте складемося, та купымо паляницю або кренделивъ—предложила Сохва.

— Та у мене жъ тутъ е паляниця—отозвалась Полька.

— То въ тебе, а то одъ насъ буде—отвѣтила Сохва и первая вынула изъ запряганнаго за пазухой узелка три копѣйки. Кто далъ копѣйку, кто двѣ, и денегъ набралось шестнадцать копѣекъ. Сохва пошла купить паляницю, а дивчата кучкой остановились поодаль отъ тюремныхъ воротъ, съ любопытствомъ разглядывая зданіе тюрьмы съ его большими окнами, въ рѣшеткахъ.

Сохва скоро вернулась съ двумя паляницами. и подъ ея приводомъ всѣ тронулись къ воротамъ.

На ихъ счастье какъ разъ отворилась калитка, вдѣланная въ ворота, и оттуда вышелъ смотритель замка Лошадкинъ.

Бабы не успѣли посторониться и, что называется, столкнулись съ нимъ носомъ къ носу.

— Вы что?—громкимъ фальцетомъ спросилъ смотритель.

— Мы, пане, Ваше Благородіе тутъ своего, человека хотили побачити.

— Какого своего человека? пискнулъ Лошадкинъ въ отвѣтъ сначала было оторопѣвшей, а послѣ оправившейся Сохвѣ.

— Попка, тянула Сохва, но сейчасъ же спохватилась, Хведора Самченкового, зъ Андриівки—объяснила она и поклонилась въ поясъ. За нее и всѣ это продѣлали.

— Пусти! Скажи старшему, чтобы вызвалъ—сказалъ Лошадкинъ стоявшему съ ключами около дверей солдату.

Солдатъ отстранился и пропустилъ всѣхъ шесть душъ въ калитку. Всѣ онѣ крестились, переступая порогъ и сейчасъ же

поприжались одна къ другой около столба съ колоколомъ. Даже смѣлая Сохва какъ-то притихла.

— Проходите,—брякнулъ стѣявшій около колокола часовой, и онѣ, прижимаясь одна къ другой, пошли за пригласившимъ ихъ ключникомъ въ корридоръ тюрьмы, изъ котораго вели двери къ караулу.

Робко озираясь на солдатъ, стояли оторопѣвша посѣтительницы въ корридорѣ, молча, ничего не говоря другъ другу, пока наконецъ не явился къ нимъ блѣдный, взволнованный Хведько.

Онъ вышелъ въ корридоръ, близко подошелъ къ нимъ и не могъ ничего сказать. Онъ еле могъ разобрать хорошо, кто пришелъ къ нему, такъ какъ подошедши опустилъ глаза и не смотрѣлъ ни на кого. Немного оправившаяся Сохва первая нарушила молчаніе:

— Здравствуй, Хведоре!—какъ-то въ полголоса произнесла она и передала бывшую въ рукахъ ея паляницу. Всѣ, кто громче-кто тише сказали тоже—„здравствуй!“

Хведоръ мрачно молчалъ и блѣднѣлъ. Всѣмъ было неловко, не о чемъ было говорить. Польша вдругъ всхлинула. Это было какъ бы сигналомъ,—всѣ женщины заплакали. Хведько вдругъ покраснѣлъ, еще больше насунился, опустилъ голову, но удержался отъ слезъ и только опять еще больше поблѣднѣлъ.

Стоявшій въ сторонѣ солдатъ что-то хотѣлъ сказать, но только встряхнулъ головою и ушелъ въ караулку.

— Годи, буде, наче покойника, провозаты!—буркнулъ Хведько и взялъ за плечи Польшу.

Но долго не унимались разстроганныя посѣтительницы. Мелашка какъ утѣнулась лицомъ въ платокъ, какъ закусила губу, такъ и не всхлинула, но только пошатнулась и должна была прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть,

Не скоро успокоились всѣ, начиная съ Хведька, который еле могъ себя сдерживать и только, то краснѣя, то блѣднѣя, все говорилъ!

— Буде, годи, чого се вы такъ?

Въ этотъ же корридоръ вошли пришедшія на свиданіе двѣ цыганки, и вскорѣ къ нимъ вышелъ старый слѣпой цыганъ.

Присутствіе этихъ лицъ уняло плачь, и Сохва обратилась къ Хведьку съ вопросомъ.

— Чи ще тобі довго тутъ страждать?

— А хто его знае; кажуть довго.

Полька рассказала о болѣзни матери, о томъ, что отъ отца нѣтъ вѣстей, хотя двое изъ Александровскихъ и вернулись уже; что ячень уже скосили—отдали 40 коп. косарю; что на этой недѣлѣ она съ сестрой пойдутъ его вязать и надѣются скосить и жито; что мать приказывала ему поразспросить, не слѣдуетъ ли еще куда-нибудь „списать“ какую-нибудь бумагу; такъ она, какъ только „одужаетъ“, прійдетъ...

Разговорились о слободѣ, передали Хведьку, что книгиня затѣяла поновлять иконостасъ въ церкви; что передъ заговинами на Бемовкѣ былъ большой пожаръ, сгорѣлъ весь порядокъ около казармъ; что Плахотя Максимъ уже на горѣ строить вѣтрякъ; что собирается Микиту своего осенью женить и т. п. и т. п. И еще бы говорили, но явился ключникъ и велѣлъ расходиться.

Полька изъ мѣшка достала было штаны и сорочку, но Хведько отказался взять, говоря, что имъ даютъ казенное.

Стали прощаться, и опять неудержимыя слезы полились изъ глазъ посѣтителей.

Мелашка чего-то было засуетилась, что-то хотѣла будто бы сказать, но окончила тѣмъ, что взяла другую паляницу изъ рукъ Польки, подержала ее и подала Хведьку.

Оглядываясь на Хведька и все-таки прижимаясь одна къ другой, вышли дивчата съ Сохвою во главѣ изъ тюрьмы и отправились въ ярмарочную гущу.

Разламывая вечеромъ одну изъ паляницъ, Хведько нашель воткнутымъ въ нее серебряный двугривенный.

XIX.

Хведько уже попривыкъ въ острогу и его жизни. Утренняя приборка, носка воды, смѣна караула, провѣрка, приходъ и отправка этаповъ, поливка капусты, вывозъ параша— все это шло своимъ чередомъ, втягивая его въ этотъ циклъ обыденныхъ интересовъ тюрьмы съ ихъ разнообразіемъ.

Особенно любилъ онъ, какъ и многіе изъ его соузниковъ, ходить на огородъ для поливки капусты.

Арестантскій огородъ находился въ излучинѣ рѣки Осередья, облитый этою рѣкою, и только въ одномъ мѣстѣ соединившійся перешейкомъ съ материкомъ. За Осередьемъ широко стлался лугъ съ порослью лѣса. Въ эту пору лугъ убирали, и всюду видѣлись косари, гребцы и копны и даже кое-гдѣ сметанные стоги сѣна.

Смотритель Лошадкинъ любилъ тоже бывать на огородѣ, имѣлъ свой бредень, и арестанты охотно ловили мелкую рыбу на уху и раковъ.

Послѣ духоты тюремнаго замка пріятно было дышать свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ огорода; весело было глядѣть на рѣку, лугъ, людей. Двое изъ арестантовъ очень недурно пѣли. Это были хохлы изъ Семеновки и сидѣли въ острогѣ за лѣсную порубку съ сопротивленіемъ и нанесеніемъ побоевъ лѣсной стражѣ. Стройное ихъ пѣніе было какъ-то одобрено женою смотрителя, и съ тѣхъ поръ надзиратели не мѣшали имъ пѣть при поливкѣ.

Слезно, трогательно отзывалась въ душѣ Хведька пѣтая этими арестантами пѣсня.

„Та сама я цвѣтики садила, сама й буду поливать...

„Та сама жъ я дружка полюбила, сама й буду цिलовать...

Не разъ заходящее солнце своими яркими лучами освѣщало томно задумчивую фигуру Хведька среди грядъ капусты, подъ звуки этой или другой пѣсни забывшаго про поливку и находящіяся въ рукахъ ведра. Думы его витали по надъ левадами Андреевки, душа рвалась въ садокъ къ Мелашкѣ, слезы наворачивались на глазахъ и судорожно сжималось что-то въ

глоткѣ... и только покрикѣ надзирателя, торопящаго къ поливкѣ или подшучиванію кого-нибудь изъ товарищей арестантовъ возвращали его изъ міра грезъ къ горькой дѣйствительности.

— Эй ты! Что задумался?—покрикивалъ кто-нибудь, и Хведько, какъ бы встрепенувшись, брался всегда за работу.

Вечеромъ, когда послѣ повѣрки запирались камеры и когда арестанты устраивали картежную игру, къ которой пристрастіе имѣлъ и Шляховой, Хведько забирался на его мѣсто къ окну и прильнувъ къ рѣшеткѣ, предавался грезамъ—думкамъ, прислушиваясь къ загибающимъ звукамъ городской суеты и впиваясь зрѣніемъ въ туманную даль въ сторону Андреевки. Тоска, гнетъ заключенія не разъ доводили его до нервнаго раздраженія, и въ такія минуты онъ готовъ бы, казалось, разломать эти запоры и цѣною какихъ бы то ни было усилий и страданій вырваться отсюда и хоть на мгновеніе очутиться въ садку, подъ грушею, съ ней, которая для него теперь становилась съ каждымъ днемъ цѣннѣе, желаннѣе.

„Тоскуеть“!—говорили про него, какъ про новичка, арестанты, въ меньшей или большей степени всѣ знакомые съ этимъ душевнымъ настроеніемъ.

Но эти душевныя страданія, эти, такъ сказать, сеансы порывовъ и тоски имѣли и воспитывающее вліяніе на Хведька. Онъ развивался морально, сталъ болѣе понимать, хотя и по своему, смыслъ окружающей его жизни, сталъ болѣе сознательно относиться ко всему. Его немного поблѣднѣвшее лицо сдѣлалось болѣе осмысленнымъ, каріе глаза его съ поволокой печали уже не смотрѣли съ тою „бугайковатою“ тупостію, которую мы видимъ у многихъ сельскихъ парубковъ, а твердо упирались во все ими видѣнное. Сразу какъ-то онъ возмужалъ, сдѣлался мужчиною.

Въ отношеніяхъ своихъ съ соузниками онъ былъ ровень, спокоенъ и, благодаря этому, а также благодаря оцѣненной при случаяхъ физической его силѣ, пользовался нѣкоего рода уваженіямъ. Даже Чистяковъ сталъ было въ немъ заискивать. Но тѣмъ не менѣе вліяніе тюрьмы и ея нравственной атмосферы не могло не сказаться и на немъ, что во первыхъ вырази-

лось, какъ это сказано было выше, въ говорѣ, а затѣмъ уже и въ воззрѣніяхъ на все, какъ заключающееся въ тюремныхъ стѣнахъ, такъ и за ними, „на волѣ.“ Не могъ онъ не поддаться вліянію солидныхъ и, по тюремной этикѣ, „хорошихъ“ людей, какими для него были Шляховой и вскорѣ прибывшій въ тюрьму знакомый по земской арестантской Николенко. Онъ, будучи не въ состояніи собственной критикой отвергать и порицать положенія и принципы арестантской морали, постепенно усваивалъ себѣ взгляды этой среды на право собственности, на право насилія и защиты отъ такового, сталъ понимать удалъ въ умѣнніи перехитрить чужую бдительность и бережность.

Какъ это всегда бываетъ, въ острогѣ скоро узнали всю исторію его преступности и поняли, что онъ есть одна изъ жертвъ недоразумѣнія, а также и безсердечность знакомаго имъ судьи. У Хведька же такъ и окрѣпло въ сознаніи понятіе о панахъ, какъ о какой-то неумолимой, жестокой силѣ, которая стоитъ внѣ всякаго взаимопониманія съ нимъ и ему подобными и стихійно давить всякаго мужика.

Вращаясь теперь въ этой атмосферѣ дѣятельности, порицаемой обычно жизненною моралью, въ этомъ мірѣ, состоящемъ большею частію изъ нарушителей правъ чужой собственности—(онъ сидѣлъ въ воровской камерѣ), видя въ этихъ нарушителяхъ самыхъ обыкновенныхъ людей, при томъ болѣе или менѣе достойныхъ, Хведько мимовольно поддавался вліянію этой среды и проникался общей этикой. А эта этика въ основаніи своемъ имѣла два положенія: ловко украсть и еще ловчѣе припрятать украденное. Проще говоря, кражи совершались не всегда изъ-за нужды, а сплошь и рядомъ изъ-за удали, по какому-то особому влеченію и по той психической болѣзни которую называютъ клептоманіей. Воръ изъ-за нужды не воръ, а таковымъ только дѣлается, прошедши курсъ сей науки въ острогѣ. Тамъ онъ путемъ общенія съ заправскими ворами, выслушавъ рассказы о разныхъ похищеніяхъ, впитываетъ въ себя всѣ эти воззрѣнія и узнаетъ вкусъ этой удали, прелесть этой жизни, полной риска, сильныхъ ощущеній и не рѣдко, хотя бы

съ недолговременнымъ матеріальнымъ удовлетвореніемъ, полной прихоти разгула.

Проникаясь всѣмъ этимъ, Хведько однакожь по началу, выслушивая разные рассказы о кражахъ, не могъ не подумать и объ обкрадываемыхъ. Онъ сначала даже относился съ сожалѣніемъ къ нимъ, справедливо громко разъ замѣтивъ, при рассказѣ о кражѣ пары лошадей у проѣзжаго: „Отожь то побидкався, сердега,“ т. е. обокраденный;—крѣпчая въ этой этикѣ тюремныхъ возрѣній, онъ мало по малу сталъ привыкать къ различію между собою, равно какъ и себѣ подобными арестантами, и тѣми людьми, которые находятся за стѣнами тюрьмы, „на волѣ,“ между ничего не имущими и людьми состоятельными. А такъ какъ этимъ послѣднимъ тюрьмою, а особенно жильцами воровской камеры ихъ состоятельность ставилась въ вину и всегда—хотя бы для оправданія себя—приписывалась заgreбистости и умѣнію захватить неправыми путями всѣ блага міра,—то всѣ они, люди состоятельные, живущіе на волѣ, и суть враги всякаго порядочнаго арестанта и кромѣ враждебнаго отношенія къ нимъ ничего не заслуживаютъ.

Это общая всѣмъ тюремнымъ сидѣльцамъ мораль. И Хведько, не имѣя въ себѣ запаса разсудительности и нравственныхъ устоевъ, которые бы дали ему возможность противиться этимъ вѣяніямъ, мимо воли имъ поддавался.

Но разъ однакожь случилось Хведьку рѣзко выказать, что общечеловѣческое чувство жалости къ пострадавшему и общей правды еще не успѣло въ немъ совсѣмъ вывѣтриться подъ мертвящимъ ихъ вѣяніемъ тюрьмы и арестантской философіи.

XX.

А было это такъ.

Этапные дни—(т. е. дни, когда приходитъ или отходить этапъ)—имѣютъ для обитателей острога особое значеніе, которое совершенно аналогично съ значеніемъ прибытія парохода въ захолустный какой-нибудь фортъ или въ одинъ изъ прибреж-

ныхъ портовъ, на Кавказскомъ берегу Чернаго моря, или ежедневнаго базара въ какомъ-нибудь селѣ.

Съ этапомъ прибываютъ новые люди, новыя вѣсти; или отбываютъ свои сидѣльцы, является возможность быть о нужномъ увѣдомленнымъ, а также увѣдомить давно ожидающихъ вѣсти гдѣ-то въ далекой тюрьмѣ. Кой-что купится. кой-что продается.... Для обитателей тюрьмы, лишенныхъ возможности свободнаго, безъ цензуры общенія съ такими же сидѣльцами другихъ тюремъ, между которыми сплошь и рядомъ имѣются знакомцы, друзья, а то и товарищи походовъ, весьма важно имѣть случай черезъ живыхъ вѣстниковъ подать или получить вѣсть. Ко всему этому нужно добавить, что этапные пересыльные почти всегда проносятъ съ собою въ тюрьму водку.

Осенній мокрый дождливый день близился къ концу. Перезвонили уже къ вечернѣ въ соборѣ, куда шагомъ проѣхалъ на своемъ старомъ сѣдомъ конѣ отецъ протоіерей; арестантамъ водоносамъ осталось еще только одинъ разъ сходить по воду на Донъ, послѣ чего сейчасъ же будетъ „провѣрка“, и за тѣмъ сначала корридоры, а послѣ и камеры запрутъ... А ожидаемаго въ тотъ день этапа все нѣтъ еще. Въ окнахъ верхняго этажа тюрьмы то и дѣло показываются зорко вглядывающіяся въ даль головы нетерпѣливо ожидающихъ этапа арестантовъ. Но не переставшій дождь и какая-то тѣнь отъ низко нависшихъ тучъ не позволяютъ ничего разсмотрѣть вдали.

— Вонъ! тянутъ наконецъ!—громко воскликнулъ одинъ изъ такихъ выгладателей, и сидѣльцы тюрьмы зашевелились. Съ этимъ этапомъ, какъ вообще въ осеннее время, ожидалось прибытіе многихъ направляющихся съ юга къ центру Россіи. Но по мѣрѣ приближенія этапа черезъ базарную площадь къ зданію тюрьмы не отрывающіеся отъ рѣшетокъ оконъ третьяго этажа все больше и больше разочаровывались: между нѣсколькими конвойными солдатами двигалась какая-то маленькая фигурка, прикрытая по верхъ головы не то какою-то одежею, не то рядномъ. На возу сзади виднѣлась лишь прикрытая разнымъ тряпьемъ блестящая мокротою куча.

Столпившимся на крыльцѣ тюремнаго дома арестантамъ вскорѣ въ воротахъ предстала такая группа.

За бойкимъ солдатомъ конвойной команды, съ кожанной для бумагъ сумкой черезъ плечо, шла, шлепая мокрыми въ грязи башмаками, молодая еврейка съ двумя дѣтьми—однимъ на рукахъ и другимъ около, а за ними подъ громоздкою ношею намокшаго какого-то тряпья, между коимъ еле можно было различить какія-то одежды, одѣяла и подушки, совсѣмъ согнувшись, тащился изможденный еврей. На нихъ, что называется, нитки сухой не было.

Въ толпѣ арестантовъ послышалось насмѣшливое „ай вай миръ“ и чей-то смѣхъ, но сейчасъ же все смолкло, отъ вызваннаго ли видомъ этихъ несчастныхъ евреевъ, чувства жалости, или потому, что вышедшій изъ своей квартиры и направляющійся за этапными въ контору тюрьмы смотритель Лошадкинъ своимъ высокимъ фальцетомъ закричалъ: пошли! Вонъ по камерамъ!

Арестанты подались внутрь зданія, но пропустивъ въ контору Лошадкина и евреевъ съ конвойнымъ, опять столпились на лѣсницѣ и у дверей конторки.

Процедура приѣмки этапныхъ продолжалась не долго: принята препроводительная бумага, статейные (формулярные) списки, сдѣланъ обычный обыскъ, и за тѣмъ вслѣдъ за отступающими по корридорамъ арестантами надзиратель повелъ еврейку съ дѣтьми въ женскую камеру, а еврея сдать въ пересылочную. Но не успѣлъ еще надзиратель возвратиться изъ женской камеры, какъ въ пересылочной раздался вопль, вызвавшій туда же стражу и всѣхъ этого корридора арестантовъ. Кричалъ, терзая себя за пейсы и ударяя въ грудь кулакомъ, несчастный новоприбывшій еврей.

— Моя подуска, моя подуска! Ай вей миръ! Моя подуска!—повторялъ онъ, плача.

Не успѣвшій еще уйти изъ конторы смотритель, тоже появился въ этомъ корридорѣ, и его присутствіе уняло начавшійся было ропотъ арестантовъ.

— Ишь чертовъ жидъ, какую бучу сбиль изъ-за подушки!—отозвался кто-то.

— Да она то подушка, подушкѣ розы!..—отвѣтилъ другой.

Еврей кинулся къ смотрителю и съ тѣмъ же воплемъ сталъ умолять его найти подушку. Лошадкинъ велѣлъ кликнуть конвой и на арестантовъ закричалъ, чтобы шли всѣ по камерамъ, гдѣ ихъ сейчасъ и заперли.

Вслѣдъ за тѣмъ было приступлено къ обыску, начиная съ воровской камеры. У дверей со смотрителемъ и конвоемъ стоялъ и еврей, весь согбенный, хнычущій.

— Вы!—своимъ пискливымъ голосомъ командовалъ смотритель. Сами черти ищите; а то вѣдь я, знаете, какъ поищу!

Угроза эта имѣла такой смыслъ, что сами арестанты станутъ искать только подушки, а если обыскъ начнетъ самъ Лошадкинъ, то можетъ быть отыскано многое, чего арестантамъ держать при себѣ не полагается, табакъ, карты, деньги, водка и т. п. Какъ арестанты, такъ и Лошадкинъ отлично понимали другъ друга и потому обыскъ стали производить сами арестанты. Сперва осмотрѣли нѣсколько изголовьевъ, только для виду, такъ какъ сейчасъ же перешли въ противоположную нарамъ сторону, гдѣ въ углу стояло нѣсколько ряжекъ, и сейчасъ же нашли подушку, вложенную въ двѣ взаимноприкрывающіяся ряжки.

Еврей кинулся къ подушкѣ, схватилъ ее, но когда она оказалась распоротою, и когда онъ, разметывая перья и пухъ, ощущалъ нутро, то завопилъ ужаснымъ голосомъ. Всѣ смекнули, что не подушку такъ настойчиво искалъ онъ, а то, что въ ней было спрятано и чего уже не оказалось.

Вопль еврея поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ своею внезапностію и рѣзко выразившимся отчаяніемъ. Но это былъ всего только однозвучный крикъ, вмѣстѣ съ которымъ несчастный еврей, выронивъ изъ рукъ подушку, разорвалъ обѣими руками воротъ рубахи и, опустившись на полъ, безпомощно откинулся къ стѣнѣ и съ какимъ-то оупѣвшимъ, стекляннымъ взглядомъ, съ постепенно закрывающимися опадающими вѣками, впалъ въ обморокъ.

Лошадкинъ, сначала пораженный этимъ воплемъ, отскочилъ было отъ еврея, но послѣ, опомнившись, закричалъ, обращаясь къ арестантамъ:

— Черти! Это что?! Миѣ за васъ отвѣчать?! Что стали дьяволы!!

Нѣсколько человѣкъ кинулись къ безчувственному еврею, стали его тормошить, кто-то догадался взбрызнуть водой и, наконецъ, привели его въ чувство. Всѣ эти ухаживанія сопровождались въ своемъ родѣ ласкательными „ну жидочекъ! ишь чортова душа! какъ жидокъ на расправу! Нужно было затѣваться...“ и т. п.

— Смотрите же у меня, погрозился смотритель тѣмъ же своимъ фальцетомъ и, добавивъ обращаясь къ надзирателю со словами: Прийдешь, доложишь!—вышелъ изъ камеры.

Приведенный въ чувство еврей однакожь не подымался съ полу, плакалъ и жалобнымъ тономъ рассказывалъ, что у него въ подушкѣ были спрятаны тридцать два рубля, все его состояніе, съ каковымъ ему съ женою и двумя дѣтьми предстоитъ еще далекій путь въ Ковенскую губернію.

—Что жъ ребята! отдайте деньги! Это твоя дѣль, Романецъ?— обратился надзиратель сначала ко всѣмъ, а послѣ къ низенькому тщедушному арестанту, къ которому при этихъ словахъ и всѣ обратились. Романецъ какъ-то замялся, но скоро оправился и на слова Шляхового: „Што жъ? Треба отдать! За чимъ своего брата, невольныка, зобижать!“—онъ вдругъ разразился руганью и полѣзъ на нары.

— Зобижать! передразнилъ онъ Шляхового.—Сами, проклятые варьяки, украли, да еще на меня повлепъ ведутъ!—Романецъ, хохоль по рожденію, совершенно обрусѣлъ, маючись уже нѣсколько лѣтъ по тюрмамъ. Ворчалъ онъ, прикрашивая каждое слово руганью.

Но у всѣхъ жильцовъ воровской камеры отрицаніемъ и руганью этою ничуть не поколебалась твердость убѣжденія въ томъ, что деньги уворованы не кѣмъ другимъ, какъ только Романцемъ. Хведько же, видѣвшій, какъ Романецъ, вбѣжавшій передъ тѣмъ въ камеру, зачѣмъ-то переставлялъ наваленныя въ углу ряжки, гдѣ нашлась подушка, не сомнѣвался въ опредѣленіи похитителя денегъ, но не смотря на ощущаемую имъ жа-

лость къ еврею, онъ, уже понаторѣвшій въ обычаяхъ и обиходѣ тюрмы, молчалъ и не высказывалъ своего убѣжденія.

Дѣло выходило щекотливое. Глубокаго убѣжденія въ томъ, что украденныя у жида деньги нужно отдать, никто не имѣлъ, кромѣ Хведька, которому по просту было жаль обокраденнаго. Онъ сознавалъ, наконецъ, что еврею деньги гораздо нужнѣе, чѣмъ Романцу, который ихъ пропъетъ и проюрдонитъ въ карты или, въ крайнемъ случаѣ, ихъ отдастъ кому нибудь изъ ему подобной братіи. Съ другой стороны, нужно было удовлетворить пригрозившаго зрителя, требующаго такого или иного, но во всякомъ случаѣ мирнаго прекращенія этой исторіи. Сидѣльцы тюрмы, опытные старые, не стовариваясь, а въ силу артельной арестантской снаровки сразу порѣшили пойти на компромисъ: они послѣ отрицающей кражу ругани Романца, изъ чего поняли, что если онъ и укралъ деньги, (а въ этомъ почти что были всѣ убѣждены),—то во всякомъ случаѣ не легко будетъ у него ихъ отобрать, стали совѣтовать еврею пообѣщать часть денегъ „нашедшему“, но когда и на это еврей не изъявилъ согласія, а Романецъ новымъ, по видимому ничѣмъ не вызываемымъ усиленіемъ ругани всѣхъ предлагающихъ этотъ компромисъ—онъ понялъ, что и его поняли,—окончательно убѣдилъ всѣхъ, до надзирателя включительно, что деньги украдены имъ, то артель порѣшила предоставить его ему самому и даже, въ случаѣ надобности, во искупленіе всѣхъ отъ гнѣва зрителя, выдать его головою. При томъ же можно было надѣяться, что за ночь изъ камеры денегъ онъ никуда не дѣнетъ и, можетъ быть, одумается.

— Чтожъ, доложи, Мефодъ Тарасъичъ, (такъ звали надзирателя) ихъ высокоблагородію, что сейчасъ не нашли, а къ утру, можетъ, и найдутся—сказали надзирателю, который и самъ по навыку понялъ, что сейчасъ дѣло не устроится, и потому повелъ плачущаго еврея въ пересыльную камеру.

Хведько нѣсколько разъ порывался было вмѣшаться въ это дѣло, обличить Романца, но не сдѣлалъ этого. Ему такъ и хотѣлось схватить этого обидчика несчастнаго еврея, этого ругающаго ослушника, какъ это Хведько понялъ, общаго мнѣ-

нія всей камеры и выжать изъ него эти горкіе тридцать два рубля; но онъ помимо воли подчинился чувству общей сдержанности и, проникаясь надеждою на то, что похитителя за ночь уговорять и все уладится, молчалъ.

Но какъ только на корридорѣ затихли шаги удалившихся надзирателя и еврея, и Шляховой сталъ зажигать въ своемъ углу сальную свѣчу, какъ переставшій ругаться Романецъ вдругъ слѣзъ съ наръ и направился къ дверямъ камеры.

Всѣмъ стало понятно, что онъ идетъ припрятать украденныя деньги и такимъ образомъ уменьшить шансы на мирное окончаніе этого дѣла. Хведько это тоже понялъ и, какъ только Николенко громко сказалъ: „Эй ты куда жъ это молодець?“—онъ сталъ поближе къ дверямъ, молча заступилъ дорогу Романцу и протянулъ къ нему руку, чтобы его задержать. Но Романецъ, сразу освирѣпѣвшій, ругнулъ Хведька и замахнулся откуда-то взятымъ ножомъ.

Этого было достаточно, чтобы долго сдерживаемое раздраженіе Хведька прорвалось.

Какъ какой-нибудь узелъ тряпья, полетѣлъ отъ здоровенной оплеухи выронившій ножъ Романецъ и вслѣдъ за тѣмъ опять попалъ въ руки блѣднаго, съ грозными выкатившимися глазами Хведька, не бившаго даже, а какъ-то рвавшаго и давившаго свою жертву. Всѣ кинулись разнимать драку или, лучше сказать, отнимать Романца, но послѣ того, какъ первые митигаторы поотлетали въ сторону отъ тычковъ Хведька, всѣ поняли, что тутъ силою ничего не подѣлаешь, и гуртомъ стали уговаривать его. Но онъ не переставалъ терзать Романца, отъ боли и испуга даже не подающаго и голоса, и повторялъ: „отдай гроши! Я съ тебе ихъ выдавлю!“

Шляховой, не безъ злорадства смотрѣвшій на начало потасовки, счелъ необходимымъ унять Хведька, когда Романецъ, сдавленный рукою за горло, уже посинѣлъ и высунулъ языкъ.

— Що то робышь, нависный?—закричалъ онъ, подходя поближе къ нему.—Отпусти горло, такъ винъ скаже, де гроши! Осатанивъ! Право!

Хведько разжалъ руки, и Шляховой успѣлъ отхватить отъ него Романца, который сквозь кашель и хрипоту съумѣлъ проговорить:

— Въ котлахъ!—и повалился на нары, весь истерзанный, оборванный, съ окравленнымъ лицомъ и въ царапинахъ по тѣлу, свѣтящемуся сквозь порванное бѣлье.

Кто-то кинулся къ слетѣвшему съ ноги Романца и валяющемуся на полу его башмаку и въ немъ подъ стелькой открылъ завернутые въ какую-то тряпку, съ пухомъ на ней, тридцать два рубля.

Находка эта отвлекла вниманіе всѣхъ отъ Хведька, который въ какомъ-то оупѣннѣи, съ опущенными руками и головою, стоялъ на томъ же мѣстѣ гдѣ Шляховой отнял отъ него полу-живого Романца.

Кто-то побѣждалъ по корридору доложить о находкѣ надзирателю, а Шляховой, сообразивъ, что Романца и Хведька на эту ночь оставлять въ одной камерѣ опасно, пошепталъ объ этомъ Ниволенку, и затѣмъ уже черезъ того же надзирателя дѣло дошло до смотрителя, который, предполагая, что Романца, вѣроятно, всѣ гуртомъ немного пощупали, распорядился взять его въ особую камеру.

Но на другой день дѣло оказалось хуже: у Романца оказались переломанными ключица и одно ребро, такъ что его пришлось отослать въ больницу.

Исторія эта могла бы окончится плохо для самого Хведька, если не въ смыслѣ отвѣтственности за нанесеніе побоевъ Романцу, про что никто изъ свидѣтелей, а равно и самъ побитый въ силу тюремной этики не заикнулся, то по мстительности самого потерпѣвшаго, способнаго отомстить ему ножемъ. Но случилось такъ, что Романца потребовали въ Ростовъ, куда онъ и отправился въ день выхода изъ больницы.

Но самый фактъ проявленія необычайной силы и употребленіе оной при осуществленіи своего желанія, что было сдѣлано Хведькомъ въ этомъ дѣлѣ отысканія украденныхъ денегъ, упро-

чиль за нимъ уваженіе всѣхъ союзниковъ и даже стражи, которой все на другой день стало извѣстно.

Это уваженіе имѣло своимъ послѣдствіемъ и то, что Хведько сразу сталъ въ самостоятельное положеніе и избѣжалъ положенія новичка, большею частію уподляемаго тюремномъ режимомъ.

В. Познанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія-картинки изъ временъ польскаго возстанія 1863 года.

Г Л А В А I.

Маленькій уѣздный городокъ Тараща былъ 30 лѣтъ назадъ еще глуше и тише, чѣмъ теперь. Окруженный отчасти чернымъ лѣсомъ, отчасти сосновымъ боромъ, онъ представлялъ красивую, здоровую мѣстность, но городомъ онъ могъ лишь только потому называться, что въ немъ былъ уѣздный судъ, жила уѣздная администрація, были лавки на базарной площади, гдѣ торговали исключительно евреи, да была неизбѣжная въ подобныхъ городахъ „дворянская улица“ съ домами, а не хатами, по которой въ лѣтніе вечера прогуливалась городская знать, т. е. чиновничество. По базарной площади и даже по пресловутой главной дворянской улицѣ важно гуляли обывательскія коровы, свиньи, но главнымъ образомъ любимцы изъ животныхъ народа израильскаго, козы и бородатые козлы, на которыхъ часто съ наслажденіемъ гарцовали малолѣтніе отпрыски мужского пола мѣстныхъ чиновниковъ.—Лѣсъ былъ отъ города близко, хоть рукой, кажись, подать, но добраться до него было трудно, такъ какъ никакъ не могли собраться построить плотину. Черезъ прудъ же, по кладкамъ, ходить было неудобно, а объѣзжать довольно далеко, а потому жители городка чаще довольствовались лишь созерцаніемъ своего красавца лѣса. Въ самомъ городкѣ обыватели все были больше гоголевскаго типа, исключая молодыхъ чиновниковъ изъ университетскихъ, которые, впрочемъ, служили тамъ не долго, а старались, какъ можно скорѣе, выбраться изъ этого милаго захолустья, гдѣ совѣ, каргы и сплетни погло-

щали весь досугъ чиновника.—Отъ Кіева нашъ городокъ отстоять на цѣлыхъ 130 верстѣ, что означало двое сутокъ ѣзды; о желѣзной же дорогѣ тогда только начали поговаривать. Кругомъ, въ имѣніяхъ, жили вельможные паны поляки, тогда еще гордые и смотрящіе съ презрѣніемъ на каждаго, кто не былъ полякомъ, или по крайней мѣрѣ не прикидывался имъ и не говорилъ по-польски, а говорилъ только на своемъ „бараньемъ еязыку.“ Паны подъ звуки собственныхъ оркестровъ задавали банкеты, большія охоты, ѣздили на контракты въ Кіевъ, куда возили всю кухню, поваровъ и боченками излюбленный бигосъ. Въ уѣздный городъ они тоже пріѣзжали изрѣдка по дѣламъ до „пана маршалка,“ или за мелкими покупками, или же въ праздникъ въ каплицу. Тогда на улицахъ городка, а главнымъ образомъ у каплицы появлялись роскошные экипажи, запряженные шестериками и четверками цугомъ, раздавался трескъ бичей и стукъ отворяемыхъ дверейъ козачками, въ высокихъ шапкахъ съ цвѣтными верхами и широкихъ шароварахъ съ красными лампасами. Въ экипажахъ сидѣли хорошенькія пани и паненки. Иногда эти экипажи подкатывали къ плохенькимъ лавкамъ, завѣшаннымъ до половины красной матеріей, что означало, что здѣсь продаются мануфактурные товары, и „шенкныя“ пани и паненки выбирали гостинцы для своихъ Марысь и Ганекъ. Пани разговаривали между собой по-французски, а еврей-продавцы калѣчили польскую рѣчь, чтобы угодить покупателямъ. „Чего мувишь по-москеску, кеды я у цебѣ въ слепѣ?“ приходилось часто слышать, когда прикащики осмѣливались въ ихъ присутствіи, въ особенности старухъ полекъ, заговорить по-русски съ русскими покупателями.—Гордость пановъ доходила до того, что одинъ изъ нихъ, еще молодой человекъ, богатый помѣщикъ, который, впрочемъ, пользовался общей нелюбовью и среди своихъ и носилъ названіе безуха (говорили, что у него нѣтъ ушей), обращался къ каждому въ третьемъ лицѣ со словомъ „фигура“: „нехъ фигура сада“—обращался онъ къ говорящимъ съ нимъ, безъ разбора возраста и положенія, занимаемаго человекомъ; для него всѣ были ниже его. И гнулось, и кланялось, и унижалось все мелкое чиновни-

чество, все, что могло ожидать чего-нибудь отъ широко живущихъ ясновельможныхъ пановъ. Но пало крѣпостное право, прокатилось свѣжей волной новое вѣяніе реформъ, и закинула новая жизнь на Руси, съ рѣдкимъ подъемомъ духа, съ большимъ проявленіемъ желанія „положить душу за други своя“ и послужить на пользу меньшаго брата-крестьянина. Съ одной стороны люди средняго возраста, тогдашняя соль земли, отдались служенію по выборамъ въ качествѣ мировыхъ посредниковъ, вообще занялись вопросомъ, какъ бы лучше развить въ подробностяхъ и ввести въ жизнь великое дѣло освобожденія и послѣдовавшихъ за тѣмъ реформъ. Молодежь же стала заниматься собраніемъ поговорокъ, сказокъ и пѣсенъ народныхъ, всего того, что такъ или иначе характеризировало интересующій всѣхъ теперь народъ. Впрочемъ, послѣднее движеніе началось далеко раньше шестидесятихъ годовъ. И вотъ среди этой кипучей дѣятельности стало замѣтно движеніе среди поляковъ, какъ ясновельможныхъ пановъ, живущихъ по помѣстіямъ, такъ и среди учащейся молодежи, которая въ то время составляла половину или даже и двѣ трети континента всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ. Чаше стали паны стѣзжаться на вечера другъ къ другу, въ обществѣ аристократіи-магнатовъ стали появляться официальные посессора; къ нимъ теперь снисходили, ихъ ласкали даже, они, повидимому, были нужны. Среди студентовъ и даже гимназистовъ поляковъ шли также сходки, бурныя пренія. На балахъ магнатовъ пани патриотки, сидя на приготовленныхъ для нихъ тронахъ, старались разными рѣчами, исходящими изъ прекрасныхъ устъ, развить и укрѣпить духъ возстанія за освобожденіе Польши; онѣ же изыскивали источники для добыванія необходимыхъ средствъ, принося, конечно, посильныя пожертванія. Тутъ же составлялись списки вступающихъ въ ряды повстанцевъ, покупалось и пряталось по погребамъ и ямамъ оружіе, закупались лошади, и ихъ объѣзжали, въ манежахъ, солержимыхъ полявами, или же на конюшняхъ магнатовъ. Въ стѣнахъ университетовъ составлялись полки и даже заранѣе молодежь называла другъ друга, со свойственной полякамъ любовью къ титуламъ и внѣш-

нимъ отличіямъ, „пане капитане,“ „пане поручику,“ и т. д. Тщетно болѣе благоразумные изъ студентовъ, слышавшіе и видѣвшіе все это, требовали на сходкахъ слова и доказывали осязательно все безуміе этой кровавой затѣи, съ тысячами жертвъ въ результатъ и съ ухудшеніемъ положенія поляковъ. „Пречь, биць его!“—раздавалось въ отвѣтъ на охлаждающія рѣчи, и бѣднымъ ораторамъ приходилось искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ началѣ лѣта 1863 года раздался общій призывъ „до лясу“, и началось открытое возстаніе. Въ костелахъ ксендзы въ своихъ проповѣдяхъ старались, на сколько возможно было, поддерживать духъ мятежа въ мужской половинѣ своей паствы и вліять на мужчинъ черезъ женщинъ, которыя въ Польшѣ всегда отличались патріотизмомъ и желаніемъ пожертвовать личнымъ благомъ и спокойствіемъ для блага родины.

ГЛАВА II.

Вскорѣ забили тревогу, и всколыхнулись тихіе, далекіе отъ всякой политики обыватели городка Таращи. Помимо того, что они были связаны съ внѣшнимъ міромъ, кто сыномъ студентомъ, кто братомъ,—они вѣрили распускавшимся поляками слухамъ будто-бы войска инсургентовъ были близко, и каждую минуту можно было бояться взятія совершенно беззащитнаго городка инсургентами. Хуже всего себя чувствовали мѣстные чиновники, да всѣ тѣ, что могли быть у народа извѣстны подъ названіемъ пановъ. Озлобленіе крестьянъ малороссовъ противъ поляковъ помѣщиковъ, жестокихъ притѣснителей, дошло до высочайшей точки, а въ такія минуты, какъ данная, народъ при малѣйшемъ поводѣ не сталъ бы разбирать, и досталось-бы всѣмъ, кто по образу жизни и костюму былъ панъ. Особенно угрожающе выглядѣли городскіе мѣщане: вооруженные косами, топорами, вилами, они толпами ходили по улицамъ, побросавъ всѣ свои работы, прислушиваясь къ разговорамъ, грозя убивать каждаго, кто имъ покажется подозрительнымъ, т. е. похожимъ на мятежника. Въ городѣ была паника: во всѣхъ домахъ

вещи всѣ были уложены, лошади стояли въ упряжи, вездѣ раздавались плачь, причитанія и боязливый шопоть. Жена мѣстнаго пристава велѣла на скоро выкопать глубокую яму и помѣстилась тамъ со всѣми чадами, а также съ имѣющимся имуществомъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ занятій не было, и кромѣ полиціи, которая была занята больше, чѣмъ въ другое время, всѣ чиновники слонялись по улицамъ, съ недоумѣніемъ и испугомъ посматривая другъ на друга, ожидая чего-то страшнаго, какъ отъ наступающихъ инсургентовъ, такъ и отъ свирѣпо поглядывающихъ и по своему вооруженныхъ мѣщанъ. По городу, къ увеличенію паники, были раскиданы подметныя письма, обѣщающія рядъ пожаровъ вслѣдствіе поджоговъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ изъ этихъ дней ожиданія ужасовъ раздался звукъ набата и звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, предвѣщающій близость наступающихъ повстанцевъ. Все населеніе съ трепетомъ и страхомъ стало смотрѣть въ даль, гдѣ показалось облачко пыли. Облачко все росло и росло, и, наконецъ, ясно обозначилась толпа людей, двигающихся по направленію къ городку. „Повстанцы, ляхи!“—раздалось кругомъ. Да, это были ляхи, повстанцы, но это не были побѣдныя войска поляковъ, идущія взять городокъ, а это были плѣнные, почти безъ боя взятые русскими войсками, заставшими ихъ раскиданными по лѣсамъ и даже не успѣвшими соединиться, потому что..... среди этихъ отрядовъ были назначены начальники, ихъ уже титуловали, было высокое мнѣніе о будущихъ геройскихъ подвигахъ, но не было ни порядка, ни дисциплины, ни военной подготовки. Толпа приблизилась, и теперь можно было разглядѣть этихъ страшныхъ повстанцевъ, этихъ храбрыхъ защитниковъ отчизны. Это были большею частью безусые юноши, гимназисты и студенты, промѣнявшіе свои мундиры на венгерки, не имѣвшіе понятія не только о войнѣ, да еще партизанской, но не имѣвшіе даже понятія о суровой жизни солдата и въ мирное время. Не у одного изъ невольныхъ зрителей обливалось сердце кровью при видѣ этихъ несчастныхъ юношей и дѣтей-жертвъ, погибающихъ безслѣдно, вырывалось невольное проклятiе по адресу тѣхъ, кто, будучи опытиѣе, послалъ ихъ

жертвовать собой за проигранное дѣло возстанія. Да и было ихъ немного, хотя убитыхъ совсѣмъ небыло. Ихъ хватали почти безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Ихъ всѣхъ изъ ближайшихъ лѣсовъ, мѣста стычекъ, приводили сюда въ городокъ для заключенія въ тюрьму; толпу же составляли горожане зрители, встрѣтившіе ихъ далеко за городомъ. Провожавшая ихъ толпа, все мѣщане и крестьяне, бранилась, смѣялась надъ ними, бросала камнями и грязью. И благо, если въ этихъ молодыхъ, способныхъ на самопожертвованіе сердцахъ оставалась хоть какая-нибудь вѣра въ дѣло, за которое они платили всей своей молодой жизнью.

Что было для нихъ наказаніе, ожидающее ихъ, въ сравненіи съ мыслью, что они были игрушкой въ рукахъ другихъ, что все возстаніе лишь *пуфъ*, но, къ несчастью, *красивый пуфъ!* Скоро наполнились плѣнными тюрьмы и больницы. Поляки разослали свою „Золотую грамоту“, въ которой зывали о помощи у мѣстнаго малороссійскаго народа, обѣщая взамѣнъ золотыя горы. Но какъ наивны были эти воззванія! Неужели населеніе могло забыть такъ скоро обращеніе, польскихъ пановъ со своими крѣпостными? Хотя жестокіе помѣщики встрѣчались и въ коренной Руси, но тамъ была общность религіи, здѣсь же ничто не связывало, а все возстановляло, и потому ясно, что народъ смотрѣлъ на время мятежа, какъ на минуту отмщенія, и нередко по его указанію пана, какъ мятежника, брали подъ стражу, сажали въ тюрьму. И крестьяне пользовались этими правами съ большимъ усердіемъ. Такъ, однажды къ крыльцу мѣстнаго врача въ Таращѣ подкатываетъ собственный экипажъ управляющаго имѣніемъ одного богатаго помѣщика, къ тому же русскаго; управляющій же, правда, полякъ. Въ домѣ замѣтили подъѣхавшій экипажъ, но не обратили особеннаго вниманія на то, кто сидитъ въ экипажѣ, а ждали звонка. Но вмѣсто звонка на кухню входитъ дюжій мужикъ и объявляетъ женѣ доктора, занятой по хозяйству, что пріѣхалъ панъ X. „Такъ скажи, что просятъ пожаловать въ домъ“—говоритъ докторша. „Ни, имъ не можно; вони арештовани, а вы выйдите до нихъ, вони хочуть зъ вами говорить“. Удивленная жена доктора поспѣшила за ворота и съ

недоумѣніемъ увидѣла въ экипажѣ пана Х. подъ строгимъ надзоромъ мужиковъ: двое сидѣли на передней скамейкѣ, одинъ рядомъ съ паномъ, а одинъ на козлахъ съ кучеромъ. „Что со мной будетъ?“—спрашиваетъ испуганный Х., отъ страха трясая головой, что у него и осталось потомъ на всю жизнь,—„я за собой не чувствую никакой вины; меня же мужики схватили и потащили въ городъ“. Вслѣдствіе болѣзненного состоянія, происшедшаго отъ испуга, пана, вмѣсто тюрьмы, взяли, все же какъ арестанта, въ больницу, гдѣ онъ просидѣлъ довольно продолжительное время. Семья измучилась въ неизвѣстности о дальнѣйшей судьбѣ его, а затѣмъ оказалось, что онъ ни къ чему не былъ причастенъ. Были со стороны крестьянъ и недоразумѣнія: Такъ, въ одномъ сахарномъ заводѣ служилъ англичанинъ Д., говорившій, впрочемъ, по необходимости на ломанномъ польскомъ языкѣ; его то крестьяне схватили. Понятно, что англичанинъ не оставилъ этого дѣла такъ, а пожаловался своему консулу.

ГЛАВА III.

Въ одинъ тихій лѣтній вечеръ шель по лѣсу небольшой отрядъ вооруженныхъ людей, подвигавшихся осторожно впередъ по направленію виднѣющейся вдаль на опушкѣ лѣса хатки лѣсника. Это былъ отрядъ инсургентовъ, спѣшившихъ соединиться съ остальными польскими отрядами. „Знаете что, панове! не дурно было-бы намъ отдохнуть послѣ нашего тяжелаго маршрута, да и поѣсть не мѣшало бы, а я бы, кстати, занесъ кой-что въ дневникъ, а то за этой проклятой погоней за нашими мнѣ давно ничего не приходилось записывать; все равно раньше завтрашняго дня мы съ нашими не соединимся, да и то дай Богъ; вѣдь мы навѣрное не знаемъ, такъ-ли мы идемъ“.—Съ удовольствіемъ!—подхватили всѣ предложеніе доводцы, а за тѣмъ нѣкоторые замѣтили близость хаты и предложили зайти попросить чего-нибудь поѣсть, быть можетъ, молока, яицъ или сметаны. Раздалось нѣсколько голосовъ противъ, которые доказывали, что такимъ образомъ можно попасть въ бѣду, но голосовъ этихъ было немного, и скоро большинству удалось убѣдить этихъ

немногихъ, что имъ бояться нечего, городъ былъ далеко, а хлопамъ они дадутъ Золотую грамоту и заплатятъ за угощеніе золотыми дукатами. Отрядъ состоялъ изъ богатыхъ паничиковъ. Вскорѣ поляки достигли хаты лѣсника. На порогѣ ихъ встрѣтила старуха и на ихъ привѣтствіе отвѣчала низкими поклонами. Она объявила имъ, что она осталась одна дома, сынъ же съ невѣсткой ушелъ въ ближайшее село. На просьбу дать поѣсть чего-нибудь баба предложила кислаго молока и сметаны. Принесла она кынку молока, миску сметаны и стала суетиться, вытирая столъ, кладя рупники и приготавливая все для вечера. „Ой лышенько-жъ мое“!—воскликнула она вдругъ, всплеснувъ руками, „а я жъ и забула, що ложоць у мене не стане. Выбачайте, голубчики мои панычи“ ,прибавила она, низко кланаясь, „почекайте трошечкы, а я побіжу, та достану вамъ ложоць, тутъ не далеко, у сусида; я не забарюсь“. Съ этими словами баба, накинувъ платокъ, исчезла изъ хаты и пробѣжала мимо оконъ. Повстанцы расположились въ хатѣ, сбросивъ оружіе. Кто прилегъ на лавкѣ и дремалъ, кто читалъ книгу, а молодой доудца, вынувъ элегантную походную чернильницу и записную книжку, скорѣе альбомъ съ изящными инициалами на кожаномъ тисненномъ переплетѣ, сталъ записывать впечатлѣнія послѣднихъ дней. Тутъ были описанія живописныхъ мѣстъ, по которымъ они проходили, были элегическія воспоминанія, посвященныя тѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыя они покинули, идя на кровавый бой, но не было ни одной строчки, которая бы показывала, что ее писалъ человѣкъ, выбранный вести цѣлый военный отрядъ, каждую минуту могущій ожидать необходимости сражаться съ непріателемъ и выступить въ качествѣ распорядителя въ горячей схваткѣ. Минуты тянулись, а баба все не возвращалась. Ужъ запись въ дневникѣ была кончена, сумерки замѣтно сгущались, а бабы все нѣтъ, да нѣтъ. Поляки встревожились; у нихъ явилось подозрѣніе, но уйти, спастись имъ ужъ не удалось: дверь растворилась, и вслѣдъ за бабой вошли мужики и сельскія власти и съ словами „отъ, голубчики, мы васъ и спіймалы“, принялись вязать огорошенныхъ неожиданностью поляковъ. Борьба была не долгая: мужиковъ было

вдвое больше, и вмѣгъ повстанцы были обезоружены и связаны. Ихъ тотчасъ же рѣшили, еще въ ночь, вести въ городъ. Партію пойманныхъ инсургентовъ пришлось вести черезъ село. Часть еще былъ не поздній, и изо всѣхъ избъ повыскачили смотрѣть на связанныхъ ляховъ. Въ толпѣ слышались проклятія, брань по адресу ведомыхъ. Одному изъ нихъ захотѣлось пить, но не смотря на просьбы, ни одинъ человѣкъ изъ окружающихъ ихъ не захотѣлъ дать глотка воды ненавистному ляху. Ночь спустилась на землю, когда инсургентовъ вели черезъ лѣсъ, и вмѣстѣ съ темнотою ночи пробудились въ душахъ темныхъ людей крестьянъ, ведущихъ повстанцевъ, злые инстинкты злобной мести и жестокости. На просьбы отпустить, на обѣщаніе всего хорошаго въ будущемъ, согласно „Золотой грамотѣ“, крестьяне отвѣчали бранью, издѣвательствами и побоями.

ГЛАВА IV.

Во многихъ семействахъ въ городѣ, и не только въ польскихъ, предавались тревогѣ: всѣ боялись за свою учащуюся молодежь. Особенно беспокоились въ семействѣ мѣстнаго врача, не поляка, у котораго всѣ четыре сына въ то время были въ университетѣ. И тревога оказалась не напрасной: вскорѣ по городу пронесся слухъ, что самый младшій изъ сыновей, студентъ младшихъ курсовъ, арестованъ, но подробностей никто не зналъ. Слухъ подтвердился извѣстіемъ изъ Кіева, но опять же ни причины ареста, ни степени виновности, ничего не было извѣстно, что повергло стариковъ родителей еще въ большее отчаяніе. Но каковы-же были удивленіе и радость всей семьи, когда, спустя двѣ, три недѣли послѣ того, какъ ихъ сынъ, какъ говорили, былъ арестованъ, онъ вдругъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову, появился собственной персоной, живъ и невредимъ, среди своихъ домашнихъ. Послѣ первыхъ радостей встрѣчи, обычныхъ въ такихъ случаяхъ привѣтствій и разговоровъ, заговорили, наконецъ о томъ, что больше всего интересовало всѣхъ: объ арестѣ, исторіи, вызвавшей арестъ, и какъ молодой студентъ могъ такъ скоро быть освобожденнымъ. Домашнимъ пришлось

услышать слѣдующую исторію. Молодой человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежалъ къ людямъ весьма веселаго нрава, а политикой совсѣмъ не занимался. Онъ любилъ пѣть, не прочь былъ послушать пѣніе, любилъ хорошенькихъ барышень и радъ былъ ихъ почаще видѣть. Въ описываемое время въ костелахъ можно было видѣть много хорошенькихъ, и къ тому же онѣ тамъ пѣли мелодичные гимны. Траурные костюмы и патриотическія слезы дѣлали паненокъ еще привлекательнѣе. Всего этого было достаточно, чтобы молодой студентъ сталъ посѣщать костель и, заглядываясь на миленькихъ паненокъ, сталъ самъ подтягивать патриотическіе польскіе гимны. Такія его дѣйствія, конечно, были замѣчены полиціей и истолкованы въ смыслѣ симпатіи къ начинающемуся броженію среди польской учащейся молодежи. Какъ-то одинъ изъ товарищей предложилъ молодому человѣку, котораго мы будемъ называть Н., помѣняться съ нимъ шляпами. У студента, предложившаго мѣну, шляпа была продолговатая съ большимъ чернымъ перомъ и походила на одинъ изъ видовъ конфедератокъ. Какъ потомъ оказалось, шляпа, надѣлавшая столько бѣдъ, была сдѣлана для Гамлета на домашней сценѣ. Ничего не подозрѣвавшій Н. охотно согласился на предложеніе: необыкновенный видъ шляпы ему нравился. Но и чины полиціи не дремали: конфедератка была замѣчена, но съ варьянтомъ—перо было отмѣчено оранжевымъ. При первыхъ арестахъ Н. не избѣгъ общей участи и былъ засаженъ. Вскорѣ начался допросъ, и здѣсь Н. впервые узналъ, что былъ записанъ поляками-товарищами въ одинъ изъ уланскихъ полковъ, которые должны были формироваться въ стѣнахъ университета изъ студентовъ. Для него это была неожиданная новость, но убѣдить обвинителей въ полномъ незнаніи этого факта и абсолютной невинности было весьма и весьма трудно. Пребываніе въ мѣстѣ заключенія не представляло ничего страшнаго и непріятнаго; напротивъ, молодежь проводила тамъ время весело, только неизвѣстность будущаго, при накопленіи вышепоименованныхъ уликъ, страшила такихъ инсургентовъ (а ихъ было не мало), какимъ былъ Н. Наконецъ Н. повели къ тогдашнему полиціймейстеру, очень добродушному нѣмцу. Полиціймейстеръ объ-

явилъ студенту, что онъ за несомненное участіе въ польскомъ возстаніи долженъ отсидѣть въ крѣпости, а затѣмъ послѣдуютъ еще какія-то наказанія. Передавая бумагу, съ которой Н. долженъ былъ явиться въ крѣпость, полиціймейстеръ ему сказалъ: „Я васъ знаю, вы хорошій молодой человекъ, вы меня не надуете, я считаю лишнимъ препровождать Васъ съ жандармомъ, не правда-ли, вы и сами отправитесь къ мѣсту назначенія“. Студентъ, понятно, рассыпался, въ увѣреніяхъ, но вмѣсто того чтобы отправиться въ крѣпость, отправился въ родной городокъ къ своимъ старицамъ. Родители студента, слушая все переданное, едва вѣрили ушамъ своимъ. Затѣмъ преданному семьѣ доктора человекъ, служившему въ учрежденіи, гдѣ было дѣло о повстанцѣ Н., удалось уничтожить всѣ бумаги, и все дѣло кануло въ Лету. Прошло затѣмъ много лѣтъ, и Н., по окончаніи университета, находясь на государственной службѣ, встрѣтился съ приставомъ, записавшимъ его носителемъ конфедератки съ оранжевымъ перомъ. „Ахъ вы мятежникъ, инсургентъ, какъ это вы попали на государственную службу?“ „А вы молчите, клятвопреступникъ,“ отвѣчалъ ему, тоже шутя Н., „вѣдь вы поклялись, что у меня было на шляпѣ оранжевое перо, а перо было черное.“ Говорятъ, доброму душой полиціймейстеру удалось спасти такимъ же образомъ, какъ и Н., многихъ невинныхъ въ то тревожное время, когда такъ легко было ошибиться.

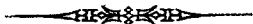
ГЛАВА V.

Очень скоро удалось переловить по лѣсамъ всѣхъ повстанцевъ и потушить мятежъ. Полиція городка Таращи особенно усердно принялась за дѣло, такъ какъ исправникъ нашель постановленіе инсургентовъ, которымъ его приговаривали къ повѣшенію, и только счастливый случай спасъ его. Тюрмы переполнились инсургентами, а также и больницы наполнились больными, ранеными и увѣчными. По тюрьмамъ и больницамъ ходили родственники и близкіе, отыскивая со страхомъ дорогихъ сердцу. И тутъ случались раздирающія душу сцены. Долго ра-

ыскивала одна молодая полька своего жениха; войдя въ больницу палату городка Т., она взглянула на одну изъ коекъ и упала безъ чувствъ. На койкѣ лежалъ, съ ампутированной ногой блѣдный молодой юноша, кромѣ того весь израненный косами, и довольно было взглянуть на него, чтобы понять, что онъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ. Бѣдная дѣвушка подоспѣла только для того, чтобы проститься на всегда со своимъ несчастнымъ женихомъ. Вскорѣ изъ губернскаго города былъ присланъ генераль, чтобы въ присутствіи его были составлены партіи схваченныхъ мятежниковъ для дальнѣйшей отправки. Генераль долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы больные были исключены изъ числа связываемыхъ, и имъ дозволено было ѣхать на повозкахъ. Для опредѣленія степени слабости и болѣзни были приглашены врачи. Окруженные конвоемъ и плачущими родными, а также толпой зѣваекъ, въ средѣ которыхъ при видѣ обезоруженныхъ мятежниковъ ужъ далеко меньше озлобленія и пробуждается даже жалость, партіи подвигаются мѣрнымъ, тяжелымъ шагомъ по направленію къ почтовому тракту. Тяжело было глядѣть на это грустное шествіе: лица все молодыя, но измученныя, изстрадавшіяся. Въ ихъ лицѣ зачинщики возстанія погубили безслѣдно молодыя, здоровыя силы, а сколько бы пользы могли принести эти большею частью образованные и все же способные на самоотверженные поступки юноши! Грустная драма польскаго возстанія закончилась повѣшеніемъ болѣе виновныхъ вожаковъ, ссылкой другихъ въ Сибирь, конфискаціей многихъ имѣній и общими мѣрами для ослабленія польскаго вліянія въ краѣ. Фанатичныя польки надѣли глубокой трауръ. Появились у нихъ на груди большіе черные кресты, онѣ надѣли тяжелыя черныя платья. Но скорѣ между русскими барынями и барышнями, преимущественно провинціалками Юго-Западнаго края, нашлись подражательницы, принявшія траурныя эффектные костюмы за моду. Случалось, что на какой-нибудь деревенской свадьбѣ, у мѣстнаго священника, всѣ поповны и молодыя попадѣйки танцовали всю ночь до упаду въ длинныхъ черныхъ платьяхъ, подчасъ съ крепомъ, и съ крестами изъ чернаго угля на груди.

На лонѣ прекрасной мирной природы, среди не менѣ мирной провинціальной жизни глухого захолустья, развернулась предъ дѣтскимъ тогда еще взоромъ пишущей эти воспоминанія страшныя кровавыя картинки братской борьбы, въ дѣтскомъ сердцѣ запечатлѣлся навсегда страхъ и отвращеніе къ подобнымъ противоестественнымъ явленіямъ. Дай Богъ, чтобы все тогдашнее подростяющее поколѣніе, которому въ настоящее время приходится быть руководящимъ поколѣніемъ, вынесло такое-же впечатлѣніе, и чтобы впредь подобныя политическія движенія, столь-же несчастныя, сколько и бесплодныя, были-бы немислимы.

Р. Семенцова.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды.

I.

Отъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества.

Согласно съ постановленіемъ состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Историко-филологическаго Общества 5 апрѣля 1894 г. принимаются предварительные взносы на издаваемыя обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды. Философъ и поэтъ Григорій Саввичъ Сковорода былъ просвѣтителемъ мѣстнаго слободско-украинскаго общества, преимущественно передового его слоя—дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія и своей просвѣтительной дѣятельностью подготовилъ почву для открытія Харьковскаго университета. Изъ круга его ближайшихъ учениковъ и друзей вышли самые щедрые жертвователи на университетъ. Съ другой стороны нравственно-воспитательное вліяніе Г. С. Сковороды простиралось и на народъ, который усвоилъ нѣкоторыя религіозно-нравственныя его стихотворенія. Изъ многочисленныхъ произведеній Г. С. была напечатана лишь ничтожная часть и притомъ крайне неудовлетворительно.

Въ виду предстоящаго столѣтія со дня кончины Г. С. Сковороды (29 октября 1894 г.), Харьковское Историко-филологическое Общество озаботилось собраніемъ его неизданныхъ сочиненій и въ настоящее время располагаетъ цѣлою коллекціею его рукописей; часть ихъ находится въ бібліотекѣ Харьковскаго университета, но другая болѣе значительная прислана на время въ Харьковъ изъ Церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи и съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества изъ Императорской публичной бібліотеки въ Петербургѣ и Румянцевскаго

музея въ Москвѣ (послѣднія рукописи особенно драгоцѣнны, потому что представляютъ автографы Сквороды и подлинное «житіе» его, написанное Ковалинскимъ). Общество нынѣ переписало всѣ эти новые богатые матеріалы и съ мая 1894 г. приступаетъ къ изданію сочиненій Г. С. Сквороды, какъ философскихъ (9 названій, изъ коихъ 6 неизданныхъ), такъ и литературныхъ.

Въ составъ книги войдутъ слѣдующія статьи: 1) Критико-біографическая и бібліографическая статья проф. Д. И. Багалѣя, 2) Житіе Г. С. Сквороды, составленное М. И. Ковалинскимъ, 3) Нарцисъ или узнай себя, 4) Правда вѣры, 5) О древнемъ мірѣ, 6) Бесѣда двое, 7) О душевномъ мірѣ, 8) Алфавитъ міра, 9) Начальная дверь ко христіанскому добронравію, 10) Благодарный Еродій, 11) Харьковскія басни, 12) Борьба Архистратига Михаила съ сатаню, 13) Садъ божественныхъ иѣсней, 14) Убогій жайворонокъ, 15) Израильскій змій, 16) Плутархъ о спокойствіи души, 17) Ода Сидронія объ уединеніи и 18) Письма. Означенныя статьи издаются въ одномъ томѣ объемомъ приблизительно въ 35 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ портрета Г. С. Сквороды. Изданіе это должно выйти въ свѣтъ къ 29 октября 1894 г. Для ближайшаго завѣдыванія этимъ дѣломъ избрана редакціонная комиссія въ составѣ пяти профессоровъ: А. С. Лебедева, А. С. Дринова, Д. И. Багалѣя, Ф. А. Зеленогорскаго и Н. Ф. Сумцова. Цѣна три рубля съ пересылкою (по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ новышена). Мѣстные харьковскіе подписчики вносятъ предварительные взносы одному изъ поименованныхъ выше членовъ редакціонной комиссіи, а иногородные обращаются непосредственно въ Харьковскій университетъ, въ Историко-филологическое общество. Даровыхъ экземпляровъ членамъ Историко-филологическаго общества не будетъ.

II.

По поводѣ извѣщенія Харьковскаго Историко-филологическаго Общества объ изданіи сочиненій Г. С. Сквороды.

Къ столѣтнему юбилею украинскаго философа Гр. Сав. Сквороды (29 октября 1894 г.) долженъ выйти большой томъ его сочиненій (до 40 печатныхъ листовъ). Въ этотъ томъ войдетъ 16 его произведеній, богословскаго философскаго и литературнаго содержа-

ніа, изъ коихъ раньше изданныхъ 7 ¹⁾, а неизданныхъ 9. Въ числѣ этихъ 9 неизданныхъ есть одинъ такой трактатъ, принадлежность котораго Г. С. Сковородѣ представляется сомнительной («правда вѣры» — мы его помѣстимъ въ приложеніи), а другой («О душевномъ мірѣ») представляетъ совершенно новую редакцію, сравнительно съ той, которая была извѣстна въ печати. Впрочемъ и то, что было раньше отпечатано, мы теперь издаемъ по подлиннымъ рукописямъ Г. С. Сковороды, во многомъ исправляющимъ и дополняющимъ печатные тексты. Благодаря счастливымъ находкамъ въ Кіевѣ, Москвѣ, Петербургѣ и Харьковѣ, мнѣ удалось собрать весьма значительную коллекцію рукописей Г. С. Сковороды. Изъ церковно-археологическаго музея Кіевской Духовной Академіи было прислано 12 переплетенныхъ тетрадей, собранныхъ нѣкогда въ Харьковѣ незабвеннымъ архіеп. Филаретомъ и пожертвованныхъ въ Кіевъ С. И. Миропольскимъ; онѣ заключаютъ въ себѣ слѣдующія 13 сочиненій Григорія Саввича: 1) Нарцисъ, 2) Бесѣда двое 3) Брань арх. Михаила 4) Жена Лотова 5) Израильскій Змій 6) Потокъ Змійиъ 7) О древнемъ мірѣ 8) О душевномъ мірѣ 9) Симфонія: аще не увѣси 10) Алфавитъ міра 11) Харьковскія басни, 12) Переводъ соч. Цицерона «о старости» 13) Правила нравоучительныя (изъ нихъ изданныхъ 4, неизданныхъ 9). Все это были весьма исправные списки сочиненій Г. С. Сковороды (какъ оказалось по сличеніи ихъ съ оригиналами); нѣкоторые же изъ нихъ (а именно—О душевномъ мірѣ и Алфавитъ міра, переводъ изъ Цицерона и правила нравоучительныя) волей-неволей должны замѣнить оригиналы, такъ какъ этихъ послѣднихъ не найдено. Если мы прибавимъ къ этому, что «Алфавитъ міра» и трактатъ «О душевномъ мірѣ» являются наиболѣе замѣчательными въ философскомъ отношеніи произведеніями, то для насъ слѣдается окончательно яснымъ, весьма важное значеніе рукописей, любезно предоставленныхъ церковно-археологическимъ музеемъ въ распоряженіе Историко-филологическаго общества. Но являлся все-таки вопросъ объ автографѣхъ сочиненій Г. С. Сковороды, и они были отысканы мною въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, куда были проданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ внучкой того самаго друга и ученика Гр. Сав., Мих. Иван. Ковалпнскаго, которому большая часть ихъ была посвя-

¹⁾ Нарцисъ, Бесѣда двое, Начальная дверь ко христіанскому добронравію, Харьковскія басни, Борьба арх. Михаила съ сатаню, Садъ божественныхъ плѣсней, Убогій жайворонокъ.

щена и который написал «житіе» наставника. Въ Руминцевскомъ музеѣ оказались слѣдующія рукописи Г. С. Сквороды и о Сквородѣ: 1) 4 объемистыхъ сборника его *автографовъ*, заключающихъ слѣдующія его сочиненія (числомъ 12): а) Асхадъ или симфонія еще не увѣси б) Потокъ Зміиный, в) Бесѣда двое г) Наркисъ, д) Брань арх. Михаила е) Жена Лотова ж) О древнемъ мірѣ з) Начальная дверь ко христіанскому добронравію и) Икона Алыфвядская (тоже что Израильскій Зміи) і) Ода Сидроніева объ уединеніи к) Еродій л) Сады божественныхъ пѣсней; 2) объемистый сборникъ собственно-ручныхъ его писемъ и стихотвореній, преимущественно на латинскомъ языкѣ (а частію на русскомъ и греческомъ); почти всѣ эти письма писаны Г. С.—емъ къ его другу М. И. Ковалинскому и представляютъ весьма важный матеріалъ для характеристики его міросозерцанія (въ печати они не были извѣстны, а по количеству своему въ нѣсколько разъ превосходятъ всю извѣстную доселѣ переписку Г. С. Сквороды); 3) 10 писемъ къ пріятелямъ съ 1785 г. (списокъ, сдѣланный повидимому въ г. Острогжскѣ воронежской губ.; въ печати не были извѣстны); 4) Списки нѣкоторыхъ сочиненій Г. С. Сквороды—Харьковскихъ басенъ, Алфавита міра, Кольца (распространенная редакція трактата «О душевномъ мірѣ», соотвѣтствующая печатному изданію его); наконецъ, тутъ же есть и оригиналъ «Потока Зміяна» (по свидѣтельству В. Н. Каразина, подтверждаемому сравненіемъ почерковъ) съ любопытной припиской читателя; 5) Два оригинала біографіи Гр. Саввича, составленной М. И. Ковалинскимъ. Какъ видимъ, это—цѣлый кладъ. Въ Имп. Публичной бібліотекѣ въ Петербургѣ нашлись слѣдующія сочиненія Г. С. Сквороды: 1) «Правда вѣры или симфонія божества, почеркнутыя изъ разсмотрѣнія природы въ минуты уединенія для пользы православнаго русскаго люда посвящаетъ странникъ Григорій Скворода» въ 6 частяхъ, содержащихся въ 6 отдѣльныхъ тетрадкахъ, переплетенныхъ въ бархатный переплетъ; 2) списки Израильскаго Змія и «Потока Зміяна»; 3) Переводъ изъ Плутарха «О спокойствіи души» (едва ли не автографъ). Первое сочиненіе чрезвычайно интересно по своему содержанию, но является сомнѣніе въ принадлежности его Г. С. Сквородѣ, а потому оно будетъ напечатано въ приложеніи, третье представляетъ не простой переводъ, а вольное изложеніе со своими примѣчаніями сочиненія Плутарха и потому заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Въ бібліотекѣ Харьковского университета хранятся тѣ самыя рукописныя сочиненія Г. С. Сквороды, которые издалъ Пе-

тербургскій книгопродавецъ Лисенко (въ 1861 г.), а именно: 1) Садъ божественныхъ нѣсенъ (списокъ) 2) разговоръ о томъ: знай себя (т. е. Наркисъ) (оригиналъ, какъ сказано въ примѣчаніи, писанный Гр. С-емъ въ пасикѣ на разношерстной бумагѣ) 3) Начальная дверь ко христіанскому добронравію (списокъ) 4) Письмо изъ Гусинской пустыни 5) Израильскій Змій, 6) Борьба и прѣ о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ, 7) прѣ бѣсу съ Варсавою (эти послѣднія рукописи были собраны еще въ 1762 г. священникомъ Фед. Залѣскимъ).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія о нахожденіи нѣкоторыхъ рукописей Г. С. Сковороды въ библиотекѣ Московской духовной академіи и рукописномъ хранилищѣ Гр. А. С. Уварова (въ с. Порѣчьѣ), но онѣ новыхъ трудовъ его въ себѣ не заключаютъ.

Такимъ образомъ, сверхъ тѣхъ сочиненій, заглавія которыхъ помѣщены въ извѣщеніи Харьк. Историко-филологическаго общества, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще слѣдующія: 1) Потокъ Змійны 2) Асхадъ или симфонія еще не увѣси 3) Жена Лотова (или о чтеніи священнаго писанія), 4) Борьба и прѣ о томъ: претрудно быть злымъ; 5) Прѣ бѣса съ Варсавою 6) Переводъ соч. Цицерона «О старости». Эти труды могутъ войти во 2-й томъ сочиненій Гр. Сав. Сковороды. Но, не смотря на то, что поиски рукописей оказались весьма удачными, нѣкоторыхъ сочиненій Григорія Саввича не достаетъ еще и теперь. Это обстоятельство побуждаетъ меня обратиться печатно ко всѣмъ знатокамъ, любителямъ, хранителямъ и владѣтелямъ рукописей, къ сотрудникамъ и читателямъ «Кіевской Старины», какъ единственнаго органа, посвященнаго изученію прошлыхъ судебъ Южной Руси, съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ свѣдѣніе о нахожденіи этихъ неизвѣстныхъ еще рукописныхъ трудовъ знаменитаго укринскаго мыслителя и литератора. До самаго послѣдняго времени на сочиненія Г. С. Сковороды обращали мало вниманія даже специалисты изслѣдователи: всѣ интересовались не столько его сочиненіями, сколько его личностью и жизнью; это нужно сказать и даже относительно обстоятельнаго очерка, составленнаго Г. П. Данилевскимъ. Единственное исключеніе представляетъ изъ себя статья Хиждеу¹⁾ (въ «Телескопѣ»), но и она, во 1-хъ, къ сожалѣнію не окончена, а во 2-хъ критика заподозрила знакомство ав-

¹⁾ Арх. Гавріиль въ своей „Исторіи русской философіи“ повторялъ ее почти цѣликомъ.

тора съ нѣкоторыми сочиненіями Г. С. Сковороды; во всякомъ случаѣ статья эта не даетъ документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ произведеніяхъ Г. С. Сковороды, которые не дошли до насъ, но были въ рукахъ у автора ея, по его же собственному сознанию. Въ теченіе цѣлаго полулѣтѣа со дня смерти Сковороды (въ 1-ю половину XIX в.) было напечатано только нѣсколько отдѣльныхъ его трудовъ и при томъ весьма неудовлетворительно; петербургское изданіе его сочиненій (въ 1861 г.) также не дало истиннаго представленія о Г. С. Сковородѣ, какъ писатель; а между тѣмъ съ той поры уже не появлялось въ свѣтъ больше ничего вплоть до нашихъ дней, если не считать прекрасной біографіи Григорія Саввича, составленной другомъ его М. И. Ковалинскимъ и напечатанной впервые въ полномъ ея видѣ проф. Н. Θ. Сумцовымъ на страницахъ «Кіевской Старины».

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ,—при отсутствіи возможно полнаго печатнаго изданія сочиненій Г. С. Сковороды,—трудно было составить о немъ надлежащее представленіе, какъ о философѣ, богословѣ и литераторѣ. Неудивительно, что лица, писавшія о немъ, ограничивались тѣмъ, что давали самому ему какую-либо кличку (напримѣръ, мистика, или Сократа, или украинскаго Ломоносова) и о сочиненіяхъ его говорили, что это неинтересная сушь (но при этомъ вовсе иногда не читали ихъ).

Между тѣмъ въ этихъ именно сочиненіяхъ,—каковыми бы они ни оказались,—лежитъ ключъ и разгадка и его міровоззрѣнія, и даже его жизни, ибо это былъ такой цѣльный характеръ, который жилъ такъ, какъ училъ, и училъ такъ, какъ жилъ. Вотъ почему Харьк.-Историко-Филологическое общество, желая почтить память Гр. Сав. какъ одного изъ самыхъ выдающихся историческихъ дѣятелей своего края, прежде всего рѣшило заняться собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ его сочиненій.

И доказательствомъ того, что оно стало на правильный путь, можетъ служить между прочимъ тотъ фактъ, что уже теперь явилось двѣ работы о Гр. Сав. Сковородѣ, въ основу которыхъ положено знакомство ихъ авторовъ съ рукописными сочиненіями Гр. Саввича, собранными Харьк. Историко-Филологическимъ Обществомъ (г-жи А. Я. Ефименко въ журн. «Недѣля» и первая часть обширной статьи проф. Θ. А. Зеленогорскаго специально о философіи Сковороды въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» за текущій годъ).

Но для того, чтобы составить полное, всестороннее представление о Гр. Сав. Сковородѣ, какъ писателѣ, необходимо собрать все, что было имъ написано, а для этого нужно еще розыскать слѣдующіе его рукописные труды: 1) Неграмотный Марко, 2) Бесѣда I. Сіонъ, 3) Бесѣда II. Сіонъ, 4) Бесѣда о любви до свонхъ, нареченная Ольга православная, 5) Двѣ проповѣди: а) «убуждшеся, видѣша славу его» и б) «да лобжетъ мя», 6) Бесѣда ангельская о клеветѣ діавольской, 7) О внутреннемъ челоуѣкѣ. Разговоръ I. Симфонія о народѣ, 8) Помни послѣдняя, помню и исповѣдуюся тебѣ, Господи (это письмо къ арх. Георгію Конисскому отъ 5 мая 1789 г. изъ Бурлука, представляющее родъ автобіографіи Г. С. Сковороды), 9) Трагедо-комедія (въ силлабическихъ стихахъ), 10) О богослуженіи на небѣ, 11) Небо состоитъ изъ двухъ царствъ, 12) О первомъ состояніи челоуѣка послѣ смерти, 13) Сфинксъ о древнемъ мудрецѣ Идиѣ, 14) Переводы—толкованія изъ Плутарха о тишинѣ сердца, о добротѣ и злобѣ и нѣк. др.

Особенно интересны были бы №№ 7, 8, 9, 1, 4. Если И. И. Срезневскій сомнѣвался во всѣхъ вообще библіографическихъ указаніяхъ Хиждеу, въ томъ числѣ и въ принадлежности Сковородѣ сочиненія № 8, которое намъ извѣстно только по глухой ссылкѣ этого послѣдняго, то едва ли это даетъ намъ право отвергать существованіе всѣхъ остальныхъ трудовъ; изъ №№ 1-го и 7-го мы имѣемъ кое-какіе отрывки, а другіе были въ рукахъ у того же Срезневскаго, Г. П. Данилевскаго и Хиждеу. Быть можетъ, при ближайшемъ изученіи окажется, что нѣкоторыя изъ этнхъ рукописей не принадлежатъ Г. С. Сковородѣ; но для этого ихъ нужно розыскать и изслѣдовать. И если онѣ такъ недавно существовали на свѣтѣ, то весьма вѣроятно, что и теперь еще онѣ хранятся въ какомъ-либо книгохранилищѣ или у частнаго лица. Вѣдь сочиненія Г. С. Сковороды ходили большою частью въ рукописяхъ и ими интересовались очень многіе! Припомнимъ извѣстный фактъ, что одинъ любитель черезъ «Московскія Вѣдомости» вызывалъ къ себѣ желающихъ вмѣстѣ съ нимъ читать произведенія украинскаго мудреца. Значительную коллекцію рукописныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, еще при жизни его, имѣли священники Фед. Залѣскій, Яковъ Правицкій, помѣщикъ М. И. Ковалинскій и мн. др. Впослѣдствіи его рукописими интересовались такія лица, какъ преосв. Иннокентій и Филаретъ: и тотъ, и другой собирали и изучали ихъ.... Въ семейномъ архивѣ покойнаго И. И. Срезневскаго оказалась его знаменитая вступительная лекція въ курсъ

христіанскаго добронравія, читанный въ Харьковскомъ коллегіумѣ; она любезно предоставлена намъ сыномъ покойнаго Измаила Ивановича, Вс. Изм. Срезневскимъ... Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя сочиненія хранятся и доселѣ въ фамиліальныхъ архивахъ нашихъ южно-русскихъ дворянскихъ родовъ, въ особенности тѣхъ, которые стояли близко къ покойному философу (а таковыми были Тамары, Тевяшovy, владѣльцы Панъ Ивановки, гдѣ похороненъ Григорій Саввичъ, Ковалевскіе, Розальонъ-Сошальскіе, Шидловскіе и др.). Аскоченскій въ своей исторіи Кіевской Духовной Академіи сообщаетъ, что онъ видѣлъ сочиненія Г. С. Сковороды въ библіотекѣ у Тамары¹⁾; быть можетъ, кое что отыщется и у наслѣдниковъ покойнаго біографа Г. С. Сковороды, Гр. П. Данилевскаго, которому присылали и отдавали его сочиненія разныя лица (въ томъ числѣ преосв. Иннокентій и, кажется, г. Розальонъ Сошальскій). Покойный редакторъ «Кіевской Старины» Теофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ также повидимому имѣлъ въ своемъ портфельѣ его рукописи; желательно было бы знать, какая судьба постигла эти бумаги....

Ожидать отъ находокъ мы можемъ еще многого; между прочимъ *внѣ всякихъ сомнѣній стоитъ фактъ существованія автобіографическихъ записокъ самаю Гр. Сав. Сковороды и ея друга Мих. Ив. Ковалинскаю*; объ этомъ мы находимъ прямое указаніе у этого послѣдняго.

Въ заключеніе два слова о портретахъ Г. С. Сковороды. Изъ одного принадлежащаго намъ письма (владѣльца Панъ Ивановки Ковалевскаго) видно, что съ Гр. Сав. былъ снятъ портретъ въ послѣдній годъ его жизни. По всей вѣроятности, съ этого портрета были сдѣланы вскорѣ послѣ смерти копіи. Но гдѣ оригиналъ, неизвѣстно, также точно, какъ темно происхождение его литографированныхъ портретовъ (въ Петербургскомъ изданіи его сочиненій, въ альманахѣ «Утренняя звѣзда и т. п.»). Въ нашемъ распоряженіи теперь находится три портрета Григорія Саввича, исполненныхъ масляными красками: одинъ принадлежитъ музею Харьковского университета, другой—Императорской публичной библіотекѣ (съ него сдѣлана при-

¹⁾ Основываясь на этомъ и на заявленіи Историко-фил. общества, Императорскій Харьковский университетъ обратился къ нижешнему представителю этой фамиліи, г. Кіевскому губернатору Льву Павловичу Томарѣ съ покорнѣйшей просьбой сообщить, нѣтъ ли въ его распоряженіи рукописей Г. С. Сковороды, но отвѣта до сихъ поръ еще не получилъ.

дворнымъ фотографамъ Класеномъ прекрасная фотографія), третій—наслѣдникамъ недавно скончавшагося любителя малорусской старины и поэта доктора медицины Влад. Степ. Александрова. Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться на описаніи этихъ портретовъ. Мы пользуемся только настоящимъ случаемъ, чтобы спросить, нѣтъ ли въ чьей-либо коллекціи еще какого-нибудь портрета Г. С. Сковороды. Высказывая свои desiderata относительно матеріаловъ для *біографіи* Г. С. Сковороды, не можемъ, наконецъ, не пожелать, чтобы кто-нибудь (кому это доступно) собралъ свѣдѣнія о пребываніи Григорія Саввича въ Кіевѣ, въ качествѣ студента Духовной Академіи, и въ Петербургѣ, въ качествѣ пѣвчаго придворной капеллы ¹⁾.

Д. Вагалъи.

Къ исторіи Кіево-Печерской Лаврской типографіи. Сообщенная А. И. Соболевскимъ «Похвала Исаіи Балабану» въ VIII-й книгѣ «Чтеній» общества Нестора имѣетъ, намъ кажется, нѣкоторое значеніе и для начальной исторіи кіевского книгопечатанія; извѣстно, что оно началось въ 1617 г. выходомъ изъ лаврской типографіи «Часослова», началось, благодаря заботѣ объ этомъ Кіево-Печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго, который пріобрѣлъ для Лавры шрифтъ изъ Стратинской типографіи. Послѣдняя была основана въ 1602 г. Θεодоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, племянникомъ львовскаго епископа Гедеона Балабана; издалъ «Служебникъ» въ 1604 г. и «Требникъ» въ 1606 г., Θε. Балабанъ умеръ незадолго до выхода въ свѣтъ послѣдней книги. Послѣ его смерти работа въ типографіи прекратилась, и шрифтъ оставался безъ употребленія до перевода его въ Кіевъ. Лаврскія изданія, по наблюденіямъ изслѣдователей, печатаются и стратинскимъ, и острожскимъ шрифтомъ; но какимъ путемъ достался послѣдній Е. Плетенецкому, неизвѣстно. Положеніе Исаіи Балабана нѣсколько разъясняетъ этотъ вопросъ.

Исаіи (въ мірѣ Іона) былъ вторымъ племянникомъ львовскаго епископа и притомъ, кажется, на столько любимымъ, что изъ-за него онъ ведетъ продолжительную борьбу съ львовскимъ братствомъ. Желая передать послѣ себя епископію племяннику, Гедеонъ еще 5 ап-

¹⁾ Сообщать мнѣ свѣдѣнія можно по слѣдующему адресу: въ Харьковѣ, въ Университетѣ, профессору Дмитрію Ивановичу Вагалъи.

рѣля 1595 г. выхлопоталъ у короля привиллегію для Исаіи на званіе епископскаго коадьютора; въ 1597 году епископъ овладѣлъ Уневскимъ монастыремъ и передалъ его въ управленіе племяннику, а 30-го іюля того же года архимандрія была утверждена за нимъ королемъ; вслѣдствіе самовольнаго распоряженія монастырскимъ имуществомъ, между братіей и архимандритомъ произошли споры, и онъ былъ сначала изгнанъ изъ монастыря, но возвратившись, силою разогналъ братію. Между тѣмъ Гедeonъ Балабанъ продолжалъ борьбу съ братствомъ, настаивая на признаніи его экзархомъ патріаршаго цареградскаго престола; примиреніе между ними состоялось подъ тѣмъ условіемъ, что Гедeonъ не будетъ домогаться права назначенія себѣ преемника; участіе въ примиреніи принималъ и Исаія; однако, по смерти дяди своего въ началѣ 1607 г., онъ силою захватилъ церковь св. Юрія и домъ епископа, забралъ церковную утварь и на духовенство наложилъ налогъ; при этомъ, отбивая замки у церкви, онъ сказалъ: «кто не имѣетъ ключа обыкновеннаго, для того годится и ключъ св. Петра». Братство отказалось признать Исаію епископомъ и избрало на мѣсто Гедeона Евстафія (въ монашествѣ Іеремія) Тисаровскаго. Князь Константинъ Острожскій старался примирить братство съ Исаіей, но все было напрасно. Тисаровскій, пользовавшійся общими симпатіями, былъ утвержденъ и королемъ 31 октября 1607 г. Исаіи Балабану пришлось уступить и удалиться. Мы думаемъ, что въ это именно время онъ былъ приглашенъ покровительствовавшимъ ему княземъ Конст. Острожскимъ къ занятію Дерманской архимандріи, при чемъ его власти были подчинены и всѣ другіе острожскіе монастыри; при Дерманскомъ монастырѣ въ это время существовала типографія. Исаія, изучившій, вѣроятно, типографское дѣло еще въ Стратинѣ, могъ собственно съ цѣлью руководства имъ явиться и въ Дермань, монастырь въ которой какъ бы предназначался на вознагражденіе типографовъ; «справцей» этого монастыря былъ также и первопечатникъ русскій Иванъ Федоровъ. Въ 1608 г. умеръ князь Константинъ; устроенная же имъ типографія проработала еще 4 года; въ 1612 г. вышла изъ нея послѣдняя книга; перерывъ въ работѣ произошелъ внезапно по неизвѣстной, впрочемъ, причинѣ; печатаніе въ 1613 г. предполагалось; на это указываетъ сохранившійся переводъ книги Феодора Авукара, который былъ сдѣланъ однимъ изъ учениковъ Острожской школы и посвященъ Исаіи. Приведенное А. И. Соболевскимъ заглавіе книги свидѣтельствуетъ, что оно какъ будто сдѣлано для печати и утверждено подписью Исаіи, въ которой онъ

обозначаетъ свой полный титулъ. Быть можетъ, это былъ выходной листъ. Такого же мнѣнія держится и архимандритъ Леонидъ, составившій «Систематическое описаніе славяно-россійскихъ рукописей собранія графа А. С. Уварова»¹⁾, въ числѣ коихъ находится и книга Θεодора Авукара; что книга была приготовлена къ печати, въ этомъ архимандрита Леонида убѣждаетъ листъ 2-й, на которомъ помѣщено восемь двустихій: «На старожитный клейнотъ князатъ Острозкихъ» и для герба оставленъ пробѣлъ. Однако, въ 1613 году не только не была напечатана названная книга, но и самое печатаніе вообще прекращено.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Исаія Балабанъ былъ распорядителемъ одной типографіи и владѣльцемъ другой; охладѣвъ почему-то къ издательскому дѣлу и продавъ свою собственную типографію Елисею Плетенецкому, онъ могъ передать въ Лаврскую типографію и прифтѣ Дерманской, съ согласія, конечно, князя Януша Острожскаго, который, какъ католикъ, счелъ, быть можетъ, теперь для себя неудобнымъ поддерживать интересы чуждаго ему уже православія въ возраставшей литературной полемикѣ послѣдняго съ римской церковью.

И. Каманинъ.

Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. Въ статьѣ Н. О. Сумцова «Малорусскія фамильныя прозванія» («Кіевск. Ст.» 1885, кн. 2) сообщено много интересныхъ данныхъ о происхожденіи малорусскихъ фамилій. Посвятивъ большую часть статьи фамиліямъ чисто малороссійскимъ, происхожденіе которыхъ «не можетъ быть вставлено въ строго опредѣленные хронологическія и историческія рамки», авторъ въ заключеніе указываетъ рядъ фамилій иноязычнаго происхожденія, въ которыхъ отразились слѣды сближенія малорусскаго племени съ различными другими народностями. Съ чисто-исторической точки зрѣнія наибольшій интересъ представляетъ эта послѣдняя часть статьи г. Сумцова. Въ фамильныхъ прозвищахъ иноязычнаго происхожденія довольно ясно отразились различныя отношенія малорусскаго народа къ другимъ народностямъ въ различные періоды его исторической жизни. Такъ, по замѣчанію автора, фамилій нѣмецкаго происхожденія среди малорусскихъ фамилій истрѣ-

¹⁾ Т. I, стр. 350

чается очень мало, татарскаго же происхожденія—довольно большое количество, изъ чего можно заключить, что нѣмцы всегда стояли особнякомъ и мало смѣшивались съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ, съ татарами же у малороссіянъ, наоборотъ, было тѣсное общеніе, правда, для послѣднихъ горькое и невольное; въ началѣ XVII ст. раздаются жалобы на колонизированіе южно-русскихъ фамилій (ок. *скій*), а въ концѣ XVIII ст. фамилии эти передѣлываются на великороссійскій ладъ (ок. *овъ*); однимъ словомъ по выраженію автора, «безъ ошибки можно сказать, что въ современныхъ крестьянскихъ фамильныхъ прозваніяхъ живетъ старая Малороссія».

Предметомъ настоящей замѣтки послужить нѣсколько простонародныхъ фамильныхъ прозваній XVIII в., по происхожденію своему отличающихся отъ рассмотрѣнныхъ въ упомянутой статьѣ г. Сумцова. Прозванія эти встрѣчаются въ многочисленныхъ дѣлахъ «объ вщущихъ вольности» (преимущественно—«съ подъ владѣнія гр. Браницкихъ»), хранящихся въ кievскомъ центральномъ архивѣ. Различныя лица, считавшія себя неправильно закрѣпощенными, излагали передъ судомъ свою генеалогію, при чемъ иногда объясняли и происхожденіе своихъ крестьянскихъ фамильныхъ прозваній. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ получили свободу—слѣдовательно, показанія ихъ признаны судомъ за достовѣрныя,—другія оставлены въ крѣпостномъ состояніи; но для нашей цѣли то или другое рѣшеніе дѣла не имѣетъ особаго значенія, во 1-хъ, потому что и неправильно закрѣпощенному не легко было добиться свободы, а во 2-хъ, даже въ случаѣ неточности другихъ показаній, показаніе о происхожденіи фамильнаго прозванія почти всегда можетъ быть признаво достовѣрнымъ, т. е. обыкновенно подтверждалось показаніями старожиловъ (70—80-лѣтнихъ стариковъ).

Фамилии, о которыхъ идетъ рѣчь, можно раздѣлить на три группы: однѣ принадлежатъ козакамъ и мѣщанамъ, переселявшимся съ лѣваго берега на правый, другія—шляхтичамъ, поселившимся на Украинѣ въ концѣ XVIII в., третьи—евреямъ-выкрестамъ

Козаки и мѣщане объясняли свое закрѣпощеніе тѣмъ, что они (или ихъ предки) зашли въ Польшу «въ то время, когда въ оной люди разнаго званія имѣли волю переходить изъ мѣста въ мѣсто безъ приписанія кому-либо и безъ обложенія окладомъ», и закрѣпощены только послѣ присоединенія края къ Россіи—по ревизіи 1795 г. Вотъ нѣсколько фамилій этого рода. 1) Козаки Бурляи, потомки Гадыцкаго полковника временъ Богдана Хмельницкаго, поселились

въ с. Мисайловкѣ и прозваны были *Капустами*, потому что у нихъ въ огородѣ родилась хорошая капуста; 2) они же прозваны были *Гаркавенками*, потому что «отецъ ихъ имѣлъ рѣчь гаркавуу»; 3) золотоношскій—козакъ Котманъ, поселившійся въ м. Городищѣ, получилъ прозваніе *Качуръ*, потому что «для приѣзда брата зарѣзалъ съ птицъ утокъ самца, при чемъ родственникъ его сказалъ, что будь ты братъ, съ сего времени не Котманъ, а Качуръ»; 4) кіевскій мѣщанинъ Сиволодскій зашелъ въ м. Новояновъ, гдѣ снялъ мельницу; впоследствии записанъ крѣпостнымъ подъ фамилію *Кривошубъ*, потому что «у него былъ кривой ротъ»; 5) другой кіевскій мѣщанинъ (прежняя фамилія его не названа) переселился въ м. Богуславъ и получилъ прозваніе *Кіянница*.

Шляхтичи обыкновенно объясняли свое закрѣпощеніе «бывшею въ Польшѣ революціею», когда они «должны были утаивать свое званіе, чтобы сохранить жизнь свою отъ распутныхъ людей»; поселившись среди крестьянъ, они принимали крестьянскія прозвища. Вотъ нѣсколько фамилій подобнаго происхожденія: 1) Шляхтичъ Маевскій въ с. Потѣвкѣ получилъ прозваніе *Очеретяный*, потому что «по бѣдному своему состоянію укрылъ хижину очеретомъ»; 2) племянникъ его получилъ прозваніе *Дармограй*—«по искусству его музыкальной игры»; 3) пл. Зборовскій въ с. Малой Половецкой получилъ прозваніе *Распутный*, потому что «поселился между двухъ дорогъ на распутіи»; 4) пл. Галецкій, поселившійся въ с. Насташкѣ, прозванъ былъ *Пехотою*, потому что «въ великую зиму (1788) билъ на нартахъ звѣрей»; 5) другой Галецкій (тамъ же) получилъ прозваніе *Ковтунъ*, потому что «у бабушки его, родомъ молдаванки, находился на головѣ колтунъ»; 6) пл. Костецкій въ с. Насташкѣ прозванъ *Таранъ*, потому что имѣетъ осповатое лицо; 7) пл. Харлицкіе «во время гайдамакъ, потерявъ свою прерогативность дворянскую, ради страха зашли въ с. Салиху, гдѣ получили прозваніе *Лисою*, съ причины отца нашего лысины»; 8) пл. Галузинскіе въ с. Насташкѣ получили прозваніе *Безношченко* отъ своего предка, записаннаго въ ревизію подъ именемъ Трохима Безносаго; 9) пл. Вѣлошницкіе въ с. Чешелевкѣ прозваны *Кравченками*, п. ч. одинъ изъ нихъ занимался кравецкимъ ремесломъ; 10) то же прозваніе и по той же причинѣ получили пл. Кржискіе въ с. Севериновкѣ; 11) малолѣтній пл. Гіевскій «за существованіе Польши, когда людямъ былъ вольный переходъ съ мѣста на другое», заведенъ съ Волины въ с. Потѣвку своею матерію, которая вторично вышла за-мужъ за

мѣстнаго коваля, почему онъ и получилъ прозваніе *Коваленко*; 12) пл. Корженевскій, товарищъ значковый, поселился въ с. Кожанка, потомки его записаны при ревизіи крестьянами подъ фамилію *Швецы* (по ремеслу); 13) пл. Кржискіе въ с. Севериновѣ (ср. № 10) назывались также *Радченки*, потому что отецъ ихъ назывался Родіонтъ; 14) одинъ изъ пл. Костецкихъ (ср. № 6) въ с. Насташкѣ назывался *Марченко* по имени отца; 15) пл. Матусевичъ въ с. Пищикахъ женился на крестьянкѣ «Евдокіи Захаровнѣ», почему потомки его занесены въ ревизскія сказки крестьянами подъ фамилію *Зячаренковъ*, хотя двоюродный братъ ихъ записанъ шляхтичемъ и подъ прежнюю фамилію; 16) пл. Соецкіе въ с. Янишовкѣ получили прозваніе *Лабунцы*, п. ч. зашли изъ м. Лабуна.

Еврей-выкресты, принявъ христіанскую вѣру (по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ «въ часѣ коленщины»), поселялись среди крестьянъ и впоследствии закрѣпошались. Фамильные прозванія ихъ въ большинствѣ случаевъ не нуждаются въ комментаріяхъ; вотъ нѣсколько наиболѣе распространенныхъ: 1) *Крыжановскіе*, 2) *Обелянины*, 3) *Навроцкіе*, 4) *Добровольскіе*, 5) *Цибульскіе*.

Приведенные факты, подтверждая нѣкоторыя общія положенія Н. О. Сумцова о происхожденіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній, могутъ нѣсколько дополнить сказанное во второй части его статьи объ отраженіи въ фамильныхъ прозваніяхъ разнообразныхъ отношеній малорусской народности къ народностямъ, съ которыми она вступала въ соприкосновеніе. Факты эти показываютъ, что взаимодѣйствіе различныхъ народностей отразилось не только въ появленіи фамильныхъ прозваній иноземнаго происхожденія или въ передѣлкѣ малорусскихъ фамилій на иноземный ладъ, но и въ замѣнѣ иноземныхъ прозваній малорусскими. Другими словами, они показываютъ, что малорусская народность, при соприкосновеніи съ другими народностями, играла не всегда пассивную роль, но иногда и активную: польскіе шляхтичи, евреи, даже лѣвобережные казаки, поселяясь среди крестьянскаго населенія, ассимилировались съ нимъ и принимали крестьянскія прозвища, не предвидя роковыхъ послѣдствій, которыя навлекла на нихъ эта перемѣна во время ревизіи 1795 г. Фамилій подобнаго происхожденія, мѣрзотно, существуетъ не мало среди крестьянъ (въ особенности, конечно, въ правобережной Украинѣ), но онѣ съ трудомъ могутъ быть выдѣлены изъ общей массы фамилій, чисто малороссійскихъ, вслѣдствіе полной ассимиляціи носителей ихъ съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ. Тѣмъ

большій интересъ представляютъ приведенные факты, въ которыхъ происхожденіе фамилій констатировано офіціальными документами. Крім того, факты эти заключаютъ въ себѣ указанія на нѣкоторыя небезынтересныя стороны въ положеніи крестьянъ правобережной Украины въ XVIII в.

В. Щербина.

Инструкція для кіевской духовной академіи 1763 года (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1893 года, №№ 19. 20).

Подъ такимъ заглавіемъ обнародованъ проф. С. Т. Голубевымъ открытый имъ въ одномъ изъ кіевскихъ книгохранилищъ (къ сожалѣнію, не говорится въ какомъ) весьма интересный памятникъ. Обстоятельства происхожденія этого памятника, какъ они излагаются въ предисловіи къ изданію, были таковы. — 25 іюля 1758 года, вмѣстѣ скончавшагося Манассіи Максимовича, ректоромъ Кіевской Академіи былъ назначенъ Давидъ Нащинскій. Это назначеніе было неприятно для академической корпораціи, которая желала видѣть ректоромъ Академіи своего префекта Самуила Миславскаго. Поэтому, съ самаго же начала между ректоромъ Давидомъ Нащинскимъ и профессорами Академіи установились немиролюбивыя отношенія, вскорѣ принявшія даже характеръ открытой борьбы. Слѣдствіемъ борьбы между начальникомъ и подчиненными было увольненіе Давида Нащинскаго отъ должности ректора Академіи. Но борьба академическихъ наставниковъ съ ректоромъ Давидомъ Нащинскимъ имѣла еще и другое — доброе — слѣдствіе. Она открыла въ жизни Академіи многія неурядица, устраненіемъ которыхъ и долженъ былъ прежде всего заняться новый ректоръ Академіи — Самуиль Миславскій. Плодомъ заботъ послѣдняго объ упорядоченіи внутренней академической жизни, надъ чѣмъ онъ работалъ подъ руководствомъ митрополита Арсенія Могилянскаго, и былъ проектъ, или мнѣніе о возможно лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ Академіи. Мнѣніе это, утвержденное м. Арсеніемъ, получило значеніе устава для Академіи и потому является драгоцѣннѣйшими матеріалами для исторіи нашей старѣйшей Академіи за время второй половины XVIII в. Важное историческое значеніе академической инструкціи 1763 года еще болѣе возвышается слѣдующими особенностями ея. Съ одной стороны, инструкція эта обнимаетъ всѣ стороны внутренней академической жизни и, такимъ

образомъ, даетъ полное и цѣлостное представленіе объ этой послѣдней; а съ другой стороны, составители инструкціи руководились древними академическими традиціями, изъ которыхъ однѣ были возстановлены, какъ полезныя, а другія, наоборотъ, были отиѣнены, какъ уже отжившія свой вѣкъ, или же прямо вредныя въ какомъ-либо отношеніи. Благодаря всему этому, академическая инструкція 1763 года проливаетъ свѣтъ и на предшествующую исторію Академіи.

Самая инструкція состоитъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «мнѣніе, чему именно, въ какой школѣ, и какъ обучать должно?» довольно подробно излагается программа учебнаго курса всѣхъ классовъ, или школъ Академіи; во второмъ—точно обозначается, «когда и кому именно изъ учителей ходить въ свою школу, сколько въ оной сидѣть, такожъ когда какую школу каждому начинать и кончить»; въ третьемъ содержится «рописание, какимъ образомъ часы для ученія въ академіи кievской раздѣлены», въ четвертомъ—говорится о томъ, «какъ учителямъ и внутрь и внѣ своей школы поступать», а въ пятомъ—о томъ, «чего именно ректору съ префектомъ наблюдать найприлежнѣйше должно».

Инструкція 1763 года знакомитъ насъ съ нѣкоторыми весьма интересными обычаями и любопытными порядками тогдашней академической жизни. Въ одномъ, напр., мѣстѣ инструкціи внушается учителямъ, что они «всякаго дня приходя въ свою школу по означенному себѣ сигналу, должны всеу времени не терять, забавляя учениковъ или нѣкоторыми баснями (какъ прежде сего часто обычай бывалъ), или инымъ какимъ бесполезнымъ образомъ, но по приходѣ своемъ тотъ часъ дѣло свое начинать, и о произвожденіи онаго со всякимъ успѣхомъ всемѣрно стараться». Учители должны были во всемъ слушаться ректора и префекта, не прекословить въ исполненіи ихъ законныхъ требованій и не вмѣшиваться «въ дѣла, единственно касающіяся префектовской должности». Учители «не должны были отъ служенія соборнаго ни мало отговариваться» (кромѣ непритворной болѣзни); но «на берегъ къ Дибіру съ прежняго обычая прохаживаются, такожъ лѣтнего времени съ учениками на рекреацію въ поле ходить не воспитательно» было. Наконецъ, учителя должны были «какъ самы богоугодное и непорочное житіе всегда проводить, такъ и учениковъ къ тому добрымъ ученіемъ всетщательно опасаясь за нераченіе въ томъ суда Божія и архиепископскаго истязанія, наставлять, образъ всякой добродѣтели отъ себе подавая».—Ректоръ былъ верховною властію въ Академіи, а префектъ былъ начальни-

комъ преимущественно въ отношеніи къ ученикамъ. Оба они должны были посѣщать «въ недѣлю двѣ школы, а въ другую неделю другіе двѣ, и такъ и прочіе кругомъ, а когда въ школу прійдутъ, учитель при нихъ учить будетъ, а они слышать хотя черезъ полчаса, такожь и вопросами отвѣдывать учениковъ, знаютъ ли, что уже должно бы имъ знать». вмѣстѣ съ тѣмъ среди академической корпорации существовало нѣчто подобное домашнему суду. Вслучаѣ недоразумѣнія между учениками и учителемъ, дѣло разсматривалось въ собраніи всѣхъ учителей подъ предсѣдательствомъ префекта, при чемъ недовольные имѣли право обращаться потомъ съ жалобой къ ректору; если недоразумѣніе происходило между самимъ префектомъ и учениками, то дѣло разбиралось учителями подъ предсѣдательствомъ ректора; обращаться же съ жалобами къ высшему начальству (митрополиту), «мимо верховную академическую команду, то есть, ректора», запрещалось, «подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ». Въ Академіи того времени видимо процвѣтала система тѣлесныхъ наказаній. За каждую провинность полагалось соответствующее наказаніе лозою, или палкою отъ 3 до 20 ударовъ. Употреблялся, кромѣ того, такъ называемый калекулюсъ. «Между студентами Академіи кievской и солдатами, такожь Магистрату кievскому, сотенной Кievской канцеляріи и другимъ командамъ подсудственными людьми» происходили иногда споры и драки. «Обычай древній въ Академіи кievской былъ ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ девятаго числа по 1 число сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и сунтаксими бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся, и вовсе никакого же питанія ни откуду не имущихъ, для испрошенія себѣ милостины».

Изданная проф. Голубевымъ инструкція 1763 года имѣетъ важное значеніе не только для исторіи Кievской Духовной Академіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для характеристики ея составителя—Самуила Миславскаго, скончавшагося въ 1796 году въ санѣ кievскаго митрополита. Въ виду собственно этого считаемъ позволительнымъ и умѣстнымъ обратить вниманіе будущаго біографа кievскаго митрополита Самуила Миславскаго на слѣдующее обстоятельство, пропущенное авторомъ существующей біографіи Самуила—Рождественскимъ. Инструкція для кievской Академіи 1763 года была вторично издана Самуиломъ Миславскимъ въ измѣненномъ—отчасти сокращенномъ, отчасти дополненномъ—видѣ. Это случилось въ 1769 году, когда Самуиль Миславскій былъ Бѣлгородско-обоянскимъ епископомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывалъ Харьковскимъ коллегіумомъ. Послѣдній былъ

однимъ изъ превосходнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ южно-русскихъ учебныхъ заведеній прошедшаго вѣка. Основанный въ 1726 году Бѣлгородско-обоянскимъ епископомъ Эпифаніемъ Тихорскимъ подъ именемъ славяно-греко-латинскихъ школъ и покровительствуемый тогдашнимъ меценатомъ Бѣлгородской провинціи кн. М. М. Голицынымъ, Харьковскій collegіумъ быстро разцвѣлъ и скоро сдѣлался самымъ любимымъ и симпатичнымъ для всего слободско-украинскаго населенія учебнымъ заведеніемъ. И самую блестящую эпоху въ исторіи Харьковскаго collegіума было именно время управленія Бѣлгородско-обоянскою епархіею и вмѣстѣ Collegіумомъ Самуила Миславскаго. Въ самый годъ вступленія преосв. Самуила на Бѣлгородско-обоянскую архіерейскую кафедру въ Харьковскомъ Collegіумѣ, по приказанію Императрицы Екатерины II, были учреждены прибавочные, или вспомогательные классы, въ которыхъ должны были преподаваться воспитанникамъ математика, геометрія, рисованіе, инженерство, артиллерія, геодезія и языки: итальянскій, французскій и нѣмецкій, тогда какъ въ нормальныхъ классахъ collegіума изучались слѣдующіе предметы: богословіе, философія, естественная исторія, физика, риторика, пѣнтяка, этика, гражданская исторія, географія, музыка, живопись и языки: еврейскій, греческій, латинскій, славянскій и русскій. Преосв. Самуиль, съ своей стороны, распорядился, чтобы прибавочные классы посѣщались не одними только дворянскими дѣтьми, для которыхъ они преимущественно предназначались, но и всѣми вообще учениками Collegіума. А для того, чтобы посѣщеніе учениками Collegіума прибавочныхъ классовъ не вносило никакого замѣшательства или безпорядка на общій ходъ collegіумскаго преподаванія, преосв. Самуиль издалъ составленные имъ: а) «росписаніе часовъ, по которымъ имаяно должны обучаться какъ латинскаго языка, русской грамматики, риторики и поэзіи, тако же и языковъ иностранныхъ и другихъ искусствъ въ новопривавочныхъ классахъ преподаваемыхъ Харьковскаго collegіума ученики» и б) *«Инструкція Харьковскаго училищнаго Collegіума ректору и богослову учителю Юеву да префекту и философіи учителю Харьковскому протоіерею Михаилу Шванскому съ учителями о томъ, какъ и чему именно въ ономъ Collegіумѣ учить»*. ¹⁾

¹⁾ Она отпечатана въ „Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Рос.“ 1885 г., Окт.—Дек. (Кн. 4), стр. 60—79.

Послѣднюю «инструкцію», изданную преосв. Самуиломъ Миславскимъ въ 1769 году, мы и имѣемъ въ виду. Она во многихъ случаяхъ буквально сходна съ «инструкціей для кievской духовной Академіи 1763 года». Такъ, въ первомъ трактатѣ, озаглавленномъ въ кievской инструкціи: «Въ священной Богословіи», а въ Харьковской инструкціи просто: «въ Богословіи» § 10 первой совершенно сходенъ съ § 6 второй, § 11 первой—съ § 8 второй, § 12 первой—съ § 4 второй и § 13 первой—съ § 5 второй; но въ указаніи пособій по «богословіи» (особенно русскихъ) харьковская инструкція подробнѣе кievской. Во второмъ трактатѣ, который въ обѣихъ инструкціяхъ озаглавляется такъ: «въ фiлософiи» §§ 1 и 4 совершенно сходны между собою и только въ указаніи пособій по фiлософiи харьковская инструкція является болѣе точной, чѣмъ кievская.—Дальнѣйшее сравненіе между двумя разсматриваемыми инструкціями также обнаруживаетъ между ними во многихъ случаяхъ буквальное, а въ другихъ болѣе или менѣе приблизительное сходство. Совершенно самостоятельными являются въ кievской инструкціи трактаты: 1) въ «еврейской школѣ», 2) въ французской школѣ, 3) въ нѣмецкой школѣ», а въ харьковской инструкціи трактатъ «о катихвизіи».

Словомъ, сравненіе кievской и харьковской инструкціи показываетъ, что въ половинѣ прошедшаго столѣтія южная Россія имѣла два почти совершенно одинаковыхъ превосходныхъ разсадника высшаго образованія, Кievскую Академію и Харьковскій Коллегіумъ. Исторія оживительнаго благоустроенія обѣихъ этихъ учрежденій неразрывно связана съ именемъ кievскаго митрополита Самуила Миславскаго.

Ө. Титовъ.

Къ исторіи пьянства въ Малороссіи. *Два распоряженія гр. П. А. Румянцева.* 1) Отъ графа Румянцева-Задунайскаго Черниговскому Намѣстническому правленію циркулярно въ должности всевысочайшихъ Ея Императорскаго Величества о губерніяхъ учрежденій Генералу Губернатору предписанной, обязанъ онъ между прочимъ оказывать добротство, любовь и соболѣзнованіе къ народу, пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишества и безпутства; а земскому исправнику въ уѣздѣ и городничему въ городѣ препоручено: «словами поощрять обыва-

телей, не токмо ко всякому роду дозволеннаго трудолюбія, рукодѣлія и промысла, но и вообще всѣхъ людей къ добронравію, челоуѣколюбію и порядочному житію» и особливо состоявшагося устава благочинія или полицейскаго въ статьѣ 256 сказано: «Буде кто найденъ будетъ на улицѣ или въ общенародномъ мѣстѣ отъ пьянства въ безпамятствѣ, да накажется суточнымъ воздержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ; «буде же кто злобыченъ въ пьянствѣ, непрерывно пьанъ (sic) или болѣе времени въ году пьанъ, нежели трезвъ, того отдать на содержаніе въ смирительный домъ, дондеже исправится». Въ наблюденіе коихъ, и видя съ крайнимъ сожалѣніемъ, что нѣтъ почти преступленія и злодѣянія, коихъ бы происшествію и пагубнымъ слѣдствіямъ не было причиною, узнаю необходимо нужнымъ намѣстническому правленію симъ препоручить, чтобы оное къ воздержанію и охраненію отъ чрезмѣрнаго пьянства приказало о семъ моемъ предложеніи и сію изъ всевысочайшаго устава статью выписавъ, во всѣхъ городахъ и уѣздныхъ селеніяхъ, къ свѣдѣнію всѣмъ и каждому, публиковать, и при томъ городничимъ и земскимъ исправникамъ притвердить, дабы они всепрілѣжно старались увѣщаніями приводить жителей къ порядочному и трезвому житію, а за тѣмъ съ невоздерживающимися отъ пьянства поступали по точности предписанныхъ въ оной статьѣ правилъ. 9 дня Марта 1783 года. Вишеньки.

2) Отъ него-же Черниговскому Намѣстническому Правленію циркулярно. Изъ присланнаго ко мнѣ Кіевскаго Намѣстничества отъ палаты уголовнаго суда экстракта изъ дѣла о колодникахъ Козелецкаго уѣзда мѣстечка Борышевки жителяхъ козакѣ Якимѣ Котляренкѣ и мѣщанскомъ сынѣ Саввѣ Дудкѣ, оказалось, что первый изъ нихъ, по закладу или условію съ служителемъ діакона Михайла Кудлаевскаго Давыдомъ Сердюченкомъ, покупкою ему для выпитія вдругъ одной кварты горячаго пѣннаго вина, и оба допущеніемъ его къ тому, льстясь отъ него, ежели бы онъ не выпилъ одной, получить пять квартъ вина, здѣлались причиною послѣдовавшей ему въ то же время смерти. Я въ томъ разсужденіи найпаче что сіе преступленіе произошло точно отъ чрезмѣрной жадности къ пьянству, которое, какъ уже изъ прошедшаго моего намѣстническому правленію отъ 9 прошедшаго Марта примѣчанія видно, всѣмъ почти преступленіямъ и злодѣяніямъ бываетъ главною причиною, нахожу весьма нужнымъ сему правленію и теперь особливо препоручить, чтобы оно давъ знать повсюду въ губерніи о вышепрописанномъ происшествіи и пагубныхъ слѣдствіяхъ пьянства къ отвращенію вообще подобнаго зла

приняло всѣ наилучшіе и съ законами сходственнѣйшія мѣры, а земскимъ исправникамъ и городничимъ притвердило, дабы они, имѣвъ въ должности ихъ точное предписаніе приводить жителей къ благонаравію и порядочному житію, ничего нимальше къ тому не упуцали, и къ лучшему надъ домашними ихъ или подчиненными въ томъ при-смотре посредствомъ увѣщаній, кому надлежитъ внушали. 25 числа октября 1783 года. Вишеньки.

Сообщилъ А. Л. Ковалевскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павликова. Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. И. Яковенко. Спб. 1894 г.

На протяженіи 95 стр., которыя заключаетъ въ себѣ очеркъ, можно было помѣстить лишь въ сжатомъ видѣ главнѣйшіе факты изъ сложной и богатой своимъ разнообразіемъ жизни Т. Г. Шевченка. Къ сожалѣнію, авторъ разсматриваемаго очерка значительную часть и этихъ немногихъ страницъ посвятилъ различнымъ публицистическимъ отступленіямъ въ нѣсколько тенденціозномъ духѣ, извращающимъ къ тому же дѣйствительный характеръ разсматриваемой личности. Не входя въ разсмотрѣніе достоинства представленной здѣсь характеристики поэта, національное значеніе котораго представляется автору очерка слишкомъ слабо, укажемъ лишь на нѣкоторыя, встрѣченныя нами въ очеркѣ, фактическія погрѣшности, обусловленныя въ значительной степени указаннымъ тенденціознымъ замалчиваніемъ основныхъ принциповъ разсматриваемой личности.

Прежде всего бросается въ глаза исключеніе авторомъ изъ списка источниковъ многихъ цѣнныхъ статей и монографій, которыя, не смотря на то, цитируются имъ иногда въ самомъ текстѣ. Такъ, показавши въ числѣ матеріаловъ «Очерки по исторіи украинской литературы» Н. И. Петрова, авторъ не указываетъ весьма цѣнной критической монографіи проф. Н. П. Дашкевича по поводу указанной книги. Не указавши затѣмъ труда проф. В. Б. Антоновича въ «Чтеніяхъ общества лѣтописца Нестора», весьма важныхъ въ біографическомъ отношеніи «Хуторной поэзіи» Кулиша и статьи г. Конискаго въ украинскомъ журналѣ «Зоря» за 1893 г., г. Яковенко проходитъ даже совершенно непонятнымъ молчаніемъ помѣщенную въ

«Русской Мысли» за прошлый годъ статью послѣдняго автора— «Дѣтство и отрочество Т. Г. Шевченка», представляющую впервые полный и критически провѣренный очеркъ означеннаго періода жизни нашего поэта.

При такомъ отношеніи автора къ источникамъ, нисколько не удивляютъ насъ многочисленныя ошибки въ фактической сторонѣ разсматриваемаго очерка, начинающіяся съ первой же страницы. Очеркъ начинается совершенно излишнею догадкой относительно опредѣленно извѣстнаго времени смерти отца поэта, пропсшедшей 21 марта 1825 года. На первой же стр., въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ, с. Кирилловку, въ которой поэтъ провелъ значительную часть своего дѣтства, авторъ очерка помѣщаетъ въ Каневскомъ уѣздѣ, хотя на 10-й стр. показываетъ ее уже въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ которому она, дѣйствительно, и принадлежитъ. На 2-й стр. авторъ указываетъ на «тотъ странный на первый взглядъ фактъ, что о ней (о своей матери) поэтъ нигдѣ не вспоминаетъ, даже въ своихъ явно-субъективныхъ повѣстяхъ и стихотвореніяхъ»; но этотъ «странный на первый взглядъ фактъ» просто устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что біографу Шевченка неизвѣстны такіе даже классическіе перлы нашего поэта, какъ стихотвореніе— «Яеъ-бы вы знали, паньчи», не говоря уже о другихъ. Отъ недостатка критическаго отношенія къ имѣющемуся подъ руками біографическому матеріалу произошла у г. Яковенка замѣна священника Губскаго (учителя Шевченка)—мѣщаниномъ Губскимъ (стр. 13), с. Хлыповки—с. Хлѣбновкой (стр. 15); несостоятельно также заявленіе автора очерка, что занятія Шевченка гравюрой, по возвращеніи изъ ссылки, «шли не особенно успѣшно» (стр. 74): извѣстно, что за представленныя въ 1859 г. въ академію художествъ гравюры поэтъ получилъ званіе академика. Насколько вообще рискованы и лишены всякой практической почвы соображенія автора относительно фактической стороны жизни поэта, видно изъ того, напр., мѣста очерка, гдѣ говорится объ арестѣ Шевченка (47 стр). Г. Яковенко мотивируетъ арестъ поэта тѣмъ, что у участниковъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Кіевѣ найдены были непечатанныя стихотворенія Шевченка, вслѣдствіе чего изъ Петербурга пришло предписаніе въ Кіевъ арестовать поэта; но, какъ извѣстно, арестъ Костомарова произошелъ 31 марта 1847 г., арестъ Шевченка—5 апр. того-же года; возможно-ли допустить, чтобы при тогдашнемъ отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ сообщеніе изъ Кіева въ Петербургъ и обратно произошло въ теченіи 4 дней?!... Нельзя также

не отмѣтити безразличнаго смѣшенія въ очеркѣ малорусскаго и «вообще русскаго» языковъ; кажется, вопросъ этотъ достаточно изслѣдованъ и выясненъ. Очеркъ написанъ легко и живо и читается съ интересомъ, хотя и портитъ подчасъ впечатлѣніе слишкомъ развязный, неумѣстный тонъ, въ который иногда впадаетъ авторъ.—Вообще же отъ бібліотеки Павленкова можно было-бы ожидать болѣе серьезнаго и безпристрастнаго біографическаго очерка украинскаго поэта.

А. Л—кій.

- 1) *Адресъ-календарь и справочная книжка полтавской губерніи на 1894 годъ Ц. 1 руб.*
- 2) *Календарь черниговской губерніи на 1894 годъ Ц. 1 руб.*
- 3) *Черниговская памѣтка. Карманная справочная книжка на 189^{1/2} годъ. Ц. 75 коп.*

Эти изданія администраціи Черниговской и Полтавской губерній на текущій годъ не представляютъ въ содержаніи своихъ статей чего-либо выдающагося и интереснаго въ историческомъ отношеніи. Въ Полтавскомъ календарѣ, кромѣ свѣдѣній статистическихъ, справочныхъ, календарныхъ и адресныхъ, даже и нѣтъ никакихъ статей съ систематическою разработкою данныхъ. Въ Черниговскомъ календарѣ, напротивъ, встрѣчаемъ прекрасно разработанныя статьи о полезныхъ ископаемыхъ въ губерніи, о состояніи пчеловодства въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, о нашествіяхъ саранчи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, о ростѣ лицъ, принятыхъ въ военную службу въ 1874—93 годахъ и т. п., есть тутъ и перепечатка свѣдѣній изъ старыхъ сочиненій по исторіи Южной Россіи (Бантыша-Каменскаго, Георгія Кописскаго, Марьевича, Миллера) о значеніи малороссійскихъ чиновъ, начиная отъ гетмана и кончая хорунжими. Историческихъ изслѣдованій въ полномъ значеніи этого слова и въ Черниговскомъ календарѣ нѣтъ.

Особенное вниманіе изъ перечисленныхъ книгъ можетъ быть остановлено на послѣдней книжкѣ, имѣющей характеръ офиціознаго изданія, но и по внѣшнему виду и по содержанію представляющей новинку. Въ этой книжкѣ въ 16-ю долю листа, предназначеной служить справочною въ теченіе двухъ лѣтъ, помѣщены портретъ г. черниговскаго губернатора, изящно-исполненные (красками) гербы уѣздовъ черниговской губерніи, снимокъ съ жетона въ честь 900-лѣ-

тія черниговской епархіи, изображеніе Преосвященнаго Θεодосіа Углицкаго, которому приложенъ историко-біографическій очеркъ жизни этого святителя, составленный А. И. Ханенко. Изъ справочныхъ свѣдѣній въ «памяткѣ» внесены законы объ охотѣ съ раскрашенными табллицами о срокахъ охоты на звѣрей и птицъ, о полезныхъ и вредныхъ для сельскаго хозяйства птицахъ и т. п. Небольшія статейки о раскольничьемъ Стародубѣ, о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ въ черниговской губерніи (А. Марковича), о Черниговской губерніи вообще по послѣднимъ статистическимъ даннымъ и т. п. разнообразятъ содержаніе этой книжки, полной также справочными и календарными свѣдѣніями. Можно конечно пожалѣть, что въ ней не помѣщенъ планъ г. Чернигова, ориентироваться въ которомъ пріѣзжему очень трудно, и даны адреса далеко не всѣхъ служащихъ въ Черниговѣ и губерніи. Но слѣдуетъ привѣтствовать изданія подобнаго рода, которыя даютъ возможность за 75 коп. узнать кое-что и о Черниговѣ и о черниговской губерніи.

Необходимо отмѣтить еще одну особенность послѣдней книжки. На обертѣ ея помѣщена съ подписью «Черниговскій городской валъ» извѣстная картина даровитаго черниговскаго художника И. Г. Рашевскаго. «Нѣмые свидѣтели гетманской славы». Пушки, лежащія на валу, изображенномъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ до 50-хъ годовъ истекающаго столѣтія, заливная пойма Десны, надъ которою паритъ чайка—все содержаніе этой картины; но выполненіе ея въ видѣ виньетки маленькой книжки самимъ художникомъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ какъ имъ и здѣсь сохранена та чарующая прелесть картины, которая доставила ей извѣстность.

А. Р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ 85 выпускъ.

(Побѣжалость—Польша)

„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“,

изданіе съ 44 вып. Т-ва А. Гранатъ и К^о, бывш. Т-ва А. Гарбель и К^о.

Изданіе обнимаетъ всѣ отрасли знанія и стремится содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію. Съ 6 тома, кромѣ прежняго состава редакціи согрудниковъ, въ изданіи принимаютъ участіе: проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, пр.-доц. Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, пр.-доц. А. Г. Гусаковъ, Діонео, маг. А. И. Камника маг. А. К. Кедровъ, проф. В. Ф. Левитскій, пр.-доц. И. Л. Лось, проф. И. В. Лучицкій, проф. И. Н. Миклашевскій, С. А. Муромцевъ, В. А. Мякотивъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри М. Ы. Ремезовъ, проф. Э. Л. Радловъ, пр.-доц. А. Р. Свирщевскій, А. И. Суббогинъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, В. В. Чуйко проф. А. И. Чууровъ и др.

Въ вышедшихъ 85 выпускахъ (составляющихъ 6 томовъ и 1 вып. 7-го тома), помѣщено 62,835 статей и замѣтокъ, 1,191 портретъ и рисунокъ, 18 географическихкихъ картъ, хромо-и олеографіи, таблицы рисунковъ, 1-я серія „Снимковъ съ картинъ классическихкихъ художниковъ“.

Все изданіе составитъ 108—115 выпусковъ или 8 томовъ и будетъ закончено въ 1894 году. Цѣна тому (14 вып.) на обыенов. бум. 4 р. 20 к., на лучш. бум. 5 р. 60 к., тому въ перепл. 4 р. 50 к., и 6 р. За пересылку прилагивается 10% цѣны. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Допускается разсрочка на слѣд. условіяхъ: при подписсѣ вносится 5 руб., послѣ чего высылаются первые 6

том. съ наложеннымъ платежомъ въ 5 р., остальные деньги выплачиваются трех-мѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно.

Главная контора: Москва, Долгоруковскій, 8. Отдѣленія конторы: Одесса, Малый пер. д. Гессена; Саратовъ, Мало-Сергіевская ул., д. Губерн. Земской Управы, Томскъ, при Агентствѣ „Западная Сибирь“; Самара, при Редакціи „Самарской Газеты“; Таганрогъ при редакціи „Таганрогскаго Вѣстника“.

Понедѣлокъ. 23. Сегодня рано быдемъ у князя, обѣдаемъ у паней. Повторная грамота до пана гетмана прислана о поговости всѣхъ въ походъ военныхъ.

Вовтор. 24. Сегодня службы Божой служалемъ у паней и обѣдаемъ. Прошоеъ началемъ принимать.

Середа. 25. Конфектъ принимаемъ проносный, до прошку належный. Алексѣи виправленъ, черезъ которого писалемъ до род. о коняхъ князю обѣщанныхъ, объ отездѣ въ Харьковъ, о моемъ приуготовленіи въ походъ, да ему жъ зъ выборными овцами и скотивою ити въ Москву; на експенси далемъ 15 р., а ему 5 р. и кунтушъ мой легкой. Черезъ его жъ писалемъ до сестри и Алексавдра, да ему жъ наказъ въ 7 пунктахъ далемъ, а покупки спорадить: футро лисее плюмовее, да рисее хребтовое, вина красного бутилокъ, да гишпанского 10 (*Далѣе слѣдуетъ рецептъ*). Обѣдаемъ зъ п. Федоромъ, который и отехалъ въ домъ свой, и Шетакомъ, а по обѣдѣ были у насъ п. судѣная и п. Кондзеровская, а потомъ ездилемъ лодкою до п. Михайла и позно повернулся. Павуй на Кучеровку зъ приселками, Сасиновку и Ливовицю присланъ унѣверсаль гетманскій, черезъ Турковского.

Четвер. 26. Сегодня рано до князя Шаховского заходимемъ, а обѣдаемъ у паней. Князь за слюсара и за виговоръ Матвѣемъ учиненный, виговариваль.

Пятоеъ. 27. Сегодня быдемъ у князя и у гетмана зъ поздравленіемъ вѣкторіи. Жѣнѣ далемъ 30 р. на покупку жита. Разбивали и пересмотрували палатокъ, зъ которыхъ одна кана круглая, наметъ палатка вибойчатая, да палатка новая московская, да 3 палатки крашенивовихъ старихъ, итого 7, кромѣ нужника. П. Павлова кролевецкая (Огіевская) писала ко мнѣ привѣтъ, до которой отписалемъ.

Субота. 28. Сегодня рано былъ я у князя, которому доношеніе отъ паней о посліцѣ въ деревнѣ ей опредѣленвіи офѣцера написанное, подалемъ етс. Обѣдаемъ у паней, а по обѣдѣ заездилемъ и посѣщалемъ Тернавіота, въ арестѣ зде, въ Глуховѣ, содержачогося, по навѣту прѣтопони кіевского Ширѣпи. Писалемъ до

Ромна, до род., отвѣтній листъ на письмо сегодня полученное родительское, о поездѣ князя въ Харьковъ, да приложимъ письмо до Велинского и Демяна о присилцѣ вѣдомости о учинившемся мнѣ отъ Котинца, въ футорѣ Лукомскомъ, разореніи. Черезъ господара п. Григоріевой писалемъ до неѣ и 6 р. послалемъ на . . . (?). Рагозвискій Гаврило пріехалъ, а Новоторжцовъ чаю мнѣ горсть даль.

Неделя. 29. Сегодня обѣдалисмо всѣ у пана гетмана и подпяхомъ,

Понеделокъ. 30. Сегодня крестини были дочери князя Шаховского, воспріемниками были гетманъ зъ дочерю княжею, а сенокъ княжій зъ тіоткою, где и обѣдалисмо многіе, и п. Павель, миргород. полковникъ, пріехавшій. Старики села моего Сваркова, Володко да Гладкій, были у мене и говорили о томъ, что село Сварковъ было шляхетское до гетмана Хмелницкого, которое осажоваль нѣкоторий шляхтичъ Пѣсочинскій, а дань готовую забиралъ съ нихъ по копѣ грошей, пѣвня и конопель часть, а посла Богдана Хмелницкого, козакъ знатній Филипча владѣлъ онымъ селомъ по смерти своѣ, а по смерти его, у сына его Демяна отойшло оное зъ его подданства, и было волное, подъ присудомъ сотеннимъ глуховскимъ, до того времени, якъ мнѣ оное 1718-го году досталось.

М-ць юль. Вовтор. 1. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ пріездила панѣ до насъ зъ тою вѣдомостю, что панъ гетманъ послалъ по старость монастыра Гамалѣевского трохъ, чтобъ они пріездили въ Глуховъ; затимъ, ездилемъ до п. Михайла, где засталемъ у пана гетмана князя. И посидѣвши довольно, повернемся назадъ, а дожть великій ишоль. Архинъ Сварковскій бувъ, которого простилемъ, а велѣлемъ ему быть тогда, якъ будетъ допросъ о селѣ.

Середа. 2. Сегодня рано былемъ у князя Шаховского, затимъ, что панъ гетманъ послалъ по старость Гамалѣевского монастыра сюда имъ битъ, и увѣдомилемся, что они сюда будутъ, для того чтобъ взять вѣдомость о Мугинѣ, Каменѣ, Марчишиной Будѣ, Макову, Руднѣ, Бирину, Роговцѣ и Пушкарахъ, якіе зъ нихъ приходи въ годъ бивали, а то ради того, что имѣють отобраны

быть до двора гетманского, по указу. Обѣдалемъ у паней. Приехали зъ Сухоносовки Донецъ и кучерь и пригнали зъ собою овецъ зъ ягнятами—15, барановъ 25, коней 8, сукна жовтого локоть 40, червоного 40, мухояру 40, полотна локоть 117, полотна плоско-ного локоть 60.

Четвер. 3. Сегодня рано подалемъ отъ тіотки вѣдомость князю купленныхъ грунтовъ, въ селахъ отбираемыхъ обрѣтающихся, а именно: въ Марчишиной Будѣ млинъ, у Оникіихи купленъ за 800 р., у Мутигѣ, на Сейму, кола собственніе, Загорская слобода въ Стар. полку купленная и млини построени на купленной землѣ. Обѣдалемъ у паней, где билъ братъ п. Михайло зъ панею.

Пятокъ. 4. Сегодня рано быдемъ у князя, где были и переводчики нравъ, а были потомъ у мене протопопи пѣратинскій и роменскій. Вѣжевекому на расходъ далемъ 15 р. и записалемъ. Слугамъ своимъ далемъ: Вѣжевекому кунтушъ свой гранатовий, сукно и полтора рубля, Петру—кунтушъ рудий, сукно и полтора р., Юску—каванъ китаевий, сукно и полтора р. Павлу—сукно и полтора руб. Машталѣру Тимошу—бѣлякъ, мухояръ и таларъ. Донцу машталѣру—сукно и 20 а., кучеру—20 а., господареву—сукно и 5 р. Опанасъ (Жуковскій), сотникъ глиньскій, былъ у мене.

Субота. 5. Отправлени Донецъ и кучерь, черезъ которыхъ писалемъ до род. о вьездѣ въ Харьковъ вняжомъ и о взяттѣ вновь сказокъ отъ старожилловъ о селахъ род., якіе суть, а до Волинского о томъ же, такъ же о присилки вѣдомости починенныхъ отъ Кодиця обидѣ намъ у футорѣ. Князь Шаховскій поехалъ въ Харьковъ до фелтмаршала князя Голѣцина.

Неделя. 6. Писалемъ въ Москву, черезъ почту, до Курбатова, повторяя первое прошеніе, до Александра и до сестри, а цедулою— о присилки часовъ. П. Павелъ Апостоль, миргор. полковникъ, поехалъ въ Москву. Черезъ сотника говтвянского посладемъ писма до сестри и до Александра о направкѣ часовъ, отъ сестри мнѣ данныхъ, зъ будѣлникомъ, якіе часи оному сотниву мнѣвъ дать п. Михайло, а я ему далъ. У Мануйловича, асаули епер., былисмо и обѣдали, для того, что сегодня дочери его за Пироцкимъ родив-

шееса дита крещенно, при воспріемничествѣ гетмана и тіотки моей, брегадира и комендантши. Князь Шаховскій сказивалъ вленть фарфурніе посуды, когда разбются, бѣлкомъ лечимъ свѣжимъ, заразы отъ курки взятимъ, поколь не застинетъ, помазати и слѣпить помазанніе росколини, поколь осхнутъ.

Понедѣлокъ. 7. Сегодня рано былъ у мене Тарноліотъ ¹⁾, которого зъ подъ вѣрѣного аресту освобождено, а велѣно бити при немъ полѣтичному аресту. Ездилисмо до паней, а съ нами Новоторжцовъ зъ женою, и обѣдали; ему панѣ подарила 20 р., а жонѣ его таѣу.

Вовтор. 8. Сегодня не ездилемъ никуда, а пересмотривалемъ книгъ своихъ и пересушувалемъ, которыхъ по ищисленію показалось, болшихъ книгъ самихъ—88, аркушовихъ—29, четвертовихъ и малихъ—223, итого 340. Обѣдалемъ съ Новоторжцовимъ и женою его и дѣтми нашими. Зъ Тулиголовъ имбаръ перевезли сюда, который на той сторонѣ Раховки строится.

Среда. 9. Ездилемъ до п. гетмана, откуду зъ п. Михайломъ ездилемъ до паней и тамъ обѣдалемъ, и подніахомъ черезъ цѣлий день.

Четвер. 10. Сегодня рано ездилемъ въ Сварковъ, где и обѣдалемъ, по обѣдѣ заездилемъ до футора, оттуду назадъ поворочаючись, засхалемъ до паней, где и вечералемъ. Панъ гетманъ послалъ указъ до полковника прилуцкого Галагана, чтобъ монастира Гамалѣвского, въ маестностяхъ полиовихъ, мужики не слухали.

Пятокъ. 11. Былъ у мене протопопъ пѣратинскій Ѳома Збрискій, черезъ которого отездившого писалемъ до род., зъ прилогомъ повшехныхъ вѣдомостей, и до брата п. Семена, о присилкѣ сюда Романа. Вѣжевскому далемъ въ расходъ 8 р. По вѣдомости Клина, господара, видимо, что за рыбу взялъ онъ вялую 107 р. и 80 а., опричь просолной осятрини.

Субота. 12. Сегодня рано ездилемъ до п. гетмана и до Молчанова, обѣдали у паней.

¹⁾ Повидимому, говорится о Петрѣ Тернавигѣ, войтѣ нѣжинскомъ. См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 62.

Неделя. 13. Сегодня обѣдаемъ у паней. Купилемъ коляску у Молчанова, полукаретку, за 24 р.

Понеделокъ. 14. Сегодня писалемъ писма въ Астрахань до Якубовича и Худолѣя, о вспоможеніи людямъ моимъ и чтобъ послали кого зъ людей въ Астраханѣ обрѣтающихся моихъ, въ помощь Уласу, о чомъ и до людей тихъ писалемъ; такъ же писалемъ до Уласа, упоминая его въ исправленіи и поисканіи разграбленныхъ пожитковъ моихъ; писалемъ же и до генерала Левашова, благодаря его за показанную милость ему Уласови, и такіе писма отдалемъ Молчанову, Якову Андрѣевичу, который полуполковникомъ пошолъ съ командою сегодня въ Низовій корпусъ. Обѣдалисмо дома и съ нами Новоторжцовъ и Тарноліотъ. По обѣдѣ былъ Ханенко зъ женою, такъ же п. Петрова и п. Михайлова, и Делука, и п. Михайло.

Вовтор. 15. Сегодня привялемъ слугу нового Гаврила Костенецкого, зъ уговоромъ на годъ плати ему 6 р. и каеанъ китайвий. Жидъ потреби здѣлалъ до кунтиша, шнурокъ и тасму, и паргаментъ.

Середм. 16. Сегодня обѣдалисмо у паней и увѣдомилися зъ писма Савки Терлецкого, что панъ гетманъ писалъ до полковника прилуцкого, дабы онъ старосту дубогаевского прислалъ въ Глуховъ, а мужикамъ сѣлъ Дубового Гая, Вѣлошапокъ и другихъ не велѣлъ слушать монастыра Гамалѣевского ¹⁾. Были у мене Кубраковскій и писарчикъ его и п. Михайло, до которого передомъ ездилемъ лодкою и повернулемся.

Четвер. 17. Сегодня панѣ до насъ рано пріездила и зъ женою моею ездила до пана гетмана, о деревняхъ отнятыхъ, висше упомянутыхъ, просить, где и обѣдала. Кубраковскій, значковий полку нѣжинского товаришъ, бувши въ юнѣ м-цѣ въ селѣ моемъ Сварковѣ, взялъ вѣдомость онимъ, чили сказку, у старожиловъ въ такой силѣ: соло Сварковъ сперва было шляхетское, полского шляхтича Пѣсочинского, которій оно и осадилъ на себе, а по гетманѣ Хмелницкомъ было владѣльческое, которимъ владѣлъ знатный козакъ

¹⁾ См. Русск. Арх. 1875 г., 11, 254.

глуховскій, зовемии Пилипча, а потомъ осталось волное войсковое и не было ни въ чіємъ подданствѣ и владѣніи, а вѣдомо только было присудомъ сотеннимъ глуховскимъ, а 1717-го году досталось знову во владѣніе бунчукового товариша Якова Марковича, который и понинѣ онымъ селомъ владѣеть, по унѣверсалу гетманскому и по монаршой жалованной грамотѣ, за службы войсковіе; а кромѣ висне писаннихъ владѣльцовъ оное село никуда не надлежало; подписался дякъ во мѣсто старожиловъ.

Пятокъ. 18. Сегодня послалемъ письмо до шваєгра п. Андрѣя Полуботка о моемъ пріездѣ извѣщающее. Юско, молодикъ, посланъ въ Ромень и въ фюроръ мой, черезъ которого писалемъ до род. поздравленіе, а до брата п. Семена о покупки сукна на кунтушъ рудосѣрого. Да до Волинского и Демяна—о исполненіи того, что въ приказѣ Юскови данномъ написано, а именно: о починеннихъ отъ Кодинцевъ ободахъ, о Марку, стадѣ, овцахъ, сѣнѣ, ичолахъ, горѣльцѣ и винницѣ, обѣ Алексѣви и прочемъ; ему жѣ на дорогу далемъ 20 р.

Субота. 19. Сегодня обѣдалисмо у паней. Дмитрій Федоровичъ Потіомкинъ, колежскій совѣтникъ, пріехалъ въ Глуховъ и сталъ въ дому п. Жураховского квартерою, который опредѣленъ членомъ въ судъ енералній. Князь Шаховской повернулся зъ Харкова въ Глуховъ.

Неделя. 20. Сегодня обѣдалемъ у паней, где была и панѣ гетманова зъ прочіими. Ездилемъ до Потіомкина.

Понедѣлокъ. 21. Валкевичъ пріехалъ зъ Москви. Обѣдалемъ у себе и съ нами Ханенко зъ панею, куда и Валкевичъ прійшоль.

Вовтор. 22. Сегодня рано былемъ у князи, обѣдалемъ у коменданта Писарева, потому что дочь именинница. Потомъ былемъ у п. Михайла, оттоль у паней, где и князя засталемъ, зъ которимъ къ нему пріехалемъ. Пріехали Камѣнскій, Демянъ и Романъ. Дожчь зъ великимъ вѣтромъ и громомъ былъ.

Середа. 23. Сегодня рано былемъ у князи и тамъ же обѣдалемъ, откуду зъ Танскимъ, переяславскимъ (полковникомъ), зайшолемъ до себе, куда потомъ пріехалъ п. Михайло. Тіотка п. Пав-

дова приехала зъ Ромна. Жураковскій былъ въ Сварковѣ и взялъ вѣдомость отъ селянъ о селѣ, что оно было шляхетское, а потомъ владѣльческое, а потомъ волюе, а нинѣ знову по силѣ моего владѣнія, владѣльческое.

Четвер. 24. Сегодня Петро Яновскій, писарь роменскій, подалъ пану гетману суплѣку на род. за побитте, якую прислалъ панъ гетманъ до князя при своемъ листѣ. Обѣдалемъ у паней, у вечеру быдемъ у князя.

Пятокъ. 25. Сегодня отправилемъ Камѣнского въ Ромень и свою составилемъ чолобитную. Также—чолобитную панюй, въ отдачѣ пожитковъ.

Субота. 26. Сегодня быдемъ у суда генералного и чолобитную на Кодинцевъ обохъ подалемъ.

Неделя. 27. Сегодня обѣдалемъ у себе и со мною п. Яковъ, швагеръ, Валкевичъ, а по обѣдѣ Чуйкевичъ.

Понедѣлокъ. 28. Сегодня обѣдалисмо у паней и подпяхомъ, где князь былъ и протчіи.

Вовтор. 29. Сегодня обѣдали у мене Валкевичъ, швагеръ п. Яковъ, п. Михайло. Видѣлемъ грамоту обѣ Валкевичу до пана гетмана присланную, въ якой повелено до изслѣдованія, отдать ему село зъ деревнею Гориславле и . . . ¹⁾, а изслѣдовать подлинно: оніе свободніе ль, войсковіе и никому неотданніе и къ ратуши и другимъ урадамъ не подлежащіе.

Среда. 30. Сегодня Романъ отправленъ въ Ромень, которому на покупку колѣсъ далемъ 7 копъ и писалемъ черезъ одного до родителя и родителки.

Четвер. 31. Сегодня показивалъ мнѣ п. Яковъ Полуботокъ писмо п. Андрѣя, брата своего, въ якомъ написалъ, что онъ по силѣ духовной отческой должнъ всѣмъ имѣніемъ движимимъ и недвижимимъ зъ нимъ пополамъ дѣлиться. Панъ Яковъ, швагеръ, далъ мнѣ писмо, писанное отъ его до п. Андрѣя о томъ, что Криски село, якъ еще 1725 году декларовано было намъ отъ нихъ обо-

¹⁾ Пропущено мѣсто.

ихъ, такъ бы и теперь оная декларация здѣлана, въ чомъ свое таковое представляетъ мнѣніе.

М-ць августъ. Пятокъ. 1. Сегодня швагеръ Полуботокъ п. Яковъ отехалъ зъ Глухова. Конюшество Демяну приказано, который и отправленъ въ степь, а съ нимъ писма до род., зъ прошеніемъ объ опредѣленіи степу скосить, и до Волинского о немъ Демяну, о присилцѣ 10 воловъ, о робленню гор. и побиттю пчолы, толко самой худой. Да ему жъ Демяну далемъ на сѣно денегъ 40 р., а осталось 60 р. Ему жъ въ опредѣленіи должности данъ приказъ пунктами.

Субота. 2. Сегодня рано былъ я у князя и тіотка. Прислана грамота о слободѣ Яворского зъ прошеніемъ вини его, что доносилъ на покойного Савича и Кутневского змѣну, а не довелъ, и если впредь въ чемъ проступить, безъ пощади смерть, а старику, который за то, что молился за царицу, страдалъ въ прошлыхъ годахъ, дано 100 р.

Неделя. 3. Сегодня будемъ у пана гетмана, обѣдаемъ у пани. У сотника Омеляновича будемъ, который обѣщаль служить взглядомъ футора Калюжновского. Князь выбралъ род. 7 коней, 5 гнѣдо пѣгихъ, а 2 воронихъ. Писалемъ въ Москву до Курбатова и Маркелова о Калюжновскомъ футорѣ и Андріяшовцѣ, до Александра и сестри—о часахъ. Получилемъ зъ Москви отъ Александра и сестри писма. Швагеръ п. Андрѣй Полуботокъ приехалъ и обѣдалъ у насъ. Отправилемъ осталніе отъ выбору конѣ 7 въ Ромень и Камѣнского, черезъ которого до родителя писалемъ и писма включилемъ до князя писанного копію.

Вовтор. 5. Сегодня п. Павлова отехала зъ Глухова.

Среда. 6. Преображеніе. Сегодня обѣдаемъ у князя, а по обѣдѣ были у мене п. Михайло, швагеръ п. Андрѣй и Бурковский. Швагеръ п. Андрѣй уступилъ село намъ Криски и взялъ уступное писмо для подпису своего, яке оставити въ Тулиголовахъ имѣлъ.

Четвер. 7. Сегодня рано ездилемъ до п. Михайла, где и пану гетману отклонился. Жѣнѣ далемъ 20 р. на покушу жита.

По обѣдѣ вѣехали зъ Глухова и пріехали перелѣ вечеромъ въ Тулиголови, где и заночовалемъ. Писалемъ зъ Тулиг. до швакгра п. Андрѣя Полуботка, умоинаючись о карту на село Криски, деклярованное намъ. и посылалемъ Юска, которого безъ отвѣту отъправиль, обѣщавшись оную карту, за повиданнемъ своимъ зъ братомъ своимъ п. Яковомъ, прислать въ Роменъ албо Глуховъ. Писалемъ писма въ Москву, до архиерея Новгор. и копію его писанія до парижскихъ богослововъ приложилемъ. Еще писалъ до сестри и Александра, а писма тіе брату п. Михайлу отдадемъ.

Пятокъ. 8. Старостѣ Тулиголовскому далемъ 5 р. на поупку свѣтлицѣ и комнати до муру, въ городѣ. Въ імбарѣ горѣлки оквитой 3 куви, а простой 2, великая и меньшая. Поехалемъ зъ Тулиголовъ и пріехали въ пустинку Мутинскую за полъ 3 год. Сего тыжня братія избрали зде себѣ настоятеля іеромонаха Памсія. *(Выписка изъ бл. Августина).*

Субота. 9. Сегодня ст. Тайнамъ въ монастирцѣ Мутинскомъ сообщался. Писалемъ до жени о разсиченню меду на шинки. Черезъ Федора Гайдука писалемъ до тіотки ясневел., прося въ путь благословенія.

Недѣля. 10. Сегодня пообѣдавши тутъ въ монастирцѣ, поехали зъ попомъ отцемъ Астравскимъ къ Ромну и уехавши миль 2, ночовалемъ у Кросень.

Понедѣлокъ. 11. Уехавши 4 милѣ, у Сухого Ромна обѣдалемъ, по обѣдѣ, у вечерномъ времени пріехали въ Роменъ, где засталемъ родителей обоихъ и братовъ всѣхъ, кромѣ брата п. Семени, въ добромъ здоровю, и Несторовича.

Вовтор. 12. Сегодня братъ Марко подарилъ мнѣ чубукъ и арапникъ. Обозний прилуцкій Огроновичъ былъ зде у родителя и со мною видѣлся.

Среда. 13. Сегодня братамъ Луцѣ и Івану подарилемъ 4 книжки, въ якомъ числѣ и „venerabilis Beda“, а інспекторови ихъ пятаю „De modo intentati suscripturum; а въ палубѣ осталось книгъ 27.

Четвер. 14. Отправленъ возъ воловий въ Глуховъ зъ 10 волами, а на возѣ 6 грудъ воску, а семой половина, а ваги въ тѣхъ грудяхъ фунтовъ 177, да на возѣ жъ новокупленныхъ колѣсъ 12. Юско, молодикъ, посланъ въ фюрорѣ.

Успеніе. Пятокъ. 15. Романъ за возомъ отправленъ въ Глуховъ, черезъ которого писалемъ до паней о спораженіи возовъ и горѣлки въ Москву, о горѣлцѣ жъ писалемъ до Романа тулиголовского. Да Роману далемъ 5 р. зъ полтиною, а Вѣжевскій полтину додалъ, итого 6 р., въ дорогу. Ездилемъ въ Засулскую пасѣку и видѣлемъ пчолы всеей 26, зъ которой 3 худихъ. Волинскій Иванъ, служитель мой, въ Сухоносовцѣ померѣ.

Субота. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе, а подъ часъ вечери родитель подарилъ воронихъ лошаковъ 5, да строкатого одного гнѣдого, да каштановатого верхового. Братъ и. Семень подарилъ мнѣ собаку, до флѣнти гонца.

Недѣля. 17. Отправленъ зъ братомъ Маркомъ въ Глуховъ Камѣнскій, а зъ Глухова въ Москву зъ Романомъ, черезъ которого писалемъ до сестри Уляни Ивановни о надсмотрѣніи надъ ними, до Каратаева объ отдачѣ 20 р. ему доводячихся, до Александра о надсмотрѣніи жъ надъ ними и о посылаемомъ ему боченку водки, а ему Камѣнскому на дорогу далемъ 9 р., итого зъ данными Романови будетъ 15 р.; да въ наказѣ данномъ положено тое, чтобъ они согласни зъ собою были, отгуду вислалибъ заразъ вози и воли, а лишніе продалибъ, если будетъ продажа хороша, и самимъ управившись, при оказѣ, сюда повернутись. Купить сахару полъ пуда канарского, чаю фунтъ, фронтиніаку 5, а понтаку 18 бутили, да въ аптецѣ Rp. II ꝑiii. Писалемъ до жени о немъ Камѣнскомъ, о пчолѣ, чтобъ худую бить и о поставленіи свѣтелки. До паней привѣтъ. До ахтирского полковника писалемъ привѣтъ:

Justum et tenacem propositi virum,

Non civium arbor pr... in bentivum

Non vultus instantis tyranni

Mente quasit solida.....

Dux in quieti turbidus adria

Nec fulminantis saeva Jovis manu
 Si fractus illabaх orbis
 Impavidum ferent ruina.

Зъ скринѣ взяли 1, а 1 оставилемъ мѣшечокъ.

Понеделокъ. 18. Сегодня былисмо зъ род. на службѣ божой, у Николая церквѣ, и обѣдали у отца Иоанна намѣстника. Родители обое даровали мнѣ степъ, прозиваемый Гамалѣвщина.

Вовтор. 19. Сегодня обѣдалисмо у себе и празновали именинника род. Попу Астровскому сукна чорного на реверенду далъ род. и 1 р., а попадѣ запаску.

Среда. 20. Сегодня отехаль Астровскій, черезъ которого писалемъ до господара о строевию імбара, свѣтелкѣ, о драпѣ и пчолѣ. Да черезъ егожъ послалемъ бандуру. Приехалъ чи повернулся Юско слуга и сказалъ, что Волинскій прошлого пятка померъ, а 17 р. у его въ дубенскомъ ярмарку украденъ и коней сюда пригналъ зъ Донцемъ 12, зъ Перервинець. Романъ дд Камѣнскій послани въ Москву, а зъ ними 6 воз. воловихъ, воловъ 16, горѣлки оковитой 3 куеи, а въ нихъ... и простой 3 куеи, а въ нихъ..., дуловой вѣдеръ 10, яблочной вѣдеръ 11, ганишковой 2 барилѣ по посатцѣ, гусей да утятъ вялихъ паръ 40, масла 7 пуд. и 10 фунт.

Четвер. 21. Сегодня обѣдалисмо у себе сами. Составилемъ описаніе лѣкарствъ, зъ Кролевца привезенныхъ. Писалемъ черезъ Павла до жени о моемъ въ Сухоносовку отездѣ и приездѣ на Семена въ Кролевецъ. Отецъ Павелъ Свѣтъ приехалъ зъ Бубновъ и вечераль съ нами.

Пятокъ. 22. Сегодня рано поехали зъ Ромна и приехали смеркомъ, по волѣ охавши, въ Сухоносовку, где засталемъ Демяна зъ Кривой Руди приехавшого.

Субота 23. Злѣцено Васиљеви, дворникови; правленіе здешнее Сухоносовское и реестромъ здано все, въ якомъ числѣ что въ приѣмѣ его показалося: соли 7 бочокъ, куеа вел. полная и ширутвасъ ¹⁾

¹⁾ Ширутвасъ — какаѣ то посуда.

повень; вовни съ Кривою Руди 900 рунъ, зъ Перервинецъ 200, овечихъ шкуротъ, чиненыхъ и нечиненыхъ 240, козинихъ 13, конскихъ шкуръ 54, воловая одна, смушковъ бѣлихъ ягнячихъ 50, черныхъ 14, сукна свитного локоть 60, нетканого 60, жита на току 225 копъ, ячменю 60, пшеницѣ 13, казановъ виничныхъ 4, свиней старихъ 55, поросать 45, воловъ 15, корова съ телятъ, коней 2, полъ 3 засѣвка проса, тютюну папушъ 1000, возовъ воловихъ 2, а 2 робится, пчелы оставленной на зиму 44.

Неделя. 24. Сегодня рано дадемъ за млинокъ сѣлскій сухоносевскій 10 р., на церковь тамшнюю жъ, отобралъ колотъ (?) до своихъ рукъ при попу Іоакиму и отдалъ атаманови сѣлекому. Далемъ на писмѣ нѣкоторые пункты Демянови и денги 18 р. на покупку индиковъ и гусей, 12 р. на заплатку стѣнки ¹⁾, попу перервинскому, и другихъ стѣнокъ. 10 р. на виготовленіе сѣна до футора Криворудского, 10 р. на заводъ шинковъ, чтобъ меду и пива въ оніе уготовать. Да ему жъ приказалемъ имѣть надзираніе надъ Василемъ дворникомъ сухоносевскимъ, а въ правленіе его не вступать, а дворнику далемъ наставленіе въ 18 пунктахъ, которихъ екстрактъ зде приложенъ и денги дани 10 р. на церковь за млинокъ, 30 р. на покупку жита. Сегодня въ Сухоносевцѣ первая носатка горѣлки дойшла, бо позавчера стало у нинницѣ робитися. Воску 2 груди чи кружковъ 2, взялисмо оттуду. Поѣхалемъ зъ Сухоносевки по служби, а приѣхалемъ въ Токарѣ на обѣдъ, а оттуду на ночь въ Андрѣевку.

Понеделокъ. 25. Сегодня зъ Несторовичомъ обезделисмо степь родителескій, прозиваемий Гамалѣвщина и видѣли, что розбишовскій староста графа Рагозѣнского отбираетъ чи уже отобралъ и недаетъ много того жъ степу Дубровою, козакомъ лохвицкимъ, Гамалѣи проданного, а отъ Гамалѣи родители моему доставшагося, а теперь мнѣ дарованного; а то подъ такимъ резаномъ, что будто граница полку луб. по шляхъ толко Ромадановского означена, еще 1717 году, унѣверсаломъ гетмана Скоропадского, якій унѣверсалъ

¹⁾ Стѣнка — лѣсокъ.

въ Сенецкую церковь данъ въ сохраненіе, а ограниченне тое исполнимъ полковъ согласіемъ и розездомъ Данила Кутневского, бунчукового товариша, и Ивана Несторовича, канцеляриста, учинено; однако въ томъ упѣверсалѣ виключены стародавніе загоны и купля, а не новое завладѣніе. Билисмо у футорѣ галецкого, гдѣ книжку Manuale contra....(?) противъ лютеранъ и проч. подарилъ мнѣ его служитель и сказывалъ, что хатъ будетъ зъ 20 поселенныхъ тамъ.

Вовтор. 26. Сегодня полковница Леслѣва приѣхала въ роменское Засулле, которую посѣщать ездилa родителка. Отецъ протопопъ роменскій принюсъ мнѣ поетику Прокоповича, архиерея. Отецъ Орановскій былъ у мене, которому далемъ таларъ битий.

Середа. 27. (*Выписки изъ Буддея и бл. Августина*). Полковница Леслѣва была и обѣдала у насъ. Родитель отехалъ зъ Ромна и заночовалъ у Процювцѣ. Табакерку купилемъ за 3 р. съ полт., яеписовую, и матцѣ подарилемъ.

Четвер. 28. Сегодня, рано передъ обѣдомъ, ездилемъ до Процювки и тамъ зъ родителми обѣдалемъ, а по обѣдѣ род. поехалъ въ Глуховъ, а мы сюда повернулись въ Ромешъ. Родителка заболѣла на голову и желудокъ, которую лѣчилемъ *sr. sal. ar. и pulv. rub.*

Пятокъ. 29. Сегодня проежжали строкаго коня, который машталѣра Федорца прибылъ тяжко. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. и записалемъ. Тарасу далемъ приказъ въ 7 пунктахъ, о строеніи футора на Гамалѣвщинѣ, на степу Артополотскомъ, и на кошениѣ сѣна 10 скиргъ, а на все тое 15 р. Родителка подарила мнѣ на каeanъ атласу зеленого, а самой (жевѣ) штофу.

Субста. 30. Сегодня родителка подарила мнѣ штофу на кунтушъ, атласу на каeanъ и сукна зеленого на кунтушъ и 12 р. Дала род. цару соболей и 2 р. пошить ей шанку. Тарасови далемъ листъ до Деяна писанный, о присланню къ нему, на футорѣ Гамалѣвскій, для строенія 3-хъ людей зъ возомъ воловимъ, да рецептъ для мене взять декокту въ аптецѣ, да сказка Семена Бардака о заборѣ его воза у слободахъ, черезъ неосторожность якобы Юска Сердюченца учинившомся, приложенни. Коней 2 дано Тарасови, а 9 осталось въ Ромнѣ. Виехалемъ зъ Ромна, ожду випро-

вожали мене брати, домашніе и кіевскіе, котрымъ обоимъ и ихъ інспекторови далемъ талярей битихъ „ „, а ночовалемъ у Су-хого Ромна.

Неделя. 31. Сегодня, зъ ночлѣга встарши, уехали миль 4 до Бросень и тутъ обѣдали, а по обѣдѣ пріехали до Хижовъ ¹⁾ и отголь лугомъ не доехали до Каменя для того, что ось у спалнѣ ²⁾ передняя зломилась, и въ лугу заночовали.

М-ць септеврій. Понедел. 1. Сегодня перевознись лодками черезъ Сеймъ, пріехалемъ въ дворець родителскій, где и обѣдалемъ. (*Выписка изъ Буддея*) Поехавши зъ Каменя, пріехалъ год. за 3 до Кролевця, куда будетъ миль 3, и сталемъ квартерою въ дворѣ тіотки паней Павловой, где засталемъ пріехавшого Количева.

Вовтор. 2. Сегодня былемъ у князя Шаховского, тутъ же загостившого, где увидѣлемся зъ п. Михайломъ и п. Петромъ. Вѣжевскому въ расходъ далемъ 30 р. на покупки и на раздачу ему, Юску и Петру на кожухи по 2 р., а машталѣру Федорцю 1 р.

Середа. 3. Сегодня принесенни писма до князя зъ Москви и до подскарбѣхъ. П. сотникови глуховскому позичилемъ 10 р.

Четвер. 4. Вѣжевскому на покупки далемъ 20 р. и 40 таляр. бытихъ. Получилемъ писмо отъ швакгра своего п. Андрея Полу-ботка, обнадеживаючого мене въ томъ, что уступитъ въ деклара-ціи села своего Крисокъ, мнѣ обѣщанного. Французскому королю сынъ родился делфинъ, о часъ 3-мъ мѣс. (?) 30, предъ полуднемъ.

Пятокъ. 5. Сегодня покупки свои окончили, на которіе да-лемъ Вѣжевскому 32 р. и записалъ. Поехалемъ зъ Кролевця, а пріехалемъ въ Подоловъ до сестри п. судіной, которой то учини-лемъ, что Громѣцѣ 210 червоннихъ далемъ въ 500 р. доводя-чіеся ему отъ сестри за млини Аксютинскіе, на что онъ и росписку даль, да другому человекю, Борису Лисому, 30 таляр. и 7 шаг. даль же, а сестра дала въ заставу двое часовъ золотихъ, одни простіе, а другіе зъ ренетицѣю. Да два ящики, чи пуделки, зъ

¹⁾ Село конотопскаго уѣзда.

²⁾ Экипажъ.

персями, спонками и обручками, третью готоваленку и компасъ. Поехавши оттуду, приехали въ Тулиголови, на ночь, зъ Астровскимъ.

Субота. 6. Сегодня пообѣдавши въ Тулиголовахъ, приехали у вечеру въ Глуховъ. Въ Тулиголовахъ горѣлки 4 носатки въ кухвѣ было, пчолы 39.

Неделя. 7. Сегодня рано быдемъ у ясновел. п. гетмана и у князя Шаховского, где и обѣдаемъ. По обѣдѣ родитель поехалъ въ Гамалѣвку, а я заночовалъ по предложенню княжомъ. Зъ п. Михайломъ разговаривали о своихъ нуждахъ домашнихъ.

Рождество Пресвятя Б-ци. Понедѣлокъ. 8. Поехалисмо рано, князь, бригадиръ, Потемкинъ, Хрущовъ, Сухаревъ, Новоторжцовъ и я зъ п. Михайломъ, братомъ, и приехали въ Гамалѣвку, а ехали полчварта часа. По службѣ обѣдали и подпивали до ночи. Тутъ я видѣлся зъ сестрою жени моей Журавковою Григоріевою ¹⁾).

Вовтор. 9. Сегодня обѣдали тутъ же въ Гамалѣвцѣ, у тіотки тіе жъ гостѣ, а по обѣдѣ разехались, а мы зъ п. Михайломъ приехали въ Глуховъ.

Среда. 10. Обѣдалисмо у себе сами зъ родителемъ. Господаръ повернулся зъ ярмарку кролевецкого, где купилъ око кагве, а Желязо вина 19 кварть.

Четвер. 11. Сегодня рано быдемъ у п. Михайла, п. Петра, князя и обѣдалъ у себе зъ род. Петръ токаровскій отпущенъ отсюду, черезъ которого писалъ до Тараса и до тихъ 15 р. еще теперь 5 р. послалъ, черезъ его Петра Волошина, о чомъ писалемъ и до п. Несторовича, а о присилцѣ коня сивого до брата Марка и поздравленне до родителки. Юска послаемъ зъ будкою въ Гамалѣвку, черезъ которого до тіотки писалемъ о томъ, что монастырскіе села отнимаются приговоромъ старшинъ малор.

Пятокъ. 12. Купилемъ трость за 8 гривенъ и 5 копѣекъ. (*Выписка изъ бл. Августина*). Жена приехала зъ Гамалѣвки на ночь.

¹⁾ Женою Григорія Журавки, сына стародубскаго полковника.

Субота. 13. Сегодня рано ѣздилемъ до п. Петра и повернувшись обѣдалисмо зъ род. У вечеру ездилемъ до Каневского, суддѣ чернѣговского. Новоторжцовъ переехаль въ свой домъ, на Вѣлоповку.

Неделя. 14. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Голенковскимъ, писаремъ пол. прилуцкимъ. Забарѣ до 49 р. еще далемъ 11 р., итого 60 р., на покупку жита.

Понедельокъ. 15. Сегодня ездилемъ рано въ городъ и былъ у столовой гетманской, где собрались били полковники для слѣдствія о селахъ и нѣчого не здѣлавши, розехались. Обѣдалисмо у себе и съ нами Ханенко, суддя стародубовскій, по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра и п. Михайла, которіи поль ока тютюну тур. подарили. Господарь коваля на годъ уговориль, отъ октовр. 1-го числа, за 4 р. и хлѣба певную часть. Юско, молодикъ, отправлень въ Сухоносовку.

Вовтор. 16. Сегодня ездилемъ рано въ городъ до п. Михайла, где написавши писмо до швакгра п. Андрея Полуботка, отпустилемъ о его прибытіи сюда. Обѣдалемъ у себе зъ род. Полкъ Чернѣговскій старшина енер. и полковники очищали, которіи отъ швакгровъ Полуботковъ Виблѣ, Пѣски и еще третее (село) приговорили отобратъ на полковника, да на полковника Чернѣговского отобратъ же приговорили слободу Петрову отъ суддѣ Чернѣговского. Панѣ повернулась у вечеру зъ Гамалѣвки.

Середа. 17. Сегодня обѣдалемъ у наней. Кушилъ родитель вина венгерского, анталь за 21 р., да зъ Мякининомъ купилъ же два антала за 45 р. Канцеляристъ великороссійскій, до канцеляріи сборовъ опредѣленній, былъ у день у родителя и сказиваль, что гетманъ самъ привюши у столовую 12 суплѣкъ, данныхъ на родителя, велѣлъ оніе принять и сохранить. Слободу Петрову у суддѣ чернѣговского теперь приговорено отобратъ, а возвратить на полковника чернѣговского Богданова.

Четвер. 18. Сегодня обѣдалисмо зъ род. у Мякинина. Провинялемъ 4 пари соболей на 2 антала вина венгерского столового а осталось 3 пари еще до лутшихъ 9. У лазнѣ милемся и кровъ рожбами пускалемъ себѣ.

(гузикомъ) пуговицею или бляшкою. Достатокъ, а болѣе щегольство, находили удовольствіе дѣлать сіи защепы изъ золота, жемчугу и алмазовъ. Военнослужащимъ не позволено было носить долгихъ кафтановъ, а токмо немного ниже колѣнъ, чтобы легче и на лошадь вскочить и маршировать безпрепятственно. Статскимъ и частнымъ людямъ ни цвѣта, ни ткани не положено, и потому видны кафтаны разнаго цвѣта и разныхъ тканей, матерій и парчевые; особливо же щеголи малороссійскіе, какъ нынѣ дамы, въ выборѣ цвѣтовъ черкески и кафтана были такъ же модники: лиловое верхнее, изподъ-зеленой, или бѣлое и красное, красное и бѣлое, кафтанъ парчевой, черкеска бархатная или атласная и проч. Но военнослужащіе обязаны были имѣть кафтаны токмо суконные и короткіе: 1) козаки—прежде краснаго, потомъ—единообразнаго бѣлаго цвѣта; 2) жолдаки—желтаго цвѣта; 3) запорожцы, отдѣлившись отъ Малороссіи, употребляли цвѣтъ по произволу; 4) пушкари или артиллеристы малороссійскіе—желтый.

Кобза—музыкальный въ Малороссіи инструментъ, уменьшенный отъ *бандуры*, который бываетъ отъ 3-хъ до 7 струнъ, а иногда и самая настоящая бандура, но иногда именуется кобзою, ежели въ рукахъ нищихъ или богадѣленныхъ, которые ходя съ оною по торгамъ и ярмаркамъ, играютъ на ней, припѣвая. Нынѣ она еще во всемъ своемъ употребленіи, но пѣвчіе или пѣсельники, съ нею ходившіе, поуменились.

Козакъ. Національный малороссійскій воинъ, отъ котораго произошли украинскіе, донскіе, терскіе и всѣ прочіе. О произведеніи его имени несчетные споры, а именно: 1) отъ *косы*, якобы косарь; быть не можетъ по этимологіи и по противорѣчію буквъ *з*, *к*, твердаго *ь*, противъ *с*, *р*, и мягкаго *ь*, да и косы не были никогда настоящимъ оружіемъ козаковъ, развѣ въ нуждѣ. 2) Отъ *козы*, по ихъ скорости и легкости въ бѣганіи и поимкѣ татаръ;—неосновательно и смѣшно. Всѣ гусары, черкасы—должны бы зваться козаками. 3) Отъ мухи *косаки* или *кусаки*,—не стоитъ возраженія. 4) Подобное сему отъ *кипчаковъ*, отъ *косоювъ* или *косоювъ*, извѣстныхъ современъ Константина Порфирогенета. Тутъ можно было по существующей *козачьей ордѣ* нѣчто толковать, но вспомнивъ *козаровъ* и положенія между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ, очевидно, что и *косоги*, и *козары*, и *козачья орда*—не имѣютъ ни малѣйшаго сродства съ малороссійскими козаками. 5) Извѣстіе Синописа о предводителѣ войскъ малороссійскихъ *козакъ*—выдуманно по старинѣ, чтобы какъ

нибудь добратся до Ноя или его сыновей и внуковъ; да и то вѣдомо, что первый и важный малороссійскихъ козаковъ предводитель былъ Евстафій (Остапъ) Дашкевичъ, староста черкасскій, другъ хмѣльниковаго старосты Предислава или Прецлава Ланцкоронскаго, и онъ, Остапъ, былъ первый дѣйствительный малороссійскій гетманъ.

6) Отъ *козаковъ*, такъ названныхъ вольныхъ работниковъ, отъ рѣчныхъ судовъ, *косы* именуемыхъ,—суть нелѣпости. 7) И такъ почти не остается сумнѣнія, что слово *козакъ* есть прямо турецкое и татарское, заимствованное національными малороссійскими воинами отъ сихъ народовъ по сосѣдству и подражанію, ибо А) незадолго до гетмана Остапа извѣстны были уже отряды козаковъ у татаръ, что подтверждается свидѣтельствомъ важнаго писателя: теперь и у насъ будутъ козаки, и что татаре дѣлали нашимъ, то и они имъ *веть* за *веть*, т. е. взаимно. В) Почти современный Предиславу Ланцкоронскому писатель говоритъ, что въ 1516 году нѣсколько малороссіянь собравшись поѣхали противъ турокъ подъ Бѣлгородъ (Аккермень) для *козаету* и прибавляетъ: а съ того времени и нынѣ стало извѣстно званіе козаковъ; *козаетъ* же на языкѣ турецко-татарскомъ значить *добычу*. Ъхать для козаету—пуститься въ воинскій наѣздничій или насильственный промыслъ, отправиться съ добычей. С) Турецкое слово *козакъ*¹⁾ точнѣйшее значить хищника, а потому и воинна-нападчика. D) Прежде 1516 года ни одинъ писатель о Малороссіи сего имени не употреблялъ, слѣдовательно и выходитъ заключеніе, что козакъ имя заимствованное отъ татаръ и турокъ, и въ разумѣ настоящаго ограниченнаго и регулированнаго войска, означаетъ человѣка независимаго, вольнаго, храбраго, жизнь свою воинскимъ подвигамъ посвятившаго, и иногда отъ народнаго права удаленнаго, нечаянное по силѣ своей нападеніе чинившаго. E) Ошибаются сѣверные писатели, именующіе козаковъ настоящими разбойниками, *publicarum viarum latrones*. F) Поляки, видя мужество сихъ войскъ, называли ихъ съ начала своевольниками. Сіи то своевольники въ 1615 году, пустившись въ пользу короля и по его просьбѣ, со флотомъ въ Черное море, истребили въ Трапезунтѣ султанскій арсеналь, взяли и разорили Синопъ. Козаки малороссійскіе должны быть исповѣданія греко-россійскаго; оружіе ихъ состояло изъ пики, сабли, лануки (*sic*), ружья, фусею или называемаго, пары пистолетовъ и лошади. Все сіе приобрѣтали они собственнымъ иждивеніемъ, безъ на-

¹⁾ Здѣсь написано то же слово—по турецки.

гражденія, кромѣ непріятельской добычи. Отъ скарбу войсковаго получали они токмо пушки и порохъ, но и сей послѣдній имѣли чаще свой собственный. Мундиръ ихъ состоялъ въ синей суконной черкескѣ съ красными отворотами, въ кафтанѣ же—по волѣ ихъ, такъ, какъ и въ шароварахъ; но послѣ законоположено козаку имѣть черкеску ту же, а кафтанъ и шаровары всегда изъ бѣлаго сукна; въ шапкѣ овчинной и салогахъ разнаго цвѣта. Козацкая пословица: *хлѣбъ да вода, — козацкая пѣда*. Всегда готовыхъ къ походу было 60000, безъ жалованья, самыхъ добрыхъ выборныхъ реестровыхъ козаковъ. Козаки малороссійскіе въ царствованіе Екатерины II упразднены, нѣкоторые преобразованы въ регулярные полки, а прочіе остались на законахъ статутовыхъ, но на правѣ государственныхъ поселенъ, и обложены сорокаалтыннымъ окладомъ съ души.

Козакъ украинскій. Козаки отшедшіе отъ Малороссіи ко владѣнію польскому въ 1686 году, жившіе по правую сторону Днѣпра, кромѣ Кіева и Василькова, оставшихся при Россіи. Гетманъ же всегда титулованъ—*гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра*. Сіи мало по малу исчезли.

Козакъ запорожскій или низовый. Первое названіе отъ того, что они отъ Малороссіи жили по ту сторону днѣпровскихъ пороговъ или водопадовъ, *за порѣжами*; второе,—потому, что жили по теченію рѣки Днѣпра, въ низъ къ Черному морю. Еще гетманъ Евстафій Дашкевичъ началъ, въ 1535 году, по островамъ Днѣпровскимъ заводить коши и сѣчи, которыхъ главныхъ было 13, и съ начала состояли подъ управленіемъ города Чагрива, и всегда, кромѣ своевольнаго ихъ времени, подчинены были гетману малороссійскому. Они были токмо отдѣльная команда малороссійскихъ козаковъ, составлявшая форпосты противу турокъ и татаръ, по островамъ и по низу Днѣпра, и находились подъ вѣденіемъ *атамана*, съ начала *запорожскимъ* или *низовымъ*, а потомъ кошевымъ названнаго и состоявшаго подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и начальствомъ украинскаго, въ 1656 году названнаго малороссійскимъ гетманомъ. Число ихъ было неограничено и пребываніе неопредѣленно, ибо все сіе зависѣло отъ воли гетмана и обстоятельствъ; но въ 1667 году, когда по Андрусовскому миру Днѣпръ сдѣланъ былъ границею Россіи и Польши, то въ мѣсто одного сдѣлалось два гетмана, по лѣвую сторону Днѣпра—малороссійскій, а по правую—*украинскій*. Когда Россія и Польша представили себѣ совокупное право владычествовать надъ запорожскимъ

козаками, и посылать туда и другіе, съ обѣихъ сторонъ, караулы, тогда атаманъ сихъ козаковъ началъ мало помалу уклоняться отъ власти малороссійскаго гетмана. Съчъ запорожская стала тогда удѣломъ его. *Сирко* былъ тогда атаманомъ и негодуя на раздѣлъ, преклонился всею дружбою къ Польшѣ. Диванъ въ Станбулѣ подавалъ ему надежду соединить двучинное гетманское достоинство опять во едино, яко совокупною кровію установленное. Чтобы составить особаго роду правленіе, ввели они у себя старшинъ: войсковаго судью, кошеваго писаря, какъ родъ канцлера, войсковаго эсаула, войсковаго пушгара, подобнаго малороссійскому обозному и войсковаго доубиша или лптаврщика. Не надѣясь, по несогласію гетмана, получать умноженіе войска и веда жизнь безбрачную, принуждены они были принимать къ себѣ всѣхъ авалтюристовъ, бѣглецовъ и отвагъ (sic). Таеъ скоро увидѣлъ между козаками запорожскими велкороссіянъ, поляковъ, нѣмцевъ, турокъ, татаръ, французовъ, италіанцовъ и множество малороссіянъ, недовольныхъ новымъ устроеніемъ Малороссіи. И дѣйствительно *Сирко* провозгласилъ себя гетманомъ, но въ 1675 году увидѣвъ слабость поляковъ и свое беспліе, поддался Россіи. Съ того времени, при разныхъ коловратностяхъ, были кошевые удѣльные начальники. Козаки запорожскіе управляемы были особо отъ Малороссіи, кидаясь то къ туркамъ, то къ полякамъ, до времени кошеваго *Городенскаго*, который призналъ нацъ собою власть гетмана малороссійскаго во всей точности и уговорилъ всѣхъ запорожцевъ, дабы былъ и они въ полномъ повиновеніи гетм. малор. Затѣи *Мазепы* вовлекли его и запорожцовъ въ согласіе, и потому 19 мая 1709 года, главная ихъ крѣпость на *Чертомликѣ*—*Сльчъ* раззорена генераль-маіоромъ *Яковлевымъ*. Послѣ сего, запорожцы приклонились къ татарамъ, но гетманъ *Апостоль* соединилъ ихъ наки съ Малороссіей. При бывшемъ въ 1761 году, по повелѣнію гетмана графа *Разумовскаго*, изчисленіи дѣйствительныхъ запорожскихъ воиновъ, или собственно называемыхъ *слчевыхъ козаковъ*, сочтено подъ ружьемъ 27,117 человекъ. *Екатерина II*, въ 1762 году, іюня 6-го, пожаловала Запорожской Съчи новую печать, съ обыкновеннымъ для всѣхъ прочихъ русскихъ присутственныхъ мѣстъ подписаніемъ. Съ того времени вошло странное обыкновеніе, что самые знатнѣйшіе россияне и вельможи начали записываться въ число рядовыхъ въ курени запорожскіе: князь *Потемкинъ* былъ изъ числа сихъ. Наконецъ, указомъ отъ 3 августа 1775 года, запорожскіе или низовые козаки уничтожены, и они поселплись было во владѣніи турецкомъ, но вскорѣ вызваны и оживлены подѣ

именем *черноморскихъ козаковъ*. Храбрость сихъ козаковъ въ исторіи невообразима. Они раздѣлялись на сухопутныхъ и морскихъ... Первые противъ непріятеля шли всегда *таборомъ*. Таборъ, или родъ вагенбурга, состоялъ изъ 8 до 10 повозокъ въпереди, толкаго же числа сзади, а съ обѣихъ сторонъ и въ срединѣ—по распоряженію военачальника. По всѣмъ сторонамъ шло нѣсколько и безпрестанно караульныхъ стражей. Коль скоро увидятъ кучу татаръ, замыкаются всѣ въ таборъ и бьютъ ихъ изъ ружей; при удобномъ же случаѣ, или при немногочисленности татаръ, выходя изъ табора, бьютъ непріятеля и разоряютъ ихъ селенія. По сему расположенію—таборъ или двигался или останавливался. Вторые ѣздили по рѣкѣ, къ порогамъ и чрезъ пороги, и въ Черное море—въ *чайкахъ* и *дубахъ*. Въ три недѣли могли они такихъ судовъ изготовить до ста, а тысячь пять козаковъ, взявъ сухарей, пускались въ походъ. Горячее вино въ походъ было запрещаемо. Каждый изъ нихъ обязанъ взять съ собою и два ружья; а на суднѣ бывало отъ 5 до 6 фалконетовъ или по двѣ небольшія трехфунтовыя пушки. Къ выѣзду избирали обыкновенно послѣднюю четверть луны, чтобы быть скрытымъ отъ непріятеля, и проѣзжали или на востокъ Очакова, въ Лиманъ, или между Таманомъ и Керчью. Галеры турецкія всегда ихъ боялись и часто были побѣждаемы; кунеческіе корабли отдавались безъ сопротивленія. И анатолійскіе, и византійскіе берега чувствуютъ и доселѣ ихъ пощещенія. Пословица сихъ козаковъ: *терпи козакъ, атаманъ будешь*.

Козакъ выборный или реестровый. Такъ назывались тѣ козаки, которые стояли въ реестровомъ спискѣ, и должны были всегда готовы быть къ походу.

Козакъ подпомощникъ—состоящій въ комитѣ или реестрѣ для службы; самъ въ походъ не ходилъ, доколѣ не записанъ будетъ въ выборные или реестровые, но обязанъ былъ: 1) въ числѣ собратій своихъ, къ выборному или реестровому приписанныхъ, снабждать его по мѣрѣ иждивеніемъ на мундиръ и всею амунициею, и во время похода блюсти домашнее его хозяйство. 2) Изъ нихъ опредѣляемы были во внутренніе наряды, напримѣръ: на стражу при карцеляріяхъ и прочихъ публичныхъ зданіяхъ, на развозъ публикацій, для препровожденія въ скарбъ, или куда повѣлено будетъ, казны, и въ прочіе комисіи, регулярной службы не требующіе. Изъ нихъ во всѣхъ городахъ было нѣсколько на очереди, аки *штатныя команды*.

Козанъ наемникъ. Козаки иногда, по снисхожденію полковниковъ, присваивали себѣ право уклониться отъ исполненія должности своей и поставляли вмѣсто себя на службу наемниковъ, или—изъ козаковъ подпомощниковъ или—изъ людей другого состоянія, платя имъ по договору деньги. Хотя по строгости дисциплины, сего никоимъ образомъ допускать не должно было, но слабость полковниковъ и другія политическія причины на такое злоупотребленіе смотрѣли равнодушно, и за благовидныя къ тому причины поставляли: болѣзнь реестроваго или выборнаго настоящаго козака, его дряхлость или разстройство экономіи, малосемейство и проч. Въ послѣднія времена сіе такъ ужилось, что козацкое мужество ослабѣло, дисциплина выпущена изъ виду и нѣга восторжествовала; что самое и было главнѣйшимъ поводомъ преобразовать сіе храброе войско, ибо козаки реестровые или выборные, колико можно уклоняясь отъ службы, оную забывали, а наемники почти ежегодно перемѣняемые, не могли навькнуть къ дисциплинѣ да и не старались прилѣжать и смотрѣть за оной.

Козанъ абшитованный—уволенный по долговременной службѣ отъ списка въ реестровыхъ или выборныхъ. Онъ точно былъ то, что *ветеранъ* у древнихъ римлянъ. Живя при экономіи, яко отечеству заслуженный, употребляемъ онъ былъ иногда въ лучшіе внутренние комисіи, яко комисіонеръ.

Козанъ аттестованный—назывался тотъ, который служба долговременно и заслуживъ во всемъ по нравственности и службѣ предпочтеніе, былъ въ правѣ просить чина, въ войскѣ ему угоднаго. Онъ имѣлъ право въ мѣсто *черкески* носить кунтушь вездѣ, и былъ принятъ во всякомъ обществѣ.

Коллегія малороссійская. 1) Первая учреждена Петромъ I предъ кончиной гетмана Скоропадскаго, послѣдовавшей 1722 года, подъ видомъ спомоществованія ему въ дѣлахъ правленія, ради слабости здоровья его. Присутствіе составляли въ оной со стороны великороссійской: одинъ бригадиръ и 4 гарнизонные офицера, по правую сторону стола, и бывшіе военной войсковой при томъ же Скоропадскомъ учрежденной канцеляріи малороссійскіе члены, сидѣвшіе по лѣвую сторону присутственнаго стола. Сіе правительство соединяло въ себѣ верховную власть, апелляціонную, казенную и по внутреннему управленію малороссійскихъ войскъ. Коллегія сія имѣла цѣлю мѣста старшинъ и полковниковъ наполнить великороссійскими уро-

женцамъ и весь скарбовой доходъ обратить въ казну столицъ, остави скуднѣйшее жалованье для служащихъ въ землѣ націоналовъ. Сія коллегія ввела въ Малороссіи несообразное правамъ ея употребленіе гербовой бумаги по мѣстамъ присутственнымъ и нѣкоторые сборы податей съ земли и ремесла. Со временемъ чиновники въ сію коллегію введены высшихъ классовъ, и дѣйствовалъ по своему, яко на мѣстѣ гетмана; тогда, въ первые, глуховскій сотникъ Мануйловичъ здѣлался членомъ коллегіи и изъ подчиненнаго полковнику Нѣжинскому, сталъ правителемъ дѣлъ націи, управляя притомъ и сотнею своей¹⁾. Для ограниченія самоволія сей коллегіи, Екатерина I, указомъ своимъ отъ 3-го іюня 1726 года, повелѣла при существованіи сей коллегіи, существовать опять и войсковой генеральной малороссійской коллегіи, и уничтожила зборъ канцелярской и судной пошлины. Сія первая коллегія существовала токмо до 1727 года, а въ семь году, октября 1-го, по волѣ императора Петра II избранъ въ гетманы Данииль Апостоль. 2) Екатерина II въ 1764 году уволила доселѣ бывшаго гетмана графа Разумонскаго и на мѣсто его учредила *коллегію малороссійскую вторую*, подъ руководствомъ и управленіемъ всей земли чрезъ генераль губернатора, который купно былъ и президентъ сей коллегіи; члены же коллегіи не различались порою, но великороссіане и малороссіане сидѣли совмѣстно, занимаемая стулы по рангу. Коллегія сія состояла подъ вѣдѣніемъ сената и имѣла въ подчиненности себѣ всю Малую Россію, составляла во всемъ смыслѣ верховное для націи мѣсто. Въ ней были 4 секретаря или исправители дѣлъ, а по раздѣленіи ихъ на экспедиціи, можно ясно понять и власть и упражненіе ея. Въ *первой* (экспедиціи) вѣдомы были всѣ дѣла процесныя, формальныя или тяжбы о недвижимости и движимости дворянъ, духовныхъ и козаковъ; дѣла уголовныя колодничія и по сей части переходили дѣла, по аппелляціямъ или на ревизію, изъ судовъ городскихъ или полковыхъ канцелярій и судовъ земскихъ, чрезъ генеральный судъ, въ коллегію. Во *второй экспедиціи*—всѣ дѣла внутренныя, такъ ихъ называли, яко то: ревизія—состоявшая въ перепискѣ дворовъ, и потому платежъ не былъ подушной, но подымный, отъ дыму, сколько печей, столько рублей, сборъ денежный и натурою, гдѣ и какимъ то каналомъ ни шло въ казну; управленіе національнымъ имѣніемъ, тогда же *короннымъ*

1) Невѣрно. См. Опис. Ст. Малороссіи, II, 423.

переименованнымъ; устройство дорогъ, мостовъ, перевозовъ; всё на казенный счетъ (построенныя?) зданія; извѣстные и кирпичные казенные заводы; судоходство по рѣкамъ и фабрики. По сей части подчинены были скарбовыя, всё полковыя и сотенныя канцеляріи; генеральная счетная коммисія, а въ некоторую частію магистраты и ратуши, кромѣ магистрата кіевскаго, который уже на послѣдокъ съ прочими получилъ равную часть. Въ *третьей*—дѣла тяжбы и уголовныя городскія изъ магистратовъ и ратушъ; дѣла спорныя національныхъ, коронными названныхъ, посполитыхъ или селянъ; переводъ денегъ; пересылочныя колодники; паспорта и подорожныя; дѣла наукъ, художествъ и ремесла; по сему поводу подчинены были тутъ всё магистраты и ратуши непосредственно, сотенная глуховская канцелярія, а частію скарбовыя и полковыя канцеляріи.—Въ *четвертой*—всё дѣла до войны и воинскаго обряда, безъ изыятія, принадлежащія, яко то: щеть, наборъ, разирѣденіе, мундировка, нарядъ полковой; артилерія съ литьемъ пушекъ и дѣланіе пороха; ряды (подряды) на селитру и поташъ, крѣпостныя укрѣпленія и проч., пожалованіе въ чины и увольненіе отъ службы, начавъ включительно (ибо отъ полковника и далѣе предлежало монаршему рѣшенію) отъ бунчуковаго товарища до послѣдняго возака и всякаго именованія военнослужащаго. Коллегія сія существовала по 1782 годъ, въ которомъ, слѣдуя системѣ единообразія, и Малороссія преобразована въ намѣстничества и нынѣ раздѣлена въ губерніи.

Коляда. Бывшее у малороссианъ божество. Въ воспоминаніе ли его или по другимъ причинамъ—слѣдующій въ Малороссіи и доселѣ еще вездѣ существующій обрядъ, называютъ *колядою* или *колядованіемъ*. Нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ вечеру, когда смеркнется, на первый день святокъ Рождества Христова, составя компанію, идутъ подъ окошки, къ кому хотятъ, и весьма пріятнымъ голосомъ поютъ разныя на сей токмо случай сочиненныя пѣсни, коихъ каждая строфа, а иногда каждая строка, должна непременно оканчиваться сими словами: *святой вечеръ, добрый вечеръ*. Содержаніе сихъ пѣсень раздѣляется обыкновенно на три рода: 1) желать хозяевамъ счастья, 2) увѣрять молодца, что уже время ему жениться, 3) пророчать дѣвницѣ, что получить хорошаго жениха, причемъ вмѣшиваются и имена тѣхъ, къ кому обращаютъ свою пѣснь. Хозяйка за сіе подчиваютъ.

Коммисаръ. Званіе коммисара было и временное или неизмѣняемое, по свойству дѣла. *Коммисары неизмѣняемые* были слѣдующіе: 1) *Ком-*

мисарь повѣтовый—до раздѣленія Малороссіи на губерніи и введенія казенныхъ палатъ, былъ избираемъ того повѣта дворянствомъ до вѣренный чиновникъ, котораго должность состояла въ сборѣ квартальныхъ денегъ, арендныхъ и другихъ скарбу принадлежащихъ поборовъ, о приходѣ и расходѣ которыхъ велъ онъ, по данной формѣ, книги по ордерамъ и указамъ скарбовой канцеляріи, въ которую ежегодно доставлялъ и остатки, а книги для ревизіи отсылалъ въ генеральную счетную комиссію. Его же должность была препровождать отъ границы до границы повѣта проходящія воинскія команды, разводить имъ квартиры и пещись о продовольствіи ихъ. 2) *Коммиссары пограничные*,—они обязаны были жить въ учрежденномъ мѣстѣ близъ границъ націй и разбирать споры туземцевъ съ пограничными сосѣдями о межахъ владѣнія, долгахъ и обидахъ всякаго рода. 3) *Коммисарь повѣтовый*—нынѣ называется въ Малороссіи капитанъ-исправникъ и дѣйствуетъ по наставленію учрежденій для губерній, почему и выбираемъ бываетъ чрезъ три года.

Коммиссары временные: 1) назначаемы отъ верховнаго начальства для разбору споровъ объ имѣніи скарбовомъ съ дворянами, козаками или духовными; 2) опредѣляемые изъ членовъ суда генеральнаго для изслѣдованія о таковыхъ казенныхъ имѣніяхъ, которыя окажутся въ чуждѣмъ либо неправильномъ завладѣніи; 3) чиновники по апелляціи на рѣшеніе подкомораго, отъ суда генеральнаго опредѣляемые для рассмотрѣнія и рѣшенія вновь того дѣла, и поелюку между симъ чиновниками всегда первое мѣсто занимаетъ повѣтовый маршалъ, то потому и судъ сихъ коммиссаровъ именуется особымъ словомъ—*маршалковско-коммисарскій судъ*. Кто же въ сей судъ назначается коммиссарами, о томъ судъ генеральный сообщаетъ для свѣдѣнія каждый разъ губернскому управленію. Прежде же назначаемы были отъ гетмана, а потомъ отъ малороссійской коллегіи. Сихъ коммиссаровъ два рода: а) или назначаемые по согласію истца и отвѣтника; въ такомъ случаѣ единогласное ихъ рѣшеніе непоколебимо и не приѣмлется на оное ни апелляція и ни какая жалоба: б) или по несогласію сторонъ, опредѣляется по волѣ суда генеральнаго; въ такомъ случаѣ недовольные ихъ рѣшеніемъ, могутъ жалобу, однакожь не апелляціоннымъ порядкомъ, подать въ судъ генеральный, который дѣло беретъ на ревизію и рѣшитъ, предоставляя право апеллировать и въ сенатъ. Коммиссарамъ симъ жалованья не полагается, но они пользуются узаконеннымъ доходомъ отъ тяжущихся; рав-

но подкоморому, и всѣ свои дѣла и рѣшенія записываютъ въ подкоморскія книги ¹⁾).

Коммисія генеральная счетная, или генер. счетн. ком. Она состояла въ Малороссіи изъ трехъ присутствующихъ штабъ-офицерскаго чина, или почетнѣйшихъ малороссійскихъ старшинъ, отъ начальства опредѣляемыхъ, и имѣла отправление дѣлъ точно, какъ бывшая

¹⁾ Для исторіи *маршалковско-коммисарскихъ судовъ* приводимъ здѣсь представленіе черниговскаго губернскаго предводителя дворянства А. М. Марковича, на имя мнистра внутреннихъ дѣлъ, объ уничтоженіи этихъ судовъ. — „Въ малороссійскихъ губерніяхъ существуютъ, какъ извѣстно, два особенные суды, называвшіеся прежде подкоморскій, а нынѣ межевый, и посредническій — межевый. По артикулу VII розд. 9-го статута, кто не доволенъ былъ рѣшеніемъ подкоморскаго суда, тотъ подавалъ апелляцію въ главный судъ, отъ котораго назначались коммисары, кастелянъ того повѣта или маршалъ или судовой староста, съ двумя дворянами. Сии коммисары могли рѣшеніе подкоморскаго суда исправить или оставить въ своей силѣ. Заснѣ никакая апелляція не имѣла мѣста“. Но затѣмъ 20 августа 1801 г. послѣдовалъ законъ, по которому: „1-е найдено несообразнымъ оставить рѣшеніе маршалковско-коммисарскаго суда неподлежащимъ апелляціи, тогда какъ рѣшенія даже главнаго суда подлежатъ апелляціи сенату; 2-е, маршалковско-коммисарскій судъ признанъ среднимъ между состоящимъ непосредственно подъ апелляціею сената а потому 3-е, кто недоволенъ останется рѣшеніемъ маршалковско-коммисарскаго суда, по просьбѣ того подлежитъ дѣло апелляціонному разсмотрѣнію главнаго суда. При семъ постановлено, что если члены маршалковско-коммисарскаго суда будутъ избраны общимъ согласіемъ сторонъ, тогда учиненное онымъ судомъ опредѣленіе вступить должно во всю силу законныхъ третейскихъ рѣшеній и положенія оного должны приводимы быть въ дѣйствіе; когда по несогласію сторонъ главный судъ принужденнымъ найдется назначить самъ членовъ, тогда положенія маршалковско-коммисарскаго суда подлежатъ должны, въ случаѣ недовольства стороны, разсмотрѣнію главнаго суда. — Изъ теченія подобныхъ дѣлъ извѣстно, что стороны никогда не назначаютъ сами членовъ сего суда, но предоставляютъ назначеніе оныхъ главному суду, слѣдовательно двѣ пѣли сего суда: 1-е, подвергать рѣшенія о межевыхъ дѣлахъ вмѣсто главнаго суда окончательному рѣшенію маршалковско-коммисарскаго суда, уничтожено дѣломъ правит. сената (т. е. закономъ 20 августа 1801 г.) и 2-е, замѣнить апелляціонное разсмотрѣніе главнаго суда рѣшеніемъ третейскаго суда — недостигнутое по всегдашнему отрицанію сторонъ назначать отъ себя коммисаровъ. При такихъ обстоятельствахъ маршалковско-коммисарскій судъ остается миставціею не только совершенно лишней, особенно при существованіи третейскаго суда, но весьма обременительною для тяжущихся сторонъ и для тѣхъ, которые бываютъ назначаемы членами оного, а наиболѣе для предводителей дворянства. Процессы, передаваемые на разсмотрѣніе маршалковско-коммисарскихъ судовъ, часто продолжаютъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Каждый изъ оныхъ представляетъ примѣры неоднократныхъ уклоненій предводителей дворянства и дворянъ, назначаемыхъ отъ гражданскихъ палатъ. Часто, когда дѣло готово къ рѣшенію — переимѣняется по выбору дворянства предводитель и случается, что вновь избранный по какимъ либо

ревизионъ-коллеія. Она ревизовала всѣ щоты, какъ прямо въ оную входившіе, такъ и тѣ, кои взносымы были отъ подвѣдомственныхъ ей *полковныъ счетныхъ комиссій*, и окончивъ оныя, представляла, со мнѣніемъ своимъ, коллеги на ея утверженіе, хотя состояла въ одномъ классѣ съ *скарбовой канцеляріей*, но и оную въ приходахъ, расходахъ, распоряженіяхъ и предписаніяхъ о томъ равизовала, и *подскарбій генеральный* не властвовалъ надъ нею.

Коммисія счетная полновая, или полк. счетн. комиссія, подвѣдома была *генеральной счетной комиссіи*, которая поручала ей маловажные счета и ревизованіе комиссаровъ повѣтовыхъ, состояла такъ же изъ трехъ членовъ, отъ начальства назначаемыхъ, и обыкновенно старшій членъ былъ *войсковой товарищъ*.

Комора. Такъ въ Малороссіи именуется таможня застава, а потому и *коморникъ* — таможенный надзиратель.

Коморникъ — помощникъ подкомораго, для разбору дѣлъ маловажныхъ, для которыхъ подкоморій самъ не выѣзжаетъ, отиравается коморникъ, и дѣйствуетъ по предписаніемъ онаго; но въ случаѣ ошибки его въ дѣлѣ, подкоморій оную исравить, такъ какъ за исравность и прилѣжность его отвѣчать долженъ; ежели же кто желаетъ поновить грани своего владѣнія, то силою законовъ предписано чинить то непременно при бытности коморника, обязаннаго дать о томъ сосѣдамъ повѣстки. По правамъ малороссійскимъ предоставлена подкоморому власть назначать себѣ коморника, увѣдомивъ о томъ повѣтоваго маршала для свѣдѣнія дворянства, по нынѣ большая часть повѣтовъ согласилась, при возобновленіи выборовъ, избирать и коморника. Онъ по штату въ 14 классѣ, буде чина выше не имѣетъ.

Компанеецъ. Какъ *жолдани* составляли собственно гвардію особы в дворца гетменскихъ, такъ *компанейскіе полки* отдѣлены были вовсе отъ національнаго управленія и подлежали единственно личной власти гетмана. При смутномъ времени въ Малороссіи, кромѣ козаковъ, были *охочекомонными* названы. Послѣдующіе гетманы составили изъ нихъ компанейцевъ. Опредѣленіе въ сіе званіе, отъ полковника до рядового, зависѣло единственно отъ воли гетмана, и они составляли лег-

законнымъ причинамъ не можетъ вступить въ составъ суда. Начинается новая переписка, новыя назначенія, новыя отказы. Итакъ проходятъ годы... Полагая оставить межевый судъ, какъ весьма полезный, на прежнемъ основаніи, я считаю, что уничтоженіе маршалковско-комиссарскаго суда было-бы истиннымъ благодѣніемъ какъ для тяжущихся, такъ и для присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.
(Писано въ 1835 г.).

кую кавалерію. Мундиръ ихъ былъ—зеленая черкеска съ красными обшлагами и красный иснодній кафтанъ; большею частію, носили они узкіе шеравары, а иногда штаны *юланцами* называемые; шапки ихъ были круглыя. Они получали отъ гетмана умѣренное жалованье и записываемы были изъ людей охочихъ, свободныхъ. Компанецъ выходящій въ отставку, ежели оставался въ городѣ, то долженъ былъ записаться въ мѣщане, ежели пріобрѣталъ имѣніе, куплею, даромъ или женпдбою, въ повѣтѣ, то долженъ былъ записаться въ сотню, въ козаки; ежели входилъ въ селенія въ скарбовыя, то долженъ былъ подвергнутъ себя повеленію тѣхъ селеній. Люди принимаемы были сюда токмо молодые и искусныя въ наукѣ кавалериста. Ихъ старшины считались по порядку всегда ниже одною степенію, и сотникъ козачей командовалъ полковымъ компанейскимъ старшиною, такъ какъ бунчуковъ товарищъ компанейскимъ полковникомъ. Но Екатерина II при уничтоженіи малороссійскаго козачьяго устройства, производила компанейскихъ полковниковъ въ бригады, а бунчуковъ товарищей въ коллежскіе ассесоры. Оружіе компанейцевъ состояло въ саблѣ, въ короткомъ ружьѣ, но иногда душелтонѣ, и въ нагайкѣ, канчукомъ называемой; сапоги носили коротенькіе, и всегда были на службѣ. Въ ограниченіе гетманской власти, подъ російскою державою, указомъ отъ 22 августа 1728 года не позволено гетману имѣть больше трехъ компанейскихъ полковъ, и каждому изъ сихъ полковъ состоять токмо изъ 500 человекъ, по сказанной тутъ весьма важной причинѣ: *«дабы народу въ поборахъ было облегченіе»*. Сіе три компанейскіе полка преобразованы потомъ Екатериною II въ легкоконныя подъ названіемъ: Кіевскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго, а нынѣ и сіи уже не существуютъ.

Компромиссъ—*латынское слово*, въ правахъ малороссійскихъ: 1) соглашеніе обѣихъ тяжущихся сторонъ не вступать въ тяжбу по обыкновеннымъ присутственнымъ мѣстамъ, но избравъ двухъ или трехъ полюбовныхъ судей, предоставить судьбу дѣла своего разсмотрѣнію и рѣшенію ихъ. На сей конецъ тужущіеся дѣлаютъ запись въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, въ которой именуя назначаемыхъ ими полюбовныхъ судей *медіаторами*, или посредниками въ другихъ мѣстахъ называемыхъ, даютъ имъ уполномочіе къ сему разбору, предписываютъ границы власти ихъ, обязываются призыву и требованію ихъ повиноваться, и на непокориваго или упорнаго полагаютъ заруку, т. е. именно назначаемую пеню денежную. 2) Когда сіи полюбовные судьи, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшатъ оное, то приговоръ

ихъ такъ же называютъ *компромиссъ*. А) Ежели рѣшили дѣло единогласно и не выпустя (выступя)? изъ границъ вѣренной имъ отъ тяжущихся власти, то тяжущіе обязаны вѣчнымъ молчаніемъ, и сей компромиссъ отсылается къ неизмѣнному исполненію въ повѣтовый земскій судъ и никакая власть не можетъ и малѣйшей здѣсь здѣлать переменны или послабленія. Непокойный же, приносящій жалобу на таковой компромиссъ, или упорствующій въ исполненіи предписаннаго, платитъ каждый разъ положенную въ записи заруку. Б) Ежели полюбовные судьи вышли изъ границъ имъ повѣреннаго, то за указательствомъ о томъ отъ тяжущихся, повѣтовый судъ исполняетъ компромиссъ только въ томъ, что было вѣрено, а прочее оставляютъ, предоставляя сторонамъ или итти формою суда, но не нарушать того, что рѣшено уже компромиссомъ во вѣренныхъ предѣлахъ. В) Ежели полюбовные судьи здѣлаютъ разногласные компромиссы, то дѣло вступить въ повѣтовый земскій судъ, который приступаетъ рѣшеніемъ къ мнѣнію одного или другого, но въ такомъ случаѣ могутъ уже тяжущіе приносить дѣло по апелліаціи въ генеральный судъ и далѣе.

Компуты—слово польское; такъ называются въ Малороссіи книги, въ которыя вносятся роды козаковъ, ихъ жилища и раздѣленіе по службѣ. Сими путями доказываютъ они свою породу и свободу.

Контора раскольническая. Въ Малороссіи отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ терпимость вѣръ была закономъ. Множество раскольниковъ удаляясь гоненій, поселились тутъ ¹⁾, на земляхъ пустыхъ, и селеніи свои называли слободами, паче же всего избрала мѣста дремучихъ лѣсовъ: въ Добрянкѣ, Зыбкой, Митьковкѣ, Воронкѣ и проч., около Стародуба и Чернигова. Для управленія ихъ существовала нѣсколько времени особая контора, уничтожившаяся съ преобразованіемъ Малороссіи въ намѣстничества и отдачею ихъ подъ вѣдомство казенныхъ палатъ. Они никогда не были причислены въ число малороссійскихъ туземцевъ, но считались токмо промышленниками, живя изъ кожевенныхъ, мыльныхъ и частію стеклянныхъ заводовъ, и довольно богатылись, пользуясь дровами изъ лѣсовъ вольныхъ, весьма обширныхъ. Духовенство малороссійское, всегда просвѣщенное и снисходительное, не мѣшалось въ обряды ихъ, ни въ вѣровсповѣданіе ихъ, только бы то было безъ нарушенія общаго покоя. Малороссіане внутренне смѣялись ихъ заблужденіямъ, но въ при-

¹⁾ Т. е. въ Малороссіи.

судствѣ ихъ всегда молчали и были скромны. Хотя число раскольниковъ было не велико, но трудолюбіе ихъ всегда хвалили. До открытія намѣстничествъ неизвѣстно, чтобъ кто согласился на ихъ толки, но съ того времени принимаютъ они и малороссіянъ въ свое сожительство.

Контравенція—слово латынское въ правахъ малороссійскихъ—сопротивленіе или неповиновеніе приговорамъ судебныхъ мѣстъ. Въ правѣ трибунальномъ и въ конституціи 1647 года узаконено таковое сопротивленіе трибуналу или генеральному суду наказывать тюремнымъ содержаніемъ и платежемъ ста копъ присутствующимъ.

Контроверсія—слово латынское. Въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ такъ называется судопроизводство, т. е. доказательство или доводъ исковый стороны и отвѣтъ или оправданіе, или отвѣтъ, обжалованной стороны, отвѣтчика. За пришествіемъ назначеннаго въ повѣѣ срока и по окончаніи трехъ чрезъ *вознаго* вызововъ, *воляньемъ* именуемыхъ, должны обѣ стороны немедленно вступать въ контроверсію и окончить оную не далѣе третьяго дня, въ который уже должна вся контроверсія, кудио съ документами, отдана быть писарю. Опоздавшій лишается права доказывать или отвѣчать, и считается (sic) *отъ суда упавшимъ въ рѣчи*, т. е. виновнымъ.

Конфедерація—слово латынское. Славнѣйшая пзѣ конфедерацій есть при сѣздѣ вельможъ коронныхъ, духовныхъ и мірскихъ, всего рыцарства и депутатовъ польскихъ, литовскихъ, кіевскихъ, волинскихъ, подлѣскихъ, русскихъ, прусскихъ, поморскихъ, жмудскихъ, лифляндскихъ, и прочихъ, учиненная въ Варшавѣ генваря 28 дня 1573 года, которою утверждено свободное греческое въ Малороссіи вѣронсповѣданіе, безопасность храмовъ, личная каждаго безопасность и собственность владѣнія.

Кона—мысленный денежный счетъ, подобно алтыну, въ Малороссіи простымъ народомъ употребляемый и раздѣляемый на три рода: 1) при кулѣ и продажѣ на торгахъ и ярманкахъ, считается въ полтину или 50 коп. 2) Въ судебныхъ приговорахъ и разборѣ акциденцій содержитъ въ себѣ шесть золотыхъ или 120 коп. 3) Кона правная въ законахъ оцѣнкою или въ штрафъ полагаемая, содержитъ 22 золотые съ половиною, или 450 коп.

Коровай—особый хлѣбъ, употребляемый въ Малороссіи токмо при свадьбахъ. Пекутъ его на подобіе кулича съ разными шипками, коихъ чѣмъ больше, тѣмъ коровой виднѣе; у достаточныхъ людей

снѣжки вызолачиваются. Коровай украшаютъ маленькими хоругвами или знаменами, гаками (?) и другими нарядами. Коровай величиною дѣлается по числу близкихъ гостей т. е. родныхъ, почетныхъ приглашенныхъ и всѣхъ имѣющихъ должности при свадьбѣ, яко то: боярь, дружковъ и дружекъ, сватовъ и свахъ, свѣтилокъ и проч., и проч. Бude же одного коровая недостаточно, то готовится оныхъ нѣсколько. Коровай обыкновенно ставится на большомъ столѣ, за который садятся свадебные гости и служить украшеніемъ обѣденному столу, при окончаніи котораго (ибо въ Малороссіи новобрачные должны отслушать обѣдню и послѣ оной бывають вѣнчаемы) старшій бояринъ или кому поручено, раздробляетъ коровай и подноситъ по кусочку онаго, въ которой воткнуто или знамя или елка, по порядку занимаемыхъ степеней, а приемлющіе оной по возможности и соизволенію кладутъ на блюдо или серебряныя деньги или объявляютъ, чемъ они новобрачныхъ на новое хозяйство подарить предположили. Къ роднымъ и близкимъ, на свадьбѣ не бывшимъ, новобрачные кусокъ коровая съ вышепронисаннымъ украшеніемъ или сами отвозятъ, будучи сопровождаемы музыкою и пѣніемъ молодыхъ юношей и дѣвиць, или отсылаютъ со сватовьями и другими. По древнему обычаю, должно имѣть въ запасѣ сего коровая на цѣлую недѣлю, дабы могъ было подчивать приѣзжающихъ съ поздравленіемъ къ новобрачнымъ, какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе дни. Подносится при короваѣ и бокаль съ наниткомъ, чтобы выпить за здоровье новобрачныхъ при желаніи долгой и счастливой жизни.

Корона. Корона латынское слово—вѣнецъ. Обыкновеніе украшать себя вѣнками, хотя и есть самой глубокой древности, но въ Малороссіи существуетъ оное еще и понынѣ. Молодыя дѣвицы по окончаніи работъ своихъ (но тѣ, которыя непорочны чистотою) возвращаясь при закатѣ солнца съ поля въ дома свои, илегутъ изъ разныхъ цвѣтовъ, травъ и колосьевъ, вѣнки, коими украшаютъ головы свои, покрытыя длинными сплетенными косами, и столпясь напѣвають хоромъ, въ разныхъ голосахъ, пѣсни приятныя, простыя, натуральныя или сочиняемыя, непорочность златыхъ временъ изображающія, и бывъ сопровождаемы отцами, матерями, братьями, родственниками, друзьями, въ такомъ торжественномъ видѣ входятъ въ селеніе свое, наполняя все пространство онаго эхомъ голосовъ своихъ, возвѣщающихъ возвращеніе ихъ съ полей, изъявляющихъ удовольствіе о благополучномъ окончаніи того дня приятныхъ имъ за-

ботъ, съ желаніемъ начать оныя, по отдохновеніи отъ трудовъ, наутріе столько же удачно удовольствованно, какъ и предшествовавшіе дни.

Коронный. Во время существованія второй малороссійской коллегіи такъ именовалось скарбовое сокровище, яко бы казнѣ принадлежащее и отъ того: 1) коронный смотритель, родъ казеннаго комиссара, отъ начальства опредѣленнаго, для управленія ввѣреннаго ему скарбоваго имѣнія части, сбора, расходовъ и расправъ между коронными поселянами; 2) коронное имѣніе вѣдомству скарба войсковаго подлежащее и проч.

Кошевой. Иногда называется съ прибавленіемъ *атаманъ кошевой*, названный такъ отъ слова *кошь*, былъ избираемъ всѣми вообще куренями, и по выборѣ оставался въ реестрѣ рядовыхъ козаковъ того курена, къ которому принадлежалъ. Должность его продолжалась по волѣ козаковъ, иногда не болѣе одного года, ибо обыкновенно въ новый годъ собирались всѣ курени на раду (совѣтъ), гдѣ или подтверждали стараго или избирали новаго кошеваго и тогда прежде бывшій возвращался къ своему куреню и вступалъ въ прежнее званіе козака. Все отличіе кошеваго доколѣ пребывалъ въ должности, состояло въ большой палкѣ, аки бы въ начальственномъ жезлѣ, которая сохранялась въ церквѣ. Мнѣніе, что кошевыя должны быть всегда безграмотные, несправедливо въ точности смысла, ибо извѣстно, что сіе мѣсто получали и весьма ученые люди; но въ смыслѣ по запорожскп дипломатическомъ, сіе утверженіе истинно: каждый избранный кошевой долженъ былъ притворяться челоуѣкомъ простымъ, добрымъ, никакого умственнаго преимущества надъ рядовыми козаками неимѣющимъ, а токмо храбростію и добротою сердца отличатся, судить и говорить съ протчими въ мирное время, яко отецъ съ дѣтьми (а въ походѣ и на войнѣ оныя былъ совершенный деспотъ) и дѣйствовать во всемъ, что касается до общественныхъ дѣлъ, чрезъ писаря, съ согласія старшинъ, а въ важнѣйшихъ случаяхъ—куренныхъ атамановъ.

Кошь. Сіе слово значитъ на татарскомъ языкѣ *станъ*, *лагерь*; потому—первенствующій въ лагерь, гетманомъ назначаемый, именованъ кошевымъ. Козаки запорожскіе, считая себя войнами всегда дѣйствующими, присвоили потомъ исключительно имя сіе начальнику своему, желая выще противопоставить власть его власти законнаго гетмана.